

ОШО

О МАСТЕРАХ ДЗЭН

禅

ХЯКУДЗЁ:
ЭВЕРЕСТ ДЗЭН

Annotation

Прочесть эту книгу - значит принять протянутую руку просветленного мастера, Ошо Раджниша, и отправиться по "золотой тропинке, уводящей в центр твоей души".

Бхагаван Шри Раджниш (Ошо)

Хякудзё: Эверест Дзэн

Вступление

Как-то раз китайский император, который очень любил живопись, созвал всех художников своей империи - одной из величайших империй мира. Он сказал им:

- Я собираюсь провозгласить одного из вас главным художником империи. Вы будете моими гостями, и вы будете рисовать. Я приду посмотреть на ваши полотна, и тот, чья картина окажется наилучшей, станет моим придворным художником и главным художником всей империи - и я награжу его как следует.

В состязании участвовали тысячи художников. И один старый художник сказал императору:

- Чтобы нарисовать картину, мне потребуется не менее трех лет. Я должен сразу поставить несколько условий: пока я буду рисовать, никто не смеет входить в мой дом - я не хочу, чтобы кто-то видел незавершенную картину. Когда картина будет готова, я приглашу тебя.

- Три года? Это слишком много, - сказал император.

- Тогда я отказываюсь участвовать в состязании. Три года - ничто. Ты ведь не знаешь, что я собираюсь рисовать, - ответил художник.

Император вынужден был согласиться. Остальные художники завершили свои полотна. Кто через неделю, кто через две, большинство - через четыре. Но император не был удовлетворен. Он должен был увидеться со стариком. Не видя его полотна, он не мог провозгласить своего решения.

Через три года старый художник явился к императору и сказал:

- Картина готова. Ты можешь прийти посмотреть на нее.

Он создавал свою картину на территории дворца самого императора. Ему выделили красивый дом, который стражники охраняли круглые сутки, чтобы никто не смог помешать художнику, работать. Император прождал все три года. Это было долгое ожидание - он был стар и боялся, что смерть может прийти к нему в любую минуту. Но картина была готова, а он все еще жив. С некоторым страхом в сердце император ступил в дом, где работал художник. Картина занимала целую стену: на ней был изображен прекрасный лес, через него протекала речушка, а рядом с ней вилась исчезающая в горах узенькая тропинка.

Император не мог поверить своим глазам: это было настоящее чудо - магия. Его охватил благоговейный страх. После долгого молчания он задал художнику лишь один вопрос:

- Меня очень заинтересовала эта узенькая тропинка.

Она вьется по лесу, доходит до подножья гор и где-то там теряется. Куда она ведет?

Художник ответил императору:

- Чтобы узнать об этом, нужно пройти по ней.

Другого способа узнать не существует.

Император совершенно забыл, что перед ним была лишь картина. Его так захватила красота, что, взяв художника за руку, он пошел с ним по тропинке. Они вместе исчезли в горах. И до сих пор не возвратились.

Прочесть эту книгу - значит принять протянутую руку просветленного мастера, Ошо Раджниша, и отправиться по "золотой тропинке, уводящей в центр твоей души".

Ма Дхиан Сагар, бакалавр искусств.

Слово к читателю

Конец каждой главы в этой серии книг о мудрецах имеет определенную структуру, которая может озадачить читателя, не присутствовавшего на встречах с Мастером. Вначале наступает "время Сардара Гурудаяла Сингха". Сардарджи - вечный ученик, известный своим неподдельным и заразительным смехом. Время шуток и смеха названо именно в его честь: "А сейчас пришло время Сардара Гурудаяла Сингха".

Далее следует практика медитации, состоящая из четырех этапов. Каждый этап медитации начинается после того, как Ошо подает знак барабанщику Ниведано. Барабанная дробь изображается в книге следующим образом:

Первая ступень медитации начинается с тарабарщины. Ошо называл ее "очищением ума от всевозможной пыли", "разговором на неизвестном языке", "избавлением от сумасшествия". На несколько минут аудитория просто сходит с ума: тысячи людей орут, визжат, несут вздор, размахивают руками. Тарабарщина изображена в тексте следующим образом:

Вторая ступень включает в себя сидение в тишине, наблюдение, фокусирование сознания на своем внутреннем центре.

Третья ступень - "отпускание", когда медитирующие бессильно падают на землю, растворяя границы, отделяющие людей друг от друга.

Заключительная барабанная дробь приглашает участников вернуться в сидячее положение; далее им дается рекомендация всячески углублять собственный опыт медитации в повседневной жизни. На каждой ступени медитации к собравшимся обращается Мастер. Текст вечерних медитаций воспроизведен здесь полностью.

Наш любимый Учитель,

Когда Хякудзё впервые прибыл в Цзян-си, чтобы засвидетельствовать свое почтение Ма-цы, Ма-цы спросил его:

- Откуда ты пришел?
- Из монастыря Большая Туча, что в Юэ Чоу, - ответил Хякудзё.
- И чего ты хочешь достичь, явившись сюда? - вновь спросил Ма-цы.
- Я пришел сюда в поисках дхармы будды, - ответил Хякудзё.

На это Ма-цы сказал:

- Вместо того чтобы заглянуть в сокровищницу, которая принадлежит тебе, ты оставил дом и отправился в дальний путь. Зачем? У меня здесь нет совершенно ничего. И что это за дхарма будды, которую ты ищешь?

Тут Хякудзё пал перед ним ниц со словами:

- Прошу тебя, скажи, что ты имел в виду, говоря о сокровищнице, которая принадлежит мне?

Ма-цы ответил:

- То, что задает вопрос, и есть твоя сокровищница. В ней есть все, что тебе нужно, и в ней можно найти все. Все, что в ней, принадлежит тебе, так зачем же искать что-то снаружи?

Как только Хякудзё услышал эти слова, на него снизошло великое просветление, и он осознал свой собственный не-ум. Вне себя от радости, он поклонился с глубокой благодарностью.

Шесть лет Хякудзё провел рядом с Ма-цы. Но когда его старый учитель, Дао-ци, состарился, он решил возвратиться, чтобы ухаживать за ним.

Прежде чем покинуть Ма-цы, Хякудзё пришел попрощаться с Мастером. Завидев его, Ма-цы поднял вверх метелку из конского волоса.

Хякудзё спросил:

- Она тобой еще пользуется или ты уже отстранился от использования?

Ма-цы повесил метелку на край стула. Помолчав минуту, он спросил Хякудзё:

- Итак, как ты открываешь два лепестка своего рта, чтобы служить другим?

Вместо ответа Хякудзё взял метелку и поднял ее вверх. Ма-цы спросил:

- Она тобой еще пользуется или ты уже отстранился от использования?

Хякудзё повесил метелку на край стула.

В ту же секунду громкий рев, подобный тысяче громов, раздался в голове Хякудзё. Ма-цы издал крик, который, как говорят, лишил Хякудзё слуха на три дня.

Маниша, прежде чем начать обсуждать сутры Хякудзё, я хочу сказать кое-что. Хякудзё был прямым преемником Ма-цы и прославился тем, что первым создал истинно дзэнские монастыри, а также благодаря своему трактату о внезапном просветлении.

Чтобы понять Хякудзё, прежде нужно понять, что просветление может быть лишь внезапным. Подготовка может происходить постепенно, но озарение всегда приходит внезапно. Можно постепенно подготавливать почву для семян, но всходы они дадут внезапно - однажды утром. Это не происходит постепенно. Бытие верит во внезапность. Здесь нет ничего постепенного, хотя таким и кажется. Но это иллюзия.

Раньше наука считала, что все происходит постепенно: ребенок постепенно становится юношей, юноша постепенно взрослеет... Сейчас же, благодаря Альберту Эйнштейну и его открытиям в области атомной энергии, мы знаем, что все не так. Вначале он сам был удивлен, обнаружив, что элементарные частицы не перебираются с одного места на другое подобно тому, как мы проходим от своего дома к базару. Они просто прыгают. И их прыжки столь внезапны, что Эйнштейн придумал для этого новое слово: "квант" - квантовый скачок. Это означает, что частица, находясь в точке А, мгновенно переместилась в точку Б. На промежуточном пути между этими точками ее никогда и не было. Странен скачок частицы от одной точки к другой. И это подсказало Эйнштейну, что все во Вселенной делает скачки, но такие скачки почти неуловимы - вы их не видите.

Каждое мгновение вы делаете скачок к старости. Это не постепенный процесс. Каждое мгновение происходит скачок, и передышки между скачками никак не сделаешь. Скачок следует за скачком, но можно подготовиться. Особенно к просветлению - главному квантовому скачку. Можно медитировать, можно уходить в самую глубь себя, можно найти свой центр. И в тот миг, когда вы найдете свой центр, словно ниоткуда явится будда - будда из чистого пламени.

Его появление не будет постепенным, не будет частичным. Огромный вклад Хякудзё состоит в том, что он заговорил о внезапном просветлении - ведь это так нелогично. Если вы отправитесь отсюда на базар, вам придется идти, а не лететь по небу, подобно обезьяньему богу индусов, прихватившему с собой горы, чтобы прыгать с одной вершины на другую... Вам придется делать шаг за шагом. Вы будете передвигаться постепенно. Вы не сможете испариться из аудитории Будды и тут же очутиться на базаре дороги М.Г.

В обыденной жизни мы почти никогда не сталкиваемся с полной внезапностью: мы не видим, чтобы бутон розы внезапно превратился в цветок, - он раскрывается постепенно. Утром - это еще бутон; вечером он превращается в цветок. Постоянно видя перед собой медленные перемены, великие мастера дзэн принадлежали к школе постепенного продвижения. Мысль о том, что кто-то может стать буддой внезапно, казалась им совершенно абсурдной.

Все требует времени. Если вы хотите построить дом, разбить сад, нарисовать картину, написать поэму - все это займет время. Есть лишь одна вещь, не требующая времени, ибо она - вне времени. Это просветление. Вы просто выпрыгиваете из времени и оказываетесь там, где, казалось, были всегда - в открывшейся вам истинной природе.

Хякудзё создал еще одну вещь - дзэнские монастыри. Прежде были лишь дзэнские храмы, где могли жить и читать дзэнские тексты небольшие группы людей. Но он создал нечто новое - монастырь, где люди могли посвящать себя только одной цели: стать буддой. Никаких текстов, никаких ритуалов... вся энергия направлялась к одной цели - открыть свою истинную природу.

Но почему монастыри? Когда тысячи людей собираются вместе, чтобы отправиться в неведомое, вам становится легче, ведь вы знаете, что, хотя вы и собираетесь в одиночку отправиться в свое собственное пространство, тысячи людей вокруг вас также собираются отправиться в одиночку в то же пространство. К тому же монастыри создают особую атмосферу, и это величайший вклад Хякудзё в дзэн.

Монастырь - это климат. Каждый нерв, каждая волна... каждый листочек на дереве пропитан единым желанием - безоглядно стать буддой. И, когда десять тысяч человек в течение многих лет все идут в одну сторону, это создает особое энергетическое поле. Можно попасть в это энергетическое поле, а оказавшись там, легко выскользнуть из ума. Одному этого трудно достичь. Одному тоже можно... так бывает... но не часто...

Хякудзё, учредив монастыри, просто создал невидимое вам энергетическое поле. Когда десять тысяч сидящих здесь санньяси входят в свою внутреннюю сущность, каждый из них оказывается там один, но, с другой стороны, с каждым из них там оказывается еще десять тысяч человек. Этот эксперимент проводился не только в кельях, но также и под открытым небом, где десять тысяч человек, идущих одним и тем же путем, создавали вибрации, волны энергии.

Чтобы не стать буддой в таком климате, нужно бороться со всем энергетическим полем - плыть против течения. Чтобы стать буддой, нужно просто плыть по течению. В такой атмосфере возможна полная самозабвенность. Хякудзё предложил научную концепцию монастыря.

Хякудзё родился в 727 году. Он также известен под именем Пай Чан. В детстве мать повела Хякудзё в храм. Войдя туда, она поклонилась статуе Будды. Указав на статую, Хякудзё спросил:

- Что это?
- Это будда, - ответила мать. Хякудзё тогда сказал:
- Он совсем как человек. Я тоже хочу стать когда-нибудь буддой.

Этот незначительный случай имел весьма значительные последствия. Будда никогда не хотел быть каким-то особым или выдающимся человеком. Он знал, что если он будет каким-то особым или выдающимся, это отвратит от его пути обычных людей, которые понимают, что они не особенные и не выдающиеся. Они - не воплощение Бога, они не обладают чудодейственной силой. Они не могут ходить по водам, они не могут возвратить мертвого Лазаря к жизни... Взгляните лишь на Иисуса и Будду, и вы увидите, что Будда совершенно обычный, скромный, простой - он вполне может затеряться в толпе. Иисус же стоит вдалеке от всех - ведь вы не можете ходить по водам.

Я как-то слышал историю о том, как один епископ пришел на святую землю Израиля. У него было два друга - два старых раввина, и он попросил их отвести его к святым местам, которые посещал Иисус. Наконец они пришли к озеру в Галилее, по водам которого ходил Иисус. Они взяли лодку и подплыли именно к тому месту, где Он ходил. Епископ сказал:

- Иисус был евреем - вашим последним пророком и основателем нашей религии. Можете ли вы тоже ходить по воде?
- Свободно, - ответил один из раввинов. Епископ не поверил и сказал:
- Я хочу в этом убедиться.

Один из раввинов, перешагнув через левый борт, сделал несколько шагов по воде и затем вернулся на место. Епископ смотрел на все это широко открытыми глазами. Придя в себя, он сказал:

- Мы думали, что только Иисус был способен на это. Похоже, это свойство всех евреев.

Старые евреи ответили епископу:

- Мы не последователи Иисуса, и мы распяли его на кресте за то, что он был самозванцем - провозгласил себя последним пророком. Но ты - последователь Иисуса, так что во имя Христа попробуй ты - пройдись по воде.

Это был вызов...

Епископ сидел у правого борта лодки. И он переступил через борт и тут же ушел под воду, успев только закричать: "На помощь!"

Раввины вытащили его из воды, и старший спросил у младшего:

- Как ты думаешь, открыть ли секрет этому идиоту?..

А секрет состоял в том, что под водой были большие камни. Но они находились слева от лодки, а не справа. Видимо, Иисус по ним и ходил.

Я как-то слышал историю об одном американце-христианине, очень богатом человеке, но очень скромном. Этот американец приехал в Израиль. Каждый турист обычно отправляется к Морю Галилейскому - самому святому месту в Израиле. Там Иисус провел большую часть своей жизни. И этот американец спросил лодочника:

- За сколько ты отвезешь меня к тому месту, где Иисус ходил по водам?

- За десять долларов, сэр, - ответил ему лодочник.

- Тогда понятно, почему Иисус решил пройтись по воде пешком! Десять долларов - немыслимо! Сегодня я не собираюсь ходить по воде.

Будда же не делал ничего такого, чего бы не могли сделать вы. Он такое же человеческое существо, как каждый из вас. Он не говорит, что чем-то выделяется среди других. В этом его величие.

В нашем случае Хякудзё спросил свою мать, указав на статую Будды:

- Кто это?

Мать ответила:

- Это - будда. Хякудзё тогда сказал:

- Он совсем как человек...

Хякудзё никогда не пытался выглядеть как-то иначе. Он просто хотел быть человеком, чтобы поощрить тем самым каждого: тебе не нужно ходить по водам, тебе не нужно превращать воду в виски...

Вы можете стать буддой без всякого труда, ибо это ваша внутренняя природа. Это не требует чуда. Религия - не магия. Это очень простая и скромная попытка отыскать в себе самую глубокую точку - там, где ты соединен со Вселенной. Эта точка соединения и есть будда.

И хотя Хякудзё был тогда всего лишь маленьким ребенком, он сказал: "Он совсем как человек. Я тоже хочу когда-нибудь стать буддой... Этот человек стал буддой... Я тоже человек. Сейчас я еще слишком маленький, но когда-нибудь я вырасту и стану буддой".

Хякудзё стал монахом, когда ему исполнилось двадцать два года. Он вступил в монастырь, что в Юэ Чоу, и его первым учителем был Дао-ци. Дао-ци дал ему первое духовное имя, Хуэй Хай, что означает "Океан Мудрости".

Хякудзё уже давно не был монахом, когда услышал о великом мастере Ма-цзы и отправился к нему в Цзян-си.

Маниша спрашивает: любимый Учитель,

Когда Хякудзё впервые прибыл в Цзян-си, чтобы засвидетельствовать свое почтение Ма-цзы, тот спросил его: "Откуда ты пришел?"

Это дзэнский вопрос. Подобные вопросы имеют иное значение, чем то, какое им придает непосвященный. Спрашивая "Откуда ты пришел?", он хочет узнать: из какой вечности ты явился сюда? Осознаешь ли ты свою вечную сущность - то, что ты явился сюда из полной пустоты?

Но Хякудзё не понял сути вопроса. Он решил, что Ма-цзы задает ему обычный вопрос.

- Из монастыря Большая Туча, что в Юэ Чоу, - ответил Хякудзё.

- И чего ты хочешь достичь, явившись сюда? - вновь спросил Ма-цзы.

- Я пришел сюда в поисках дхармы будды, - ответил Хякудзё.

На это Ма-цзы сказал:

- Вместо того чтобы заглянуть в сокровищницу, которая принадлежит тебе, ты оставил дом и отправился в дальний путь. Зачем? У меня здесь нет совершенно ничего. И что это за дхарма будды, которую ты ищешь?

Тут Хякудзё пал перед ним ниц со словами:

- Прошу тебя, скажи, что ты имел в виду, говоря о сокровищнице, которая принадлежит мне?

Сейчас он задал правильный вопрос.

Ма-цзы ответил:

- То, что задает вопрос, и есть твоя сокровищница.

Твое сознание, твоя сущность - кто задал вопрос?

Не ищи ответ, ищи, откуда исходит вопрос, тогда ты заглянешь внутрь себя. Вопрос исходит из самой глубины тебя.

- То, что задает вопрос, и есть твоя сокровищница. В ней есть все, что тебе нужно, и в ней можно найти все. Все, что в ней, принадлежит тебе, так зачем же искать что-то снаружи?

Как только Хякудзё услышал эти слова, на него снизошло великое просветление, и он осознал свой собственный не-ум. Вне себя от радости, он поклонился с глубокой благодарностью.

Шесть лет Хякудзё провел рядом с Ма-цзы...

Такое больше не случается в мире, потому что мы забыли язык внезапности, мы верим лишь в постепенный рост. Внезапность кажется иррациональной, нелогичной, невозможной. Если вы чего-то желаете, оно приходит постепенно. Есть лишь одно исключение - вы сами; вы уже там. Так что дело лишь за тем, чтобы обратить свои глаза вовнутрь, просто заглянуть внутрь себя с полной безоглядностью - и все переменится в одно мгновение.

Когда Ма-цзы сказал Хякудзё: "То, что задает вопрос, и есть твоя сокровищница", тот должен был тут же посмотреть вовнутрь - туда, откуда исходил вопрос. "В ней есть все, что тебе нужно, и в ней можно найти все. Все, что в ней, принадлежит тебе, так зачем же искать что-то снаружи?"

Как только он погрузился в то место, откуда исходил вопрос, на него тут же снизошло великое озарение. В наши дни люди задают вопросы, чтобы получать ответы. Задавайте вопросы о чем угодно, не задавайте вопросов лишь относительно себя. Просто загляните внутрь себя, найдите то место, откуда исходит вопрос, - и великое просветление станет возможным.

Как только Хякудзё услышал эти слова, на него снизошло великое просветление, и он осознал свой собственный не-ум. Вне себя от радости, он поклонился с глубокой благодарностью.

Шесть лет Хякудзё провел рядом с Ма-цзы. Но, когда его старый учитель, Дао-ци, состарился, он решил возвратиться, чтобы ухаживать за ним.

Прежде чем покинуть Ма-цзы, Хякудзё пришел попрощаться с Мастером. Завидев его, Ма-цзы поднял вверх метелку из конского волоса.

Хякудзё спросил:

- Она тобой еще пользуется или ты уже отстранился от использования?

Ма-цзы повесил метелку на край стула. Помолчав минуту, он спросил Хякудзё:

- Итак, как ты открываешь два лепестка своего рта, чтобы служить другим?

Вместо ответа Хякудзё взял метелку и поднял ее вверх.

Ма-цзы спросил:

- Она тобой еще пользуется или ты уже отстранился от использования?

Хякудзё повесил метелку на край стула.

В ту же секунду громкий рев, подобный тысяче громов, раздался в голове Хякудзё. Ма-цзы издал крик, который, как говорят, лишил Хякудзё слуха на три дня.

В течение трех дней Хякудзё ничего больше не мог слышать. Что произошло во время этого диалога, когда Ма-цзы задал вопрос: "Она тобой еще пользуется или ты уже отстранился от использования?" Они оба задали друг другу один и тот же вопрос. Вначале его задал Хякудзё, и его значение понятно: "Являешься ли ты наблюдателем, пользуясь ею, или ты стал с ней одним целым и забыл о наблюдении?"

Когда же Ма-цзы задал тот же вопрос, Хякудзё поступил так же, как поступил Ма-цзы - он повесил метелку на край стула, показывая этим: "Я тоже свидетель, я больше не метелка из конского волоса. Я не объект, я всегда субъект и свидетель".

Удовлетворенный, Ма-цзы издал громогласный крик радости - ведь его ученик стал зрелым, его ученик вернулся домой, слепота ученика прошла. И рев, подобный тысяче громов, раздался в голове Хякудзё. Ма-цзы издал крик, который, как говорят, лишил Хякудзё слуха на три дня.

Это был крик великой радости, приветствовавший Хякудзё: "После всего ты, наконец, прибыл домой!"

Вот хайку Басё:

Я хлопаю в ладоши, и вместе с эхом приходит рассвет - летняя луна.

Басё - один из величайших поэтов мира. Но он писал только хайку - символические и чудесные, простые и таинственные. Их можно понять только через визуализацию - дзэн не верит в слова. Визуализируйте и, возможно, вы сможете понять: "Я хлопаю в ладоши, и вместе с эхом" - в горах - "приходит рассвет - летняя луна".

Летняя луна все еще на небе, а солнце вот-вот взойдет. Я хлопнул в ладоши, и эхо все еще отзывается в горах. Это живопись в словах. Хайку следует воспринимать как живопись в словах, а не только как поэзию слов. И ее нужно визуализировать. Просто представьте себя среди гор. И (мастер хлопнул в ладоши) хлопните в ладоши. Горы отзываются эхом, и летняя луна все еще здесь, и начинается рассвет. Вскоре взойдет солнце.

Зачем ему было писать эти маленькие хайку? Он жил на берегу озера, окруженного горами, он медитировал в полной тишине. Иногда он открывал глаза, и то, что представляло перед его взором, он записывал.

Эти хайку - вне ума. Эти хайку - отражения в зеркале, в не-уме. В безмолвии сердца - летняя луна... рассвет близится... и он хлопает в ладоши и горы звенят в ответ эхом.

Согласно Басё, медитирующий ищет в глубине себя, но это не означает, что он должен терять связь с окружающим миром. Иногда он должен открывать глаза. И в своей пустоте он должен отразить внешний мир. Эти отражения запечатываются в хайку. Они ничего не означают - они отображают картину.

Маниша спрашивает:

Наш любимый Учитель,

Многие ученики посвятили своим учителям книги, выражая этим свою любовь и благодарность. Но Ты, как обычно, перевернул традицию с ног на голову, посвятив две книги Твоих бесед особым ученикам.

Любил ли хоть один учитель своих учеников так, как Ты, мне кажется, любишь нас?

Маниша, когда я вижу всех вас, я вижу вас не такими, какими вы видите себя сами. Я просто вижу перед собой потенциальных будд. Ни один из учителей не посвящал свои книги ученикам, поскольку ни один из них не обладал той ясностью, которая позволяет увидеть будущее в настоящем, различить розу в семени. Я же обладаю. И потому, когда я называю вас буддами - это не символ, я действительно верю в это. Это не только любовь, но и уважение. Вот как я это понимаю: если учитель не уважает своего ученика, он сам не заслуживает уважения. Это - общение, это - взаимообогащение, это - единство.

Я собираюсь посвятить ученикам свои книги, ведь у меня больше нет ничего. У меня есть только мои слова, мои переживания, мое молчание, мои песни, и их я посвящаю своим ученикам, благодаря которым я живу.

Без вас я не проснулся бы завтра утром - что мне здесь делать? Мне больше нечего делать в мире. Я уже сделал все, что мог. Собственно говоря, я сделал слишком много.

Сейчас же моя жизнь - в ваших руках. Если вы хотите, чтобы я оставался, я могу повременить с уходом. Но в день, когда я пойму, что нечего больше откладывать, я попрошу вас быть готовыми к великой церемонии. Но пока что я чувствую себя как ребенок.

Будды готовы проснуться. Некоторые уже открыли один глаз. Некоторые открыли оба глаза, но тут же натянули на голову одеяло, решив еще немного подремать. У меня с вами - настоящая битва. Долго вы еще собираетесь нежиться под одеялом? Рано или поздно вы устанете. Вам от меня никуда не деться. Вы станете буддами. Став буддой, вы можете свободно путешествовать по всему миру, неся с собой огонь.

Цель моего существования сводится лишь к этому: в мир должны явиться как можно больше будд - и как можно быстрее - пока политики не умудрились совершить глобальное самоубийство. Только множество будд могут создать атмосферу мира, любви и сострадания, воевать в которой будет немыслимо. Я нахожусь в особой ситуации - никто из будд прежде не оказывался в такой ситуации.

Эта книга посвящается Анандо, несмотря на ее сопротивление. Она вела себя совершенно несознательно эти два дня. Во-первых, меня всегда беспокоит то, что Маниша не может позволить себе взять выходные, страдает ли она мигренью или не страдает, потому что, если она отсутствует хотя бы один вечер (я знаю, что эти проблемы с мигренью у нее уже не один год), кто-то должен занять ее место. Но занимать место на один день - опасно. Он сразу войдет во вкус и подумает: "А почему бы не продолжить?" Это все равно, что вас провозгласили королем на день. Вам будет трудно забыть это всю жизнь.

Вначале она дергалась, когда я говорил: "Маниша, заботься об Анандо!" Я видел ее лицо и ее реакцию. Она хотела, чтобы я обращался прямо к ней. Но я знал, что лучше, чтобы о ней "заборолись", потому что завтра ее здесь не будет. То же самое произошло с Вималом. Несколько дней он сидел, чуть ли не со слезами на глазах. Вкусив однажды радость задавать мне вопросы, он должен был тут же покинуть это место. У него отняли его королевство! Только сейчас он пришел в себя. Вот почему мне не хочется беспокоить его снова. Вот почему я прошу об этом Анандо.

У меня есть свои методы работы. Я стараюсь любым способом узнать секрет, который нужно открыть тому и иному человеку. Возможно, Анандо не знает, что она никогда не бывает мила с людьми, которым она мила. Она становится вредной. Причина тому - ее воспитание в детстве. Во-вторых, она никогда не радуется, когда что-то получает. Для этого нужно мужество. Возможно, вы об этом не знаете. Один любит дарить - ведь это его возвышает. Но каждый должен научиться принимать подарки. Когда ты оказываешься получателем, а не дарителем, твое это страдает.

Я хотел посмотреть, как она получит это. Она оказалась не на высоте. Во-первых, она задержалась, когда Маниша задала свой вопрос. Она решила, что Маниша намекает на то, что лошадь появилась слишком рано и прервала мою речь. Поскольку Анандо была половиной лошади, она решила, что Маниша хочет обсудить этот вопрос перед всей аудиторией, хотя Маниша и не думала это обсуждать.

Маниша же спрашивала о другом. Она хотела узнать, как я отреагировал на эту внезапность. Вот почему Авирабхава хранила спокойствие. Она была главной частью лошади. Анандо же была всего лишь ее задней частью. Авирабхава оказалась более сознательной, поняв, что этот вопрос не касается их преждевременного выхода на сцену. Преждевременность выхода оказалась очень удачной - она удивила всех, кроме меня. Но я и так сумасшедший.

Ничто не удивляет меня...

Тридцать пять лет подряд я искал чего-то такого, что могло бы удивить меня. Но меня ничто не удивляет. Даже когда какой-то человек метнул в меня нож, это не удивило меня. Я просто взглянул на нож и вернулся к своим занятиям. Этот человек, должно быть, удивился. Я даже не заявил о случившемся в полицию. Я не обратился в суд. Суд прислал ко мне представителя, чтобы узнать, произошел ли этот случай в действительности.

Я сказал: "Ничего особенного. Это был просто старый ржавый нож, и он никого не задел. Так что, по существу, ничего не произошло, если не считать звука падения ножа на землю. Вы называете это преступлением?"

Человек из суда сказал мне: "Вы - странный. Полиция передала дело в суд, и я пришел к вам как представитель суда, потому что вы отказались явиться".

Я сказал: "Я бы не явился в суд в любом случае: если бы нож убил меня, я бы не смог явиться. Но нож не убил меня - зачем же мне являться в суд?"

Человек сказал: "Что мне сказать в суде?"

Я сказал: "Просто напишите на листке бумаги - а я поставлю свою подпись, - что этот случай действительно имел место: мужчина бросил нож. Я услышал звук падающего ножа. На минуту я прервался, пока полиция возилась с этим человеком. Когда полицейские увезли его, я продолжил свою речь".

Появление лошади было для всех неожиданностью. Мне это доставило удовольствие. Настоящий Калки, белый конь индусов, который должен явиться в течение ближайших двенадцати лет, явится без предупреждения. Он появится так же неожиданно, как появилась лошадь Авирабхавы. Так что все было верно. Но Анандо почувствовала себя задетой.

Я могу понять поспешность Авирабхавы. Представьте себе человека внутри лошади. Он хочет выбраться оттуда побыстрее. Она еще хочет принести сюда слонов и крокодилов... и она будет сидеть внутри! Конечно же, она спешила - ведь лошадь могла переломиться пополам. Конечно же, нужно было выходить как можно быстрее... Это было отличное представление.

Но не это задело Анандо по-настоящему - это все пустяки. Ее взволновало то, что я сказал, что я нашел в Манише лучшего писца, чем Рамакришна нашел в Вивекананде или даже Сократ в Платоне. Она почувствовала себя задетой, ведь она делает такую большую работу. Она столько работает над всеми новыми книгами и их публикацией. Она отвечает за всю издательскую работу ашрама. Конечно же, она подумала, что я хвалю Манишу... ну и легкая ревность... женский разум... Я хочу, чтобы это вышло наружу.

И на следующий день, когда я сказал, что новая книга бесед будет посвящена ей, Анандо задержалась еще больше - так, словно ее трясла лихорадка. Но эта лихорадка была чисто эмоциональной, психологической лихорадкой. Пока она сидела здесь, с ней было все в порядке. Но подходя к своей комнате, она заявила, что ее сильно морозит. И она не пришла ко мне - она всегда приходит ко мне, когда я завтракаю, а сейчас не явилась. Она не хотела встречаться со

мной, потому что знала, что я вижу то, что она стремится скрыть. Она не просто не явилась ко мне, но и переселилась из домика Лао-цзы в домик Кришны под тем предлогом, что ее морозит. Она позвонила по телефону Нирвано и рассказала о своих подозрениях. Она сказала: "Наш Учитель пытается шантажировать меня".

Теперь вы можете убедиться, какая разница между моими учениками и теми, которые были у Ма-цзы и Хякудзё. Если учителя лупили их по голове, те только кланялись и прикасались к ногам учителя. Как много переменилось в мире сознания... Как низко пал человек! Зачем мне кого-то шантажировать? Просто злость, злость по поводу моих слов "позаботься"... эта злость становится почти истерической. И сейчас, что бы она ни говорила... она все звонит Нирвано и спрашивает: "Что Учитель сказал обо мне?" Я ничего не говорил. Я ожидал этого вопроса Маниши. Я не могу забрать свои слова назад.

Помните Ма-цзы, он не убрал свои ноги с дорожки. Он позволил ученику проехаться по нем тележкой. Но он не убрал ног. Эта книга будет посвящена Анандо со словами "Несмотря на то, что она...". И я буду посвящать свои книги. Я бы хотел посвятить свои книги всем вам.

Если время позволяет, и бытие не откажет, каждый будда будет иметь книгу, посвященную ему учителем в знак уважения и любви.

Итак, пришло время Анандо...

У фермера О'Лири было две коровы, Маргаритка и Масличко. Однажды он одолжил у соседей быка и выпустил его пасться со своими коровами. Бык не проявлял к коровам никакого интереса (похоже, он оказался свами!), и фермер О'Лири отправился обедать.

В этот день сельский священник Мямлик заглянул к фермеру на чашечку чая. Фермер О'Лири подзывает своего подручного Шена и говорит ему, чтобы тот дал ему знать, если бык проявит интерес к Маргаритке или Масличку.

Мистер О'Лири только успел налить святому отцу Мямлику вторую чашку чая, как в комнату влетает Шен и кричит:

- Бык трахает Маргаритку!

Отец Мямлик чуть не поперхнулся чаем, а фермер О'Лири, отведя Шена на кухню, сердито говорит ему:

- Послушай-ка, дурень! Как ты выражаешься в присутствии священника?! В следующий раз скажи что-нибудь вроде: "Бык удивил Маргаритку". А теперь - выметайся из дома!

Через десять минут Шен снова влетает в комнату. Он очень возбужден.

- Фермер О'Лири, - начинает он, - бык... э-э-э... - он не может договорить.

- Ты хочешь сказать, - спокойно говорит фермер, понимающе глядя в глаза подручному, - что бык удивил Масличко?

- Если бы он удивил Масличко, я бы так и сказал, - выкрикивает Шен, - но ведь он снова трахает Маргаритку!

Пэдди готовит свою лошадь, Калки, к заезду. Он очень хорошо кормит ее и регулярно тренирует. Но в день заезда его одолевают сомнения, сможет ли Калки выиграть на скачках.

Перед самым стартом Пэдди быстро скармливает лошади парочку стимулирующих таблеток. Это не ускользает от внимания старого священника Мерфи.

- Сын мой, - обращается к Пэдди святой отец, - надеюсь, ты не дал своей лошади никаких запрещенных препаратов.

- Нет, что вы! Это всего лишь витамин С, - отвечает ему Пэдди, вновь запуская руку в карман и глотая одну из таблеток. - Можете попробовать сами, - и он дает священнику вторую таблетку.

Отец Мерфи, уверенный, что проглотил витамин С, спокойно удаляется.

- Не волнуйся, Симус, - говорит Пэдди жокею, который должен скакать на его лошади, - сегодня Калки никто не сможет обогнать... Разве что святой отец!

Джордж Гроп разменял шестой десяток. Лучшую часть своей жизни он провел с женщиной, которая постоянно пилила его.

Оказавшись на грани разорения, с пошатнувшимся здоровьем, он решился на отчаянный шаг. Войдя в столовую, он забирается на стул, привязывает свободный конец галстука к люстре и уже собирается оттолкнуть стул в сторону, как на пороге появляется жена.

- Джордж! - издает она душераздирающий крик, потрясенная открывшейся перед ней картиной. - Ты - идиот! Ведь это - твой лучший галстук!

Честер Чиз идет по лесу со своим юным сыном, Чарли.

Они наслаждаются прогулкой. Вдруг Чарли замечает на тропинке черные матовые трусики.

- Погляди, папа! - кричит Чарли. - Тут трусики какой-то девчонки!

- Да нет, сынок, - говорит Честер, - думаю, эти трусики принадлежат женщине постарше, а не девчонке.

- Ну что ты, папа, - не соглашается Чарли, - я уверен, что это трусики какой-то девчонки!

- Не думаю, Чарли, - раздраженно говорит его отец.

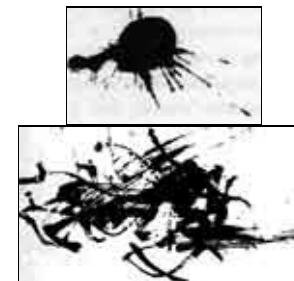
Тут к ним приближается священник Палец.

- Извините меня, джентльмены, - обращается он к спорщикам, - но случайно я подслушал ваш разговор и, думаю, смогу помочь вам.

С этими словами святой отец поднимает трусики с земли, внимательно изучает их и, покачав головой, кладет в карман:

- Даже не знаю, кто из вас прав, но одно знаю наверняка: хозяйка этих трусов - не из моего прихода!

Ниведано...

Ниведано...

Погрузись в тишину.

Закрой глаза.

Почувствуй, как замерло твое тело.

А теперь обрати свой взгляд внутрь себя с безоглядностью, немедля, будто это самое

последнее мгновение в твоей жизни.

Глубже и глубже.

Ты безошибочно достигнешь центра.

Лишь в центре, лишь в этом истоке жизни ты - будда. Оттуда тебе открывается вся Вселенная, твое собственное пространство.

Неограниченное.

Будда - это дверь.

Ты должен выйти через нее и идти дальше.

Но вначале нужно достичь двери... глубже и глубже...

Этот вечер прекрасен.

Дождь только что прошел, и пришла полная тишина.

А тишина тысячи будд - энергетическое поле невероятной мощности.

Не упусти этот миг.

Чтобы было понятнее, Анандо...

Расслабься.

Наблюдай. Ты - не твой ум. Ты - не твое тело.

Ты просто наблюдатель. Наблюдение - это ты.

Ты - наблюдатель.

Наблюдение делает тебя буддой.

Ты всегда был буддой.

Ты открыл это.

Но скопилось много пыли.

Отряхни пыль.

Пусть это будет чистое зеркало.

Это твоя суть.

Вечер стал более сочным и еще более прекрасным.

Время остановилось - ты паришь в пространстве, словно туча, наслаждаясь абсолютной свободой.

Ниведано...

Возвращайся, но возвращайся как будда:

с изяществом, с безмолвием, со спокойствием.

Сиди как будда.

Вспомни переживание, тебе придется жить с ним каждую секунду, это - как дыхание, что бы ты ни делал, ты постоянно дышишь.

Будда же остается в тебе, как подводное течение.

Одна лишь вещь остается неизменной в тебе - это воспоминание о твоей истинной сути.

Прежде чем праздновать, я хочу напомнить

Ниведано, что я сказал Анандо.

Это теперь имя твоего барабана.

Хорошо, Маниша?

Да, любимый Учитель.

Можем ли мы отпраздновать праздник десяти тысяч будд?

Да, любимый Учитель!

Большая жемчужина

Наш любимый Учитель,

Однажды Хякудзё сказал: "Если мы привяземся к точке зрения, позволяющей считать себя буддой, а свою приверженность дзэн-буддизму объяснять тем, что мы чисты и просветлены, мы окажемся среди небуддистов - тех, кто отвергает причинность".

Как-то раз мастер винайи по имени Юань пришел к Хякудзё и спросил:

- Прилагаешь ли ты усилия, практикуя Дао, учитель?

Хякудзё ответил:

- Да, прилагаю: когда я голоден, я ем; когда я устал, я сплю.

Юань вновь задал вопрос:

- Прилагает ли каждый те же усилия, что и ты, Учитель?

Хякудзё ответил:

- Не совсем так. Когда они едят, они думают о сотнях неотложных вещей, а когда отправляются ко сну - размышают о тысячах всевозможных дел. Вот в чем они отличаются от меня.

Больше мастер винайи ничего не спросил. В другой раз почтенный Дао Гуан спросил Хякудзё:

- Учитель, какой умственный процесс используешь ты, когда следуешь Дао?

Хякудзё ответил:

- Я не располагаю умственным процессом, который мог бы использовать, и не знаю Дао, которому мог бы следовать.

Дао Гуан спросил:

- Если оба эти утверждения - правда, зачем же ты созываешь собрания, на которых призываешь других учиться, как следовать Дао посредством дзэн?

Хякудзё сказал:

- Этот старый монах не владеет даже клочком земли, в который можно было бы воткнуть шило.

- Учитель, почему ты лжешь мне в лицо! - воскликнул Дао Гуан.

Хякудзё ответил:

- Как может этот старый монах, будучи без языка, призывать людей говорить неправду?
- Я не понимаю, что хочет сказать почтенный мастер дзэн, выражаясь таким образом, -
сказал Дао Гуан.

На это Хякудзё ответил:

- Да и себя этот старый монах не понимает.

Маниша, эта книга бесед названа "Хякудзё: Эверест дзэн. Хайку Басё". Хякудзё невероятно выразителен - он знает, что делает, и знает, как привести людей в неизведанное.

Басё никогда не писал прозы. Басё - один из величайших поэтов в мире. Его величие заключено не в его поэзии - есть куда более великие поэты, если речь идет о форме. Его величие в том, что эти стихи не просто слова, стоящие в определенном порядке, согласно правилам стихосложения. Его поэзия - личный опыт.

Я поставил их рядом потому, что Хякудзё никогда не писал стихов. Его подход весьма прозаичен и непосредствен, хайку же содержат в себе то, чего нет в прозе. Басё выражал свои переживания графически. Это скорее картины, чем стихи. Он считал (и я с ним совершенно согласен), что то, чего не передашь прозой, можно выразить посредством поэзии. Поэзия проникает в сердце более женственным, более тонким, более изящным путем.

Проза мгновенно проникает в голову и тут же становится предметом анализа и рассуждений. У поэзии иные корни, иные пути. Вы не рассуждаете, думая о стихах. Что-то иное отзыается в вас, что-то более глубокое, чем ум. Поэзия - не логическое утверждение. Она - экзистенциальное утверждение, выражающее то, что Басё видел и пытался передать посредством слов. Вот почему я поставил рядом двух этих великих мастеров.

Большая Жемчужина - первое имя Хякудзё. В детстве его звали Чу, а "Чу" по-китайски означает "жемчужина". Оба мастера подобны гималайским вершинам, и, стоя рядом, они создают гармонию. То, что можно откровенно сказать прозой, поэзией не выразишь. Но при этом многое остается недосказанным.

Поэзия может подобрать все, что недоговорено, - ведь она не имеет никаких обязательств перед логикой, никаких обязательств перед грамматикой, никаких обязательств перед правилами выражения мысли. Она обладает свободой, которой лишена проза, и потому может говорить то, о чем проза сказать постесняется. Имя "Большая Жемчужина" подходит обоим - оба великие мастера дзэн.

Прежде чем перейти к обсуждению сутр Хякудзё и хайку Басё... Вчера я вкратце ознакомил вас с биографией Хякудзё, сегодня же я ознакомлю вас с биографией Басё.

Японский поэт Басё родился в 1644 году в семье самурая, состоящего в услужении у владельца замка Уэно. В детстве Басё был пажом и товарищем по учебе старшего сына вельможи. Помимо прочих наук, они обучались искусству стихосложения.

После смерти хозяина, Басё отправился в Эдо (ныне Токио), где он продолжал обучаться поэзии под руководством Кигина. Затем он стал учеником мастера дзэн Буче.

Басё прославился как поэт. Вскоре у него стали появляться собственные ученики.

Басё любил путешествовать. Такой образ жизни позволял ему изучать природу, с которой он чувствовал глубокое сродство, и писать с натуры свои стихи.

Однажды он написал: "Все, кто достиг высот в искусстве, обладают одной общей чертой: они нераздельны с природой. Все что ни видит такой ум - это цветок. Все что ни снится такому уму - это луна. Лишь варварский ум видит иные вещи, чем цветы. Лишь животному уму снятся иные вещи, чем луна".

Цветок и луна - всего лишь символы. Он хочет сказать, что только безмолвный ум может увидеть величие бытия, всю его красоту, всю его подлинность. Он может видеть лишь цветы и

луну. В этом состоянии, с этой высоты он не может видеть низкие и отвратительные вещи, которыми наполнен ум человека. Он называет этот ум - ум, которому неизвестно переживание пустоты, - варварским умом - прекрасное определение варварского ума.

Ум будды видит лишь цветы вокруг себя. Ум возлежащего будды видит лишь луну и звезды - все, что прекрасно во тьме ночи. Утро ли, вечер - не имеет никакого значения: не-ум видит лишь самое прекрасное, самое драгоценное, а так называемый ум, которым мы обладаем, интересуется лишь самым безобразным - это варварский ум.

Возвратившись в Юэ Чоу, Хякудзё вел уединенный образ жизни. Скрывая свои возможности, со стороны он мог казаться безумным. Именно в это время он сочинил свою сутру "Трактат об основных вратах, ведущих к истине посредством мгновенного пробуждения".

Позже эта книга была украдена и перевезена в район Янцзы, где ее показали Ма-цзы. Прочтя ее, Ма-цзы заявил своим ученикам: "В Юэ Чоу находится большая жемчужина. Ее свет проникает повсюду, не зная преград".

Ма-цзы обыгрывал его первое имя - Чу.

Хякудзё стал учеником Ма-цзы, а позже и его преемником.

Маниша спрашивает: *Наш любимый Учитель, Однажды Хякудзё сказал: "Если мы привяжемся к точке зрения, позволяющей считать себя буддой, а свою приверженность дзэн-буддизму будем объяснять тем, что мы чисты и просветлены, мы окажемся среди небуддистов - тех, кто отвергает причинность".*

Да, это требует разъяснения, и это одна из наиболее часто обсуждаемых тем на протяжении многих столетий: если просветление внезапно, это означает, что для просветления не требуется причины. Если причина существует, вначале должна быть причина, а затем должно следовать просветление.

Наука верит в причинно-следственную связь. Обеспечив все необходимые факторы, вы ожидаете неизбежных последствий. Но дзэн, когда речь идет о внезапном просветлении, отбрасывает идею причинно-следственной зависимости. Не существует причины, ведущей к просветлению, - и Хякудзё говорит об этом открыто. Если нет причины, нет и никакой причинно-следственной зависимости для просветления. Дело в том, что просветление не есть следствие. Здесь причина и следствие соединены вместе. Просветление не есть следствие какой-то причины; оно уже здесь. Следствие же всегда в будущем.

То, что уже здесь, не требует никакой причины. Оно лишь должно попасть в ваше поле зрения. Это не есть причина. Это требует лишь вспоминания. Это не причина. То, что уже здесь - в это самое мгновение, - не требует никакой причинно-следственной зависимости.

Причинно-следственная связь производит нечто. Но здесь ничего не производится, оно уже здесь - нужно лишь проснуться и увидеть.

Чтобы увидеть, не нужна причинность - вы должны это понять. Вот почему ни один метод, ни один прием не гарантирует, что вы придетете к просветлению. Единственное, что я могу сделать, - это запустить в вас некий процесс, благодаря которому вы научитесь смотреть вглубь себя. Я могу сделать так, что вы начнете смотреть вглубь себя, но я не могу заставить вас прийти к просветлению. Если вы будете смотреть вглубь себя честно и безоглядно, будда уже будет там. Ваше просветление готово взорваться тысячью способами, оно ждет лишь вашего взгляда.

Все мастера дзэн говорили о методах, о приемах. Дело в том, что не существует способа показать кому-либо его собственную природу, его собственного будду. Это скрыто так глубоко в каждом из вас, что не может стать объективным. Нельзя сказать: "Посмотри, это - твоя истинная природа! Скажи ей "здравствуй", познакомься с ней". Никто не может познакомить тебя с твоей собственной природой. Вот почему все эти приемы, все эти методы - по сути, не более чем отчаянные попытки мастеров заставить вас заглянуть вглубь себя. Если это случится, все

остальное произойдет само по себе.

...мастер винайи по имени Юань пришел к Хякудзё и спросил:

- Прилагаешь ли ты усилия, практикуя Дао, учитель?

Хякудзё ответил:

- Да, прилагаю: когда я голоден, я ем; когда я устал, я сплю.

Какое прекрасное, какое великое заявление - оно содержит в себе целый океан смысла!

"Да, прилагаю, - говорит Хякудзё, - когда я голоден, я ем; когда я устал, я сплю". Он хочет сказать: "Я просто следую своей природе. Уже не я - природа: когда голодна - ест, когда устает - отдыхает. Я же не вмешиваюсь и не прилагаю никаких усилий - в том значении, которое придают слову "усилия".

Тогда Юань задал неизбежный вопрос:

- Прилагает ли каждый те же усилия, что и ты, учитель?

Хякудзё ответил:

- Не совсем так. Когда они едят, они думают о сотнях неотложных вещей, а когда отправляются ко сну - размышляют о тысячах всевозможных дел. Вот в чем они отличаются от меня.

Какое четкое определение! Если вы поймете это, вы сможете понять, в чем заключается разница между буддой, который кажется почти человеком, и остальными человеческими существами.

Поступки одинаковы: будда ест, когда голоден, и спит, когда чувствует усталость. То же самое делаете и вы. Со стороны может показаться, что нет никакой разницы. Различие кроется внутри: когда будда ест - он **только ест**. Никакая мысль не омрачает небеса его ума. Все его внимание, все его осознание сфокусировано на происходящем действии - еде. Когда он спит - он просто спит. Он не видит снов, он не задается тысячью вопросами и не терзается, пытаясь разрешить тысячу проблем, - его просто здесь нет. Он просто спит - и все.

Современные психоаналитики должны прийти к пониманию одной вещи. Они еще не знают... Сейчас они изучают лишь то, что Хякудзё называет "варварским умом". Все их выводы, да и вся их наука останется незавершенной, пока они не перейдут к изучению ума будды. Это произведет настоящий переворот во всем психоаналитическом движении, поскольку внешне будда ничем не отличается от вас. Но вы уже знаете, в чем состоит различие: когда вы едите, вы проворачиваете в голове тысячи мыслей, когда вы спите, вы видите во снах далекие земли и, возможно, подавленные желания.

Говорят, что даже во время такого глубокого и интимного акта, как любовный акт, вы любите не ту женщину, с которой занимаетесь любовью, вы думаете о Софи Лорен. Но не надейтесь, что только вы думаете о Софи Лорен, женщина, с которой вы занимаетесь любовью, тоже думает не о вас, а о Мухаммеде Али. В каждой постели лежат четверо. Это и есть варварский ум - никогда не присутствующий, всегда отвлекающийся.

Хякудзё дал очень четкое определение просветленного человека: когда голоден, он ест, когда устает, он спит. Не делайте ничего постороннего. Всегда оставайтесь в этом мгновении, в этом действии. Поднимая руку, просто поднимайте руку - не думайте ни о чем больше. Сидя - сидите, идя - идите. Сконцентрируйтесь на каждом действии так, чтобы не допускать больше никаких мыслей.

Простое понимание этого может сделать вас буддой - ваше сознание сфокусируется настолько, что превратится, чуть ли не в стрелу. И, как только ваше сознание превратится в стрелу, оно устремится к истоку вашей жизни. Все приемы предназначены для того, чтобы превратить ваше сознание в стрелу и чтобы эта стрела начала свой безоглядный полет. Цель совсем близко - это небольшое путешествие, но многим людям требуется прожить миллион

жизней, чтобы совершить его. Ведь они никогда не заглядывали внутрь себя.

И когда эти варварские умы отправляются ко сну, они размышляют о тысячах всевозможных дел. Вот в чем они отличаются от меня.

Больше мастер винайи ничего не спросил.

Он был всего лишь книгоеем, он не имел представления о внутреннем мире. Он знал все о внешних объектах, но не представлял, откуда происходит жизнь, откуда происходит сознание, где корни всего сущего. Он замолчал, он больше ничего не спросил, но и не обрел просветления. Он ничего не мог спросить, но и ничего не мог ответить учителю. Он просто замолчал, зная, что ступил на неизведенную территорию. Он прекрасно знал сутры, он прекрасно знал тексты, но ничего не знал о том, что "когда ешь - ешь; когда идешь - иди; когда сидишь - сиди".

В этом и состоит проблема с книгоеями - они никак не могут понять подлинного мастера. Они приходят к пониманию, но к пониманию слов, а не опыта.

Больше мастер винайи ничего не спросил.

В другой раз почтенный Дао Гуан спросил Хякудзё:

- Учитель, какой умственный процесс используешь ты, когда следуешь Дао?

Хякудзё ответил:

- Я не располагаю умственным процессом, который мог бы использовать, и не знаю Дао, которому мог бы следовать.

Это главное условие наблюдателя. Нет умственного процесса. Он оставил свой ум где-то далеко, и ни Дао, ни Дхарма больше не цель. Он сам и есть цель: он - будда. Он и Дао, он и Дхарма, он и сама истина. Здесь не стоит вопрос ни о каком-то умственном процессе, ни о какой-то цели, относящейся к Дао.

Дао Гуан спросил:

- Если оба эти утверждения - правда, зачем же ты созываешь собрания, на которых призываешь других учиться, как следовать Дао посредством дзэн?

Именно так действуют интеллектуалы. Он не понял великого смысла, содержащегося в утверждении Хякудзё, он просто проанализировал его и обнаружил в нем противоречие. Но этот человек говорит, что нет умственного процесса, который он мог бы использовать, и нет Дао, которому мог бы следовать. Если это так, зачем же он собирает людей и продолжает учить их? Вот видите, как действуют интеллектуалы и как они упускают суть.

Он спросил:

- Если оба эти утверждения - правда, зачем же ты созываешь собрания, на которых призываешь других учиться, как следовать Дао посредством дзэн?

Этот вопрос можно задать любому мастеру. Он даже имеет прямое отношение к мастеру.

Я уже говорил вам, что Гаутама Будда не произнес ни слова в течение семи дней после просветления. Когда его спросили, он ответил: "В течение семи дней я думал, говорить мне или не говорить вообще? И не мог найти ни одной причины, по которой должен был бы говорить. Не существует средств, с помощью которых я мог бы обучить людей тому, что неизбежно привело бы их к просветлению. Нет цели, которую следует достичь, потому людям можно указать лишь путь."

Люди хотят знать, какую дисциплину практиковать, какая причина может привести к просветлению. Но причины нет. Потому все семь дней я думал над тем, что все сказанное мной не будет абсолютной правдой.

Говорить ли мне или хранить молчание? Молчать - честнее, но, пожалуй, более жестоко. Жестоко по отношению к тем, кто все еще бредет во тьме, жестоко по отношению к тем, кто уже близок к истоку. Лишь небольшая помощь, лишь легкий толчок может сделать их буддами".

Но это не так уж просто. Попробуй, подтолкни кого-то, и он начинает злиться. Твой толчок

не всегда воспринимается как проявление сострадания. Человек может стать более безобразным после того, как его подтолкнули. Его ум может стать более варварским. Он может развернуться и затеять с вами драку, спрашивая: "Зачем ты толкаешь меня? Зачем говоришь это? Зачем выставляешь меня на посмешище?" Путь мастера далеко не всегда усыпан розами, это одно из самых тонких произведений искусства - помочь человеку стать буддой. Небольшая ошибка - и все пропало. И проблема не в учителе - проблема в ученике. То, как ученик воспримет твои слова, - не в твоей власти.

Будда сказал: "Я думаю вообще не говорить. Те, кто должны стать буддами, рано или поздно станут ими, а те, кто слишком увязли во мраке и житейских хлопотах, не станут слушать меня. Я просто потрачу на них время попусту, а они будут злиться на меня, считая, что потратили попусту свое время".

Но люди сказали ему: "Да, ты прав на девяносто девять и девять десятых процента. Но, пожалуйста, подумай об оставшейся одной десятой процента. Ты можешь потратить впустую слова на девяносто девять и девять десятых процента людей, но, пожалуйста, вспомни об одном из тысячи, которому бы ты мог помочь стать буддой. Это такая большая победа, что обо всех неудачах можно просто забыть. Ведь остальные всё равно не могли стать буддами, так что ты можешь забыть о них. Подумай об одной десятой процента, не будь жесток к тем, кто оказался на отшибе. Несколько теплых слов, небольшой толчок придаст им сил обрести безоглядность. Один лишь взгляд, в котором они прочтут ту же глубину, что присуща и им, одно прикосновение, исполненное любви, тепла будды, один лишь жест..."

И Будда уступил. Это одна из величайших уступок, когда-либо сделанных за всю историю человечества. Он мог бы не соглашаться. Никто не смог бы заставить его. Но тогда нечто великое было бы забыто навек. По крайней мере, об этом помнят везде. Некоторые люди и сейчас становятся буддами, достигая все тех же вершин. Ведь они знают - кто-то уже прошел этот путь: "Если кто-то стал буддой, почему бы и мне не стать?" Это придает храбрости.

Но интеллект, которому недоступен внутренний процесс просветления, не имеющий причины, лишенный логики - тут же приходит к поспешному заключению: "Здесь кроется противоречие!" Ты говоришь, что не обладаешь умственным процессом, которым можешь воспользоваться. Но твой ум... ты не сможешь достичь просветления, если не отбросишь свой ум. Так о какой же пользе умственного процесса может идти речь?

Ум должен быть отброшен полностью, чтобы вы могли воспринимать все непосредственно и ясно - без всяких мыслей, мелькающих перед глазами. Цели нет. В тот миг, когда в полном безмолвии вы придете к глубокому пониманию себя, своих корней, родится смех - вы засмеетесь оттого, что так долго искали человека, который был за вами, внутри вас, в самом центре вашего существа.

Но он тут же сказал: "Здесь заключено противоречие - ведь ты учишь людей медитировать, ты обучаешь их определенным приемам. Зачем?"

Хякудзё сказал:

- Этот старый монах не владеет даже клочком земли, в который можно было бы воткнуть шило.

Он хочет сказать, что не обладает никаким умом и потому не может разъяснить и разрешить это противоречие.

- Учитель, почему ты лжешь мне в лицо! - воскликнул Дао Гуан.

Это вечная проблема: учителю приходится лгать. И если вы будете думать только об этой лжи, вы никогда не поймете, что лгал он из сострадания и что ложью он готовил для вас почву, от которой вы должны оттолкнуться, чтобы сделать прыжок.

Я расскажу вам одну старинную историю...

Один царь очень заинтересовался молодым человеком, постоянно сидящим в безмолвии под деревом. Каждый вечер царь, переодевшись, обходил город, чтобы удостовериться, все ли в порядке. И каждый раз он проходил мимо молодого человека, сидящего неподвижно, словно статуя.

Наконец, не в силах сдержать любопытство, он, поравнявшись с молодым человеком, остановил свою лошадь и обратился к нему:

- Юноша, прости, что я прерываю твою медитацию. Молодой человек открыл глаза и ответил:

- Нет нужды приносить извинения, поскольку я не медитирую. Я есть медитация, и никто не может прервать ее. Что бы тебя ни интересовало, прошу, спрашивай.

Царь сказал:

- Я бы хотел, чтобы ты пришел ко мне во дворец. Я позабочусь о тебе. Видя, как ты безмолвно сидишь под деревом, мне на ум пришла древняя история о Будде. Я влюбился в твоё безмолвие, в твои жесты, в твою полную безмятежность. Я приглашаю тебя в свой дворец. Я - царь.

Вот как действует варварский ум. Царь приглашает юношу во дворец, но в глубине своей души он хочет, чтобы юноша отказал ему, - ведь, приняв приглашение, тот продемонстрирует, что все еще желает роскоши и дворцов.

Но молодой человек поднялся с земли и просто сказал:

- Я иду с тобой.

В одно мгновение все переменилось. Царь подумал: "Зачем я это сделал? Этого человека все еще интересует роскошь дворцов, он хочет быть гостем царя. Он не может быть великим святым".

Это - старое представление о святом. Святой должен испытывать лишения и неудобства. Дискомфорт - это религия. Если ты голоден, болен, если ты истязаешь себя тысячью разных способов... тогда ты можешь стать великим святым. Этот парень вдруг пал со своего пьедестала святости в глазах царя. Но было уже слишком поздно.

Слово сказано, и его нельзя забрать назад. Это было бы как-то не по-джентельменски.

Но молодой человек все видел. Он не сказал ни слова.

Царь отвел ему лучшую часть своего дворца. Царь обеспечил его всем - слугами, молодыми девушками. Молодой человек принимал все. И каждый раз, принимая предложение царя, молодой человек падал все ниже в его глазах. Да какой же он святой? Он согласился на королевскую кровать, он не отказывался ни от одного из соблазнов.

Царь сказал себе: "Боже мой! Какой же я дурак! Как я обманулся в этом человеке! Похоже, он специально все так подстроил. Зная, что каждую ночь я проезжаю мимо этого места, он садился под дерево и сидел там неподвижно, словно Будда. Он знал, что я клюну на приманку. И вот я попался! А сейчас я не могу ни проглотить ее, ни выплюнуть - ведь он уже во дворце!"

Долго ли может человек жить с такими мыслями?

Прошло полгода с тех пор, как молодой человек поселился во дворце, и как-то раз, прогуливаясь с ним по саду, царь сказал своему спутнику:

- Мне все не дает покоя один вопрос. Я никак не могу выбросить ее из головы. Вот уже шесть месяцев я не могу из-за этого спокойно спать.

- Ты можешь спрашивать меня о чем угодно, - ответил царю юноша.

- Мне неприятно задавать тебе этот вопрос, - продолжал царь, - но какова разница между тобой и мной? Ты, как и я, живешь во дворце, ты, как и я, наслаждаешься его

роскошью. Какова же разница между нами?

На это юноша ответил:

- Я знал, что рано или поздно этот вопрос должен возникнуть. Собственно говоря, он возник в твоей голове в тот же миг, когда я встал, чтобы следовать за тобой во дворец. Но ты не очень смел. Тебе следовало бы спросить об этом немедля. Зачем же было тратить шесть месяцев? Кому нужна была эта неопределенность? Зачем было шесть месяцев задаваться вопросом, который не давал тебе спокойно спать? Я могу ответить на этот вопрос, но не здесь. Для этого нам нужно покинуть пределы твоего царства.

- В этом нет нужды, - сказал царь, - ты можешь ответить мне и здесь.

- Нет, нужда есть, - сказал юноша.

Они как раз проходили мимо реки, и, перейдя на другой берег, юноша сказал:

- Вот мой ответ - я отправляюсь дальше. Пойдешь ли ты за мной?

- Как я могу идти за тобой, - сказал царь, - здесь мой дворец, здесь мое царство... у меня жена, дети... У меня тысячи забот и тысячи неразрешенных проблем. Как же я могу идти за тобой?

Юноша сказал:

- Я иду дальше. У меня нет жены, у меня нет детей, у меня нет никаких проблем. Я был счастлив под деревом и был счастлив в твоем дворце - ничуть не меньше, но и ничуть не больше. Мое сознание не меняется от того, нахожусь ли я во дворце или в лесу.

Царь загрустил оттого, что в его безобразный ум взбрела столь безобразная мысль. Он склонился к земле и, прикоснувшись к ногам юноши, сказал:

- Прости меня за то, что я мог подумать такое! Я низко пал в собственных глазах.

- Нет, не делай этого, - сказал ему юноша. - Мне тяжело видеть, как ты склоняешься к моим ногам и льешь слезы. Я могу вернуться назад, но ты снова начнешь думать: "Боже мой! Неужели он обманул меня опять?"

Мне это нетрудно сделать. Но я не вернусь, хотя, возможно, это и будет жестоко по отношению к тебе. Позволь же мне уйти. Передо мной целый мир, и единственное, что мне нужно, это дерево, под которым я мог бы сидеть.

Но царь был настойчив:

- Нет, Нет, возвратись. Иначе я буду корить себя и все время думать: "Что же я наделал?"

Молодой человек сказал:

- Ты ставишь меня в трудное положение. Я могу вернуться, но помни, ты вновь начнешь думать: "В чем же различие?"

Варварский ум думает лишь о низком, лишь о сиюминутном. В нем нет полета.

Хякудзё ответил:

- Как может этот старый монах, будучи без языка, призывать людей говорить неправду?

После этого подозрительность интеллектуала должна была, лишь возрасти. "Как может этот старый монах, будучи без языка..." Это кажется ложью: "будучи без языка, призывать людей говорить неправду?" - но он совершенно прав. Есть слова, стоящие выше нашей обыденной серой жизни. Просветленный человек не говорит, он просто позволяет бытию говорить посредством его уст. Он не видит того, что вокруг, - он просто позволяет будде видеть мир его глазами.

Вот почему иногда ученик может, заглянув в глаза учителю, встретиться взглядом с буддой. У него нет своего языка - он все отдал бытию. Он больше не обладает ни своим языком, ни своими глазами, ни своими руками. Что бы ни захотело бытие сделать с ним, он следует ему. Вся его жизнь уже не принадлежит ему. Но интеллектуал не понимает этого. Для него ложь

стала еще более явной. "У меня нет языка, - говорит мастер. Как же он может так говорить? - Как могу я лгать, не имея языка?"

Проблема мастера заключается в том, что, если он говорит, он грешит против правды. Как бы он ни старался, он не может выразить правду словами. Разве что ее аромат - тот, кто достаточно умен, поймет различие. Мастер употребляет те же слова, что и каждый из вас, но слова мастера не пусты, а ваши - пусты. Когда вы говорите кому-то "я люблю тебя", вы, чаще всего, так не думаете. Это всего лишь обычай. Когда же слова "я люблю тебя" произносит мастер, его любовь - не пустое слово.

Но вам нужно обладать большим разумом, чтобы почувствовать аромат, который несет в себе то или иное слово или действие. И помните, быть интеллектуальным еще не значит быть разумным. Интеллектуал - большой ученый. Он может обладать большими знаниями, но при этом не обладать большим разумом. А человек, не знающий ничего - крестьянин, или дровосек, или рыбак, - может быть очень разумным. Он не обладает интеллектом, он ничего не знает о мире интеллектуалов, но в своей работе...

Когда после революции возник Советский Союз... Столицей России при царской власти был Петроград, а не Москва. Петроград был назван в честь Петра - одного из русских царей. Из-за этой ассоциации коммунисты решили перенести столицу в Москву. Но, прежде чем Москва стала столицей (для этого потребовалось несколько лет), они продолжали управлять страной из Петрограда.

Как раз перед царским дворцом на дороге лежал огромный камень, преграждающий проезд по этой улице. Он там оказался не случайно - никто не должен был ездить там и беспокоить царя. Можно было проехать по другой улице, но не по той, что проходила перед царским дворцом. Камень был таким огромным... и коммунисты не знали, что с ним делать. Его нужно было убрать, но величина камня не позволяла это сделать. Они созвали инженеров и архитекторов, и те стали думать, как справиться с этой задачей. Думали даже разбить его на куски - но это тоже оказалось непросто... Ни одно решение не казалось удачным.

А старый крестьянин стоял в стороне, опершись на посох, наблюдал за суетой всех этих великих инженеров, архитекторов, политиков, и увидев, что они не в состоянии принять разумное решение, подошел к ним и сказал:

- Я - простой крестьянин и многое не знаю. Я не разбираюсь ни в инженерном деле, ни в архитектурном деле. Я только сейчас услышал эти слова, но, как я понял, вы хотите убрать отсюда камень? Это очень просто.

Ленин сам заинтересовался его словами и сказал:

- Ты говоришь, что это очень просто. Так поделись с нами своей идеей.

- У меня нет никакой идеи, - отвечал ему крестьянин, - и нет никакой нужды убирать этот камень отсюда. Просто начните обкапывать его со всех сторон и выбирайте землю из-под него. Камень сам опустится в яму и станет вровень с мостовой.

Это было так просто, так умно, что все эти инженеры и архитекторы не знали, что и сказать. Все они мыслили концептуально - пользуясь идеями, заимствованными из книг и университетских лекций. А этот бедный человек не обладал ничем, кроме практического ума.

Он сказал: "Это так просто. Начните обкапывать его со всех сторон и выбирайте землю из-под камня. Камень сам опустится в яму и станет вровень с дорогой. И нет никакой нужды убирать этот прекрасный камень отсюда. Он опустится вниз и станет частью мостовой перед дворцом".

К совету крестьянина прислушались, и камень находится на том же месте - перед царским дворцом в Петрограде.

Ум - это ясность. Интеллект - заимствованное знание. Разумный человек никогда не скажет

учителю: "Ты лжешь мне в лицо! Ты рассказываешь людям о различных приемах и средствах, а мне говоришь, что нет никаких приемов и нет никаких средств. Да и цели нет никакой".

Он не мог взлететь в высоту и не мог понять трудность, которую испытывает мастер, пытаясь принести на базар то, что ему открылось на высочайших вершинах бытия. Он должен использовать обычные слова и с помощью этих слов вселить в сердца учеников стремление, безоглядность. Слова не передают этого. Снилось ли вам когда-нибудь, что вы хотите стать буддой? Задумывались ли вы когда-нибудь над тем, где находится исток вашей жизни?

Учитель должен поставить перед вами цель, которая и целью-то не является. Он обязан сказать, что для достижения этой цели вы должны отправиться в далекое странствие, что вы должны дисциплинировать себя - ведь человеческий разум интересует лишь то, что сложно. Простое не интересно ему - оно не удовлетворяет его эго. Вы же не выйдете на улицу, чтобы кричать всем: "Я только что очистил от кожуры банан! Я требую, чтобы мою фотографию поместили в газете. Я первый, кто очистил банан от кожуры!" Люди будут смеяться над вами, считая вас сумасшедшим.

Все это маленькие вещи. Но когда кто-нибудь взбирается на Эверест, весь мир следит с вниманием за этим человеком. Все средства массовой информации будут трубить о том, что первый человек взошел на самую вершину Эвереста. Трудности привлекают, ведь они укрепляют ваше эго. Простые вещи неинтересны - ведь ваше эго при этом остается в стороне. Учитель ставит перед вами цель: достижение просветления, хотя он знает, что вы являетесь буддой. Но он прекрасно знает, что, если скажет вам о том, что вы - будда, вы не поверите ему. Я твержу вам каждый день: "Вы - будды". Хоть кто-то поверил мне?

Разгневанная Анандо прислала мне письмо, в котором говорится, что она меня подозревает. Подозревает в чем? Не в том ли, что я провоцировал ее стать буддой? Что же я здесь еще делаю? Или она подозревает свой собственный потенциал? Вот я и должен постоянно вколачивать одну и ту же мысль в ее голову. Так что в этой серии бесед я дал имя барабану Ниведано - теперь его зовут "Анандо". Ниведано будет колотить по Анандо каждый день, пока она не придет в чувство. Подозревает? Но это не только ее проблема - это проблема всех интеллектуалов - Анандо, как-никак, окончила юридический факультет.

- Я не понимаю, что хочет сказать почтенный мастер дзэн, говоря таким образом, - сказал Дао Гуан.

Ты говоришь и при этом утверждаешь, что не имеешь языка. Ты все время рассказываешь о приемах и целях - и при этом заявляешь, что не используешь никакую умственную деятельность и не знаешь ни о какой цели.

На это Хякудзё ответил:

- Да и себя этот старый монах не понимает.

Он согласен с тем, что даже сам себя не понимает. "Лишь бытие понимает, с какой целью оно использует меня. Я полностью в его власти. Если оно хочет лгать через меня, я лгу. Если оно хочет сделать через меня что-то иное, я сделаю это. Я полностью отдался в руки Космоса".

Хякудзё говорит невероятно важные вещи: мастер отсутствует, если речь идет о личности; мастер присутствует, если речь идет о космическом переживании. И чтобы понять это, вам нужно обладать разумом, иметь сердце.

Вот хайку Басё:

Обезумев от поэзии, я, словно Чикусай, шагал под ветром.

"Обезумев от поэзии..." Если ты не безумен, твои стихи будут очень плохи. Поэзия здравого рассудка ординарна и прозаична - просто слова, составленные в определенном порядке, без особого смысла за ними. Быть поэтом - значит быть, в определенном смысле, безумцем.

Обезумев от поэзии, я, словно Чикусай, шагал под ветром.

Этого не признает ни одна религия мира. Я хочу полностью отделить себя от прошлого в том смысле, что я не считаю древних святых религиозными людьми. Их можно разделить на две категории: на мазохистов, которые наслаждались самоистязанием, и на садистов, которые учили других заниматься самоистязанием и наслаждались чужими муками. Иногда в одном человеке соединяются обе склонности - он мучает себя и наслаждается чужими мучениями.

Большинство святых - психически больные люди. Речь не идет об истинно религиозных людях. Они - поэты, танцоры, музыканты, художники, скульпторы. Все творческие натуры - религиозные люди. Но религия не принимает их, так как они действуют в согласии со своей природой, а не с тем, что написано в религиозных книгах. Эти люди - часть Вселенной.

Одна очень богатая женщина попросила Пикассо, великого художника, написать ее портрет:

- Вы никогда не писали портретов. Вы написали столько прекрасных картин, но ни одного портрета. Я хочу лишь одного - иметь свой портрет, написанный вами. О деньгах не волнуйтесь. Я заплачу вам столько, сколько вы скажете.

Это была очень богатая женщина. Пикассо хотелось отказаться от предложения, но он не мог отказаться от денег. Ему очень нужны были деньги для того, чтобы продолжать заниматься живописью. Но ему не хотелось писать портрет, так как он знал, что, взявшись за кисть, он тут же забудет обо всем, он забудет себя и то, что появится на холсте, будет очень мало походить на эту женщину. И тогда он сказал:

- Ладно, я согласен. За десять миллионов долларов...
- Отлично, принимайтесь за работу, - ответила ему женщина.

Он сказал:

- Господи! Я запросил десять миллионов долларов, только чтобы не браться за эту работу. Я хочу объяснить вам, что, как только я берусь за кисть, я забываю обо всем. Цвет захватывает меня, его красота действует на меня так, что я забываю, что должен делать. Картина пишет сама себя. Вот почему я прежде никогда не писал портретов. Но если вы настаиваете, я напишу ваш портрет - не могу позволить себе потерять десять миллионов долларов. Но вы должны дать мне слово, что не станете критиковать мою работу, ни с какой стороны.

- Я согласна, - ответила женщина.

Картина была написана. Женщина не могла понять, что случилось. Она не могла отыскать себя на холсте.

Картина была прекрасной - великолепные, психоделические цвета; но это был не портрет. Однако она помнила, что обещала не критиковать картину, ни с какой стороны.

- Я не критикую, - сказала она, - но мне бы хотелось знать, где тут изображен мой нос. Если я буду знать, где мой нос, я смогу догадаться, где все остальное.

- Это непросто, - ответил Пикассо, - ведь я вам сразу сказал, что, взявшись за кисть, я забываюсь. Сейчас я и сам не знаю, где тут ваш нос. Возьмите картину и начните медитировать над ней. Возможно, вы когда-нибудь обнаружите, где изображен ваш нос, а затем уже додумаетесь, где ваш рот и где глаза на этой картине...

Женщина сказала:

- Это очень странный портрет, если я должна искать на нем свой нос.

В тот же день в мастерскую Пикассо зашел один очень богатый человек. И он сказал:

- Пикассо, две картины, немедленно!

Но у Пикассо была лишь одна готовая картина. И он разрезал ее на две части.

- Что ты делаешь? - спросила у Пикассо женщина, с которой он тогда жил.

- Я не могу упустить клиента, - ответил ей художник. - Он очень богат и хочет получить две картины.

Вот я и сделал две картины из одной. Все равно никто не догадается, должно ли это быть одно цельное полотно или две отдельные картины.

Таким образом, Пикассо сделал две картины и продал обе.

Те, кто покупал его картины (даже большие музеи), часто не знали, как повесить картину - какой стороной вверх... какой стороной вниз. Их можно вешать как угодно. Они прекрасны, но в их красоте невозможно найти смысла.

Вот еще одна хайку Басё:

В ожидании утреннего чая монах сидит в безмолвии лицом к лицу с хризантемами.

"В ожидании утреннего чая монах сидит в безмолвии..." Чай стали ассоциировать с Бодхидхармой, принесшим дзэн в Китай. Он любил чай. Чай поддерживает человека в бодрствующем состоянии. Иначе, оставаясь неподвижным долгое время, человек начинает засыпать. Потому чай стал особым дзэнским напитком. Басё просто рисует картину. Монах сидит в полном молчании в ожидании чая перед кустом хризанта. Больше ничего не сказано - безмолвный монах ожидает свой чай.

Как я уже говорил, эти хайку - картины в словах.

Маниша спрашивает:

Наш любимый Учитель, Я бы поступила бесчестно, если бы скрыла от Тебя, что тоже порой ревновала, что не всегда воспринимала с благодарностью все, что получала от Тебя; я хотела быть твоей любимой девочкой. Не думаю, что откровенно выражала свои чувства, но проявляла их почти неощутимо. Я вовсе не хочу сказать, что осознала это лишь сегодня вечером, или что определенные черты Анандо, на которые Ты нам указал, больше никому из нас не присущи. Я знаю, что мы все имеем те же недостатки. Я знаю, что и Ты знаешь, но я должна сказать Тебе об этом, если Ты мне позволишь, ради себя самой. Или для оглашения.

Маниша, следует ясно понять, что все, что бы я ни говорил об одном человеке, я адресую всем вам, и каждый из вас должен заглянуть вглубь себя, чтобы убедиться, насколько это относится к нему. Я не могу говорить с каждым из вас в отдельности - это немыслимо. Каждый человек для меня - символ. Все, что я говорю об Анандо, имеет символическое значение, и все вы должны задуматься над этим. Возможно, некоторые тенденции, амбиции, подсознательные чувства, такие, как зависть, ревность, жадность, скрываются и в вас. Скорее всего, так и есть. До просветления каждый обладает этим варварским умом.

Анандо - не исключение, и ты, Маниша, не исключение. Это совершенно нормально.

Нужно лишь осознавать, что все это кроется в вас. Ничего не нужно предпринимать. Просто наблюдайте за ним, и он испарится. Но что делают люди? Они все делают наоборот. Они подавляют эти чувства. Они притворяются иными, чем есть на самом деле: "Остальные, может быть, и ревнуют, мы - никогда. Остальные, может быть, и злятся, мы - никогда".

Они занимаются тем, что подавляют свою безобразность в подсознании. Это вряд ли может способствовать пробуждению. Все эти желания, чувства, взгляды, подавленные в подсознании, могут стать помехой на пути к просветлению.

Я же стремлюсь различными путями - рассказывая анекдоты, разбирая странные сутры, говоря о странных людях - помочь вам увидеть собственный подавленный ум. Увидев его, различив в нем подавленные чувства, вспомните о секрете, которому я постоянно вас учил, - наблюдайте их. Больше ничего не делайте - только наблюдайте. Не осуждайте - иначе они уйдут вглубь, во тьму подсознания. И не оценивайте их, иначе они привяжутся к вашему сознанию. Не делайте никаких суждений - ни за, ни против.

Просто наблюдайте, словно вы не имеете с ними ничего общего. Наблюдение - величайший прием, разработанный просветленными людьми прошлого. Оно рассекает всю эту пену, словно острый меч: не отождествляйте себя ни с чем - просто, отстранившись, наблюдайте. Вы видите

злость - что ж, наблюдайте за ней. Смотрите, как она возникает, как разрастается, словно гриб, как она ослепляет вас, как начинает принимать за вас решения, как вы сами начинаете действовать под ее диктовку.

Просто наблюдайте, и вы будете удивлены ее бессилием. Родившись, она даже не сможет дорастти до размеров гриба, а если и станет грибом, то весьма съедобным. Наблюдая за ней, вы отделите от нее съедобную часть. Оставшаяся же часть окажется несостоятельной. Она не сможет даже вырасти, а улетучится, как туман. Она - нереальна, реальна лишь настолько, насколько вы отождествляете себя с ней.

Хорошо, Маниша, что ты отметила это. Анандо тоже начинает успокаиваться. Вы становитесь буддами, но не глупыми буддами - подобное просто немыслимо.

И вот пришло время Анандо...

Чернокожий американский регбист, Большой Лерой, и еврей, раввин Саперстейн, едут вместе в одном вагоне.

Лето... жара... множество мух летает по вагону. Одна из мух садится на рукав раввина, и он сбивает ее щелчком на пол.

Через минуту другая муха садится на ляжку чернокожего регбиста. С быстротой молнии звезда американского футбола хватает муху двумя огромными черными пальцами и, оторвав крыльшки, засовывает ее себе в рот и начинает жевать.

Через несколько секунд на рукав раввина вновь садится муха. Но на этот раз раввин не сбивает ее щелчком на пол, а хватает своими костлявыми пальцами. Затем он отрывает ей крыльшки и протягивает Большому Лерою:

- Может, купишь мушку?

Ковальский едет в своем новеньком "шевроле". Проезжая мимо поля, на котором пасутся две прекрасные лошади - черная и белая, - он останавливает машину, выходит из нее и, зачарованный, любуется этой прекрасной картиной.

Затем он снова садится в свой "шевроле", проезжает каких-нибудь двадцать метров и останавливается. Машина отказывается ехать дальше. Он вновь выходит из машины, открывает крышку капота и пытается разобраться в причине поломки.

Вдруг из-за забора высовывает голову белая лошадь. Она заглядывает под крышку, смотрит на мотор и говорит глубоким голосом:

- Свечи загрязнились, дружок. Придется тебе их почистить.

Ошарашенный Ковальский в панике бежит к ближайшему фермерскому дому. Завидев фермера, копающегося в огороде, он подбегает к нему и, заикаясь, говорит:

- Моя машина сломалась. И одна из ваших лошадей сказала мне, чтобы я почистил свечи.

- Которая, - спрашивает фермер, - белая или черная?

- Белая, - механически отвечает Ковальский.

- Тогда не обращайте внимания, - советует фермер, - белая ни черта не смыслит в автомобилях.

Доктор Брейн - всемирно известный психиатр, специализирующийся на лечении американских политиков-невропатов. Вылечить их невозможно, но он упорно их лечит.

Однажды тридцатипятилетний член Партии Христиан-Фундаменталистов, поклонник Рейгана, сенатор Дональд Дикстин врываеться в кабинет доктора Брейна.

- В чем заключаются ваши проблемы? - вежливо спрашивает Брейн.

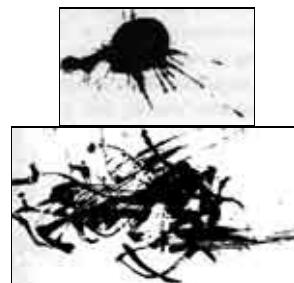
- Понимаете, доктор, - нервно говорит сенатор Дикстин, - мне не везет с женщинами. Я всеми силами пытаюсь им понравиться. Я стараюсь быть крутым. Но... мне кажется, что у меня несколько... преждевременная эякуляция... я слишком рано кончаю.

- Понятно, - говорит доктор Брейн, - внимательно изучая собеседника, - и когда обычно это с вами случается?

- Ну... - отвечает сенатор, оглядываясь по сторонам обычно между "Привет" и "Какой ваш знак Зодиака?".

Анандо...

Ниведано...

Ниведано...

Погрузись в тишину.

Закрой глаза.

Почувствуй, как замерло твоё тело.

А теперь обрати свой взгляд внутрь себя безоглядно, немедля,
будто это самое последнее мгновение в твоей жизни.

Глубже и глубже,

не зная страха.

Погружайся в центр, как стрела.

Это - исток твоей жизни,

там ты найдешь будду.

Сидя в безмолвии,

ты приходишь к своей истинной сути.

В это мгновение ты, как и все, становишься буддой.

Чтобы было понятнее,

Ниведано...

Расслабься.

Пусть там останутся твоё тело

и твой ум,

но помни, ты - лишь наблюдатель.

Ты не то и не другое.

Ты - лишь зеркало, отражающее зеркало, не делающее суждений.

Будда - не что иное, как зеркало. Став буддой, став свидетелем, ты можешь сделать еще один прыжок и растворить свое «я» в океане сознания.

Лишь эти два шага - и путешествие завершено.

Тысячи цветов ливнем проливаются на тебя.

Глубокое безмолвие и необъятный простор совершенно пусты, но исполнены потенциальных возможностей.

В этом просторе ты найдешь истину, смысл жизни, красоту бытия и прелесть всего сущего.

Тот, кто пришел к этому, унесет его с собой, и будет носить все двадцать четыре часа в сутки, пряча за ударами сердца.

Действуй как будда: ешь, когда голоден, но не думай при этом о чем-то другом.

Когда устаешь, иди спать, но не думай о тысяче проблем.

Каждое мгновение будет приносить тебе полноту сознания - ты вернулся домой.

Это - такая умиротворенность, такое блаженство!

Этот вечер великолепен, и десять тысяч будд сделали его еще более великолепным, еще более прекрасным.

Если ты достаточно умен, преврати этот миг в поворотный пункт всей своей жизни.

А теперь собери все эти цветы, весь аромат этого мгновения. Ты должен принести его назад. Собери все большие жемчужины. Ты - исток всего, что есть во вселенной.

Ниведано...

Возвращайся, но возвращайся как Будда, наблюдающий в безмолвии. Очнись, а теперь посиди несколько мгновений, чтобы вспомнить свои переживания.

Это должно стать твоим образом жизни.

Ни на миг не усомнись в том, что ты - будда.

Будда - твоя природа, так что поступай в соответствии с ней.

Чем гармоничнее ты себя ведешь, тем больше веришь в свое просветление.

Разумный может пройти сквозь трансформацию мгновенно. Старое «я» тут же умирает, вместо него на свет появляется новое существо - невинное, чистое.

Хорошо, Маниша?

Да, любимый Учитель.

Можем ли мы отпраздновать праздник десяти тысяч будд?

Да, любимый Учитель.

В поисках утерянного сокровища

Наш любимый Учитель,
Хякудзё спросили:

- В одной сутре говорится, что способность не воспринимать все вещи с точки зрения их существования или не существования и есть подлинное освобождение. Как это понимать?

Хякудзё ответил:

- Когда мы достигаем чистоты ума (о чем можно говорить как о существующем), когда это происходит, наше освобождение от мыслей о достижении чего-либо называется невосприятием всего как существующего.

Достижение такого состояния, когда мысли перестают возникать или появляться, но при котором их отсутствие не осознается, называется восприятием всего как несуществующего.

В Сурангама-сутре говорится, что постижение, используемое как фундамент для построения всевозможных концепций, - основа невежества. Постижение же того, что воспринимать нечего, - нирвана, также называемая освобождением.

Был задан вопрос:

- Каково значение фразы "воспринимать нечего"?

Хякудзё ответил:

- Способность видеть мужчин, женщин и всевозможные объекты, оставаясь при этом свободным от любви и ненависти, словно они невидимы, и означает "воспринимать нечего".

Затем его спросили:

- Когда мы сталкиваемся с различными формами и объектами, мы говорим о восприятии.

Можем ли мы говорить о восприятии, когда мы ни с чем не сталкиваемся?

- Да, - ответил Хякудзё.

- Столкнувшись с чем-либо, мы, соответственно, воспринимаем его, - продолжали спрашивать Хякудзё, - но о каком восприятии может идти речь, если мы не сталкиваемся ни с чем?

Хякудзё ответил следующим образом:

- Мы не говорим о восприятии, которое зависит от присутствия или отсутствия объектов. Природа восприятия неизменна, мы продолжаем воспринимать независимо от того, есть ли объект или его нет. Таким образом, мы приходим к пониманию того, что, если объект может появляться и исчезать, природа восприятия иная. Это же относится и ко всем остальным вашим чувствам, - подвел итог Хякудзё.

Маниша, прежде чем перейти к обсуждению сутр Хякудзё и хайку Басё, я бы хотел решить вопрос с Анандо. Я называю это очень важным вопросом, потому что все вы для меня - будды. Вы можете знать об этом, можете не знать, но перед моим взором все вы предстаете в своем совершенном виде. Я надеюсь, что в один прекрасный день вы тоже увидите себя буддами - ведь это единственный способ освободиться от тревог ума.

Знаменитый американский писатель-еврей Джошуа Либман написал книгу "Умиротворенность ума". Само название неверно. Умиротворенность - это то, что находится за пределами ума. Проблема заключается в уме. Можно сменить одни проблемы на другие, но это не поможет. Нужно выйти за пределы ума.

Я написал Джошуа Либману: "Название вашей книги - неверно, ваше отношение - неверно. Вы не знаете простых фактов о внутреннем мире: ум - причина всех тревог; только в состоянии не-ума возможно обрести умиротворенность. Потому что лишь в этом состоянии можно подняться над облаками - в открытое небо - где нет никаких проблем".

Ум - это накопитель тысячелетних проблем. Вы носите их в себе, а они лишь ждут подходящего момента, чтобы всплыть на поверхность. Вы сами порой удивляетесь: "Откуда выплыла эта проблема?"

Вы и не подозревали, что девяносто процентов ума покрыто тьмой. Лишь небольшая его доля - десять процентов - не спит. И из подсознания на поверхность может выплыть все что угодно. Любая мелочь может спровоцировать этот процесс. Это могло дремать в подсознании несколько лет, несколько жизней и вдруг стать неразрешимой жизненной проблемой.

Это не проблема Анандо. Это проблема каждого, кто обладает умом. Лишь тот, кто не обладает умом и действует непосредственно и прямо, тот, кто не думает, а реагирует, - лишь тот лишен подобных проблем. Мы зовем таких людей буддами.

У каждого из вас есть возможность обладать умом или не-умом. Вы можете обладать и тем, и другим. Когда нужно работать с объективной реальностью, заниматься экстравертной деятельностью, можно использовать ум, работая же с внутренним миром и сокровищницей своего существа, следует пользоваться не-умом.

Проблема состоит в том, что вы привыкли пользоваться умом, поскольку имеете дело с объектами внешнего мира. И потому, когда вы пытаетесь работать с внутренним миром, вы продолжаете использовать свой ум. Но это - не область деятельности ума.

Ум может быть лишь объективным - он никогда не бывает субъективным. И в тот момент, когда вы попытаетесь сделать его субъективным, вы испытаете мучительную боль, странное беспокойство. Ваше подсознание начнет полыхать обжигающим пламенем. Это - великая битва, которую затевает ум, не желающий, чтобы вы исследовали свой внутренний мир. Он хочет оставаться вовлеченным во внешнюю деятельность. Тогда он счастлив.

Обратить свой взор внутрь себя - означает смерть ума.

Обратить свой взор внутрь себя - значит оставить ум со всем его знанием, со всеми его проблемами, тревогами и заботами в стороне. Безусловно, ум находился у власти около четырех миллионов лет - он не отдаст добровольно бразды правления. И потому он создает помехи, не желая, чтобы вы нашли себя и стали буддами.

Анандо пишет:

Наш любимый Учитель,

Мне очень жаль. Наверное, я самая упрямая и глупая ученица всех времен. Я даже не знаю, вправе ли я называться ученицей после всего, что я наделала.

Я раскаиваюсь, что вынудила Тебя ударить меня с такой силой. Но я видела, что слои моей гордости и глупой защиты своей независимости от Твоей любви оказались такими древними и такими толстыми, что без сильнодействующих средств было не обойтись.

Я до сих пор не знаю, что Ты сделал, но мне было больно. Сейчас я понимаю, отчего истина столь непопулярна.

Но, несмотря на все мои усилия. Ты и Твоя любовь вновь сотворили чудо. Я чувствую себя исцелившейся и благодарной.

Слова благодарности звучат столь неуместно, но они исходят из глубин моего существа: я омываю Твои ноги слезами своей благодарности.

Анандо...

Анандо, ты справилась с этим прекрасно. Что-то беспокоило тебя, и это привело к кризису. Кризис был болезненным - как и всякий кризис, - но немного слез, и ты стала по-другому смотреть на мир, иначе относиться к вещам - ты стала иным существом. И этот кризис ознаменовал новый восход в твоей жизни.

Люди даже не понимают, как они боятся любви. Люди считают себя очень любящими существами, но их подсознание боится любви. Любовь означает слияние, и вашему уму кажется, что он теряет свою индивидуальность, свою самостоятельность.

В любовных делах это в какой-то мере оправданно. Любовники находятся в постоянном состоянии войны. Они не воюют за что-то определенное - любого повода достаточно, чтобы началось сражение. Борьба нужна, чтобы выжить как личности. Любовь угрожает их самостоятельности.

Но это касается обычных любовных дел. Что же сказать о великом любовном приключении, где участвуют учитель и ученик? Это та же волна прилива, но разница заключается в том, что эта волна не грозит уничтожить вашу независимость. Собственно говоря, вы не обладаете настоящей независимостью - это лишь смутное представление о независимости. Вы не знаете, что такое свобода, не знаете, что такое независимость.

Волна любви учителя угрожает лишь тому, что есть в вас рабского. Вы выйдете из нее более свежими, более независимыми, более самостоятельными и в то же время более умиротворенными, более благодарными, более уверенными в себе.

Вот что произошло с тобой, Анандо. Ты возвратилась домой. Ты немного заблудилась, но со мной заблудиться нелегко. Я бросил тебе веревку - сколько тебе было нужно, - и ты вышла с целым мотком веревки в руках.

Ты оказалась подлинным учеником, и то, что ты сказала, - не просто слова. Это идет от твоего сердца.

Когда я бью кого-либо, - запомните это, - я бью и себя, только куда больнее. Я понял сам, что ты исцелилась, потому что моя боль прошла. Но не только я чувствовал ту боль, которую ты испытывала, - все собравшиеся грустили.

Мне бы хотелось, Анандо, чтобы ты поклонилась всем присутствующим здесь буддам - им было грустно все эти дни, когда ты испытывала боль. Сражаясь с ней, ты одержала победу.

Недостаточно испытывать благодарность лишь по отношению ко мне - ты должна быть благодарна всем буддам, пришедшим сюда в поисках утерянного сокровища. Это - не организация будд, - будды не создают организаций, - это просто встреча братьев и сестер, испытывающих друг к другу глубокую любовь. Все они направляются к центру своего существа и существа Вселенной.

Анандо, выйди вперед. Это войдет в анналы истории.

(Анандо выходит вперед и становится перед каждым в намастэ. Учитель говорит, чтобы она поклонилась. Она кланяется, и, прежде чем она возвращается на место, каждый кланяется ей в ответ.)

А сейчас биографическая справка:

Трактат Большой Жемчужины о внезапном просветлении был написан прежде, чем у него

появились ученики. В период, когда он "вел уединенный образ жизни, скрывая свои возможности, - со стороны он мог казаться безумным". Хотя книга написана в форме диалога, Хякудзё сочинил вопросы, как и ответы, сам, так что мог объяснять свои взгляды в той манере, в какой желал.

Переходим к сутре:

Хякудзё спросили:

- В одной сутре говорится, что способность не воспринимать все вещи с точки зрения их существования или не существования есть подлинное освобождение. Как это понимать?

Хякудзё ответил:

- Когда мы достигаем чистоты ума (о чем можно говорить как о существующем), когда это происходит, наше освобождение от мыслей о достижении чего-либо называется невосприятием всего как существующего. Достижение такого состояния, когда мысли перестают возникать или появляться, но при котором их отсутствие не осознается, называется восприятием всего как несуществующего.

В Сурангама-сутре говорится, что постижение, используемое как фундамент для построения всевозможных концепций, - основа невежества. Постижение же того, что воспринимать нечего, - нирвана, также называемая освобождением.

Был задан вопрос:

- Каково значение фразы "воспринимать нечего"?

Прежде чем стать учителем, Хякудзё обрел просветление. Вовсе не обязательно каждому просветленному становиться учителем. Большинство просветленных хранят безмолвие по той простой причине, что говорить правду - значит вызывать раздражение целого мира. А не говорить правду - чувствовать себя так, словно предал себя.

Положение просветленного человека - не из легких. Он, обладатель всех радостей, сталкивается с проблемой невозможности общения с теми, кто бредет во тьме, с теми, кто слеп. Беда еще и в том, что вместе с просветлением приходит великое сострадание и великая любовь. Итак, просветленный начинает изобретать всевозможные приемы, даже лгать, лишь бы помочь другим прийти к истине.

Лишь немногие просветленные обращаются к словам - это совершенно иная сфера. И потому большинство остаются безмолвными, хотя безмолвие тяготит их. Они грустят оттого, что не могут рассказать об истине людям. Зная ее, они даже не в состоянии указать к ней путь другим. Они чувствуют себя беспомощными.

Некоторые люди хранят молчание на протяжении нескольких лет после того, как обрели просветление. Они думают, каким образом начать общаться с другими. Это произошло и с Хякудзё. Он стал просветленным и ждал, когда к нему придут нужные слова, когда он изобретет приемы, с помощью которых сможет помочь другим прийти к просветлению.

Эти сутры он написал после обретения просветления, но прежде, чем стал учителем. Он сам задавал себе вопросы. Это - подготовка, домашнее задание. Он спрашивал себя и сам же себе отвечал, чтобы понять, сможет ли он отвечать на вопросы, с которыми к нему придут люди, как только он объявит о своем просветлении.

Один из самых сложных вопросов: что есть нирвана? Слово "нирвана" имеет особое значение. Ни одна из религий мира не осмеливалась подумать о такой вещи прежде. Буквально слово "нирвана" означает "задуть пламя". У вас в руках свеча, вы задули пламя. Где теперь его отыскать? Возможно ли найти пламя погасшей свечи в этом огромном мире? Оно просто исчезло в океане бытия, стало с ним единым целым. Его невозможно обнаружить.

Будда называл "нирваной" то окончательное состояние, когда индивидуальное сознание исчезает во вселенском сознании. Это подобно тому, как задувают пламя свечи. Вас больше нет,

и не будет. Останется лишь бытие. Вы идете - и это будет идти бытие. Вы говорите - и это будет говорить бытие. Вы станете пустой бамбуковой тростью - бытие сделает из вас флейту.

Слова, как и безмолвие, приходят из космического источника. Просветленные мастера пели песни, плясали, писали стихи - они занимались любой творческой работой, но не сами. Они позволяли бытию использовать себя как инструменты космической души. Они ничего не делали самостоятельно.

Недавно я вспоминал об английском поэте, Колридже...

После смерти Колриджа в его доме нашли сорок тысяч незавершенных стихов и поэм. Его друзья знали об этом еще при жизни поэта, и они говорили ему: "Почему ты не доведешь до конца эту прекрасную поэму? Всего лишь несколько строк - и она завершена".

Я считаю, что Колридж был подлинно мистическим поэтом. Он просто отвечал: "Я никогда ничего сам не пишу. Я лишь позволяю бытию делать это. Если бытие остановилось на этом слове, что мне делать? Я не могу завершить поэму. Если когда-нибудь бытие захочет окончить ее, оно само сделает это; если же нет - это не мое дело".

Он завершил лишь семь поэм, но и благодаря этим семи поэмам стал величайшим поэтом из когда-либо живших на земле. Читая эти поэмы, чувствуешь, что они пришли не отсюда. Он - лишь воспринимающий центр, он - не их сочинитель. Он их не писал. Он находился в руке бытия... может, был пером в его руке - но рука принадлежала Космосу.

Он был очень мужествен. Для того чтобы видеть тысячи незавершенных стихов (которые он мог бы завершить) скапливающимися в ящиках стола, требуется огромное мужество. Он пробовал закончить свои стихи, но каждый раз видел, что строка, сочиненная им, оказывалась мертвой, тогда как те строки, которые проходили сквозь него, жили своей собственной жизнью.

Нирвана - исчезновение в бесконечном. Еще при жизни вы начинаете жить в бесконечном. Бесконечное - наша свобода, наша независимость.

Анандо в своем письме затронула вопрос о независимости. Существуют разные виды независимости, и между ними огромная разница. Есть независимость от остальных - вы независимы от остальных. Это очень незначительная независимость - в ней нет особого значения. Есть же независимость от собственного «я».

Это - великкая свобода, бесконечная свобода - тебя больше нет.

Пока ты есть, существует рабская зависимость от обстоятельств, от тела, от ума, от общества. Невозможно быть полностью независимым, пока ты есть.

Нирвана - это абсолютная свобода.

Больше никто не может быть порабощен.

Капля росы исчезла в океане.

Эти сутры достаточно хороши, чтобы Хякудзё стал учителем. И он им стал. Он не занимался пересмотром сутр. Он продолжил ту же линию.

В первой сутре сказано, что способность не воспринимать все вещи с точки зрения их существования или не-существования есть подлинное освобождение.

Все, что вы можете увидеть, - это отражение луны в водах реки. Если вас спросят, существует или не существует отражение луны в озере, что вы на это ответите? Это и не существование и не не-существование - просто отражение в зеркале. Следовательно, что бы вы ни видели своими глазами, ваши глаза просто отражают это. Чтобы вы ни видели в окружающем мире, вы просто отражаете это, а не видите.

И все эти отражения нельзя назвать ни существующими, ни несуществующими. Что же они такое? Просто отражения. Ваши глаза - просто зеркала.

Вы не можете доказать никаким образом, что то, что вы видите, существует на самом деле. Чувства могут обманывать вас, и вам никогда не будет известно, видели ли вы мираж или

настоящую воду.

В Аллахабаде есть большой христианский колледж...

Меня пригласили туда прочесть несколько лекций. Он расположен на берегу Ганга - в очень живописном месте.

Как-то я сидел на берегу с моим другом, профессором христианского колледжа, как вдруг он явно заволновался.

- Что случилось? - спросил я.

Где-то вдали красивая женщина, обернувшись к нам спиной, купалась в реке. И я сказал:

- В чем тут проблема? Пусть она себе купается.

- Я хочу увидеть ее лицо, - ответил мне друг.

- Так пойди и взгляни, - сказал я.

Он ушел в большом возбуждении, но возвратился разочарованный, так как это оказалась вовсе не женщина. Это был индийский монах с длинными волосами. Убедившись, что это монах, мой друг сказал:

- Боже мой! Я уже был готов влюбиться!

- Прежде чем влюбляться, - сказал я, - ты должен хотя бы взглянуть на человека спереди. Потому что сзади... а ты уверен, что это все-таки монах, а не женщина?

- Ты вновь сеешь сомнения в моей душе, - сказал мне друг - Какое-то мгновение я тоже в этом сомневался, потому что он - красив. Сейчас мне снова придется идти смотреть на него.

Я сказал:

- Оставь его в покое. Ты ведь уже знаешь, что это - монах.

- Нет, - ответил мой друг, - ты поселял в моей душе сомнения, а я не хочу жить, сомневаясь. Возможно, он окажется женщиной - ведь я не видел на его лице ни бороды, ни усов. Мое предположение о том, что он монах, основано лишь на том, что рядом лежит одежда оранжевого цвета. Такую одежду носят монахи, но ведь и индийские монахини носят такие же цвета. Нет, я должен сходить посмотреть еще раз.

И мой друг снова пошел. Его поведение удивило даже монаха, и тот спросил:

- В чем дело?

- У тебя красивые волосы, - ответил ему мой друг, - так что мы с другом, который сидит вон там, поспорили, кто ты: мужчина или женщина.

Монах, по-видимому, обладал большим чувством юмора. Он сказал:

- Ага! Да я и сам не знаю. Монах есть монах - он ни мужчина, ни женщина.

Мой друг расстроился еще больше. Вернувшись, он сказал:

- Сейчас мне еще труднее решить, кто это. Видишь ли, у него очень пышные формы и он сам говорит, что не знает, кто он такой.

То, что можно увидеть своими глазами, - всего лишь отражение. Хякудзё утверждает, что все воспринимаемые нами образы не являются ни существующими, ни несуществующими. Они - эфемерны, они сделаны из того же материала, что и сны. Не следует уделять им слишком большое внимание, привязываться к ним, отождествлять себя с ними. Таким образом вы попадаете в зависимость.

Хякудзё сам ответил на свой вопрос: "Когда мы достигаем чистоты ума (о чем можно говорить как о существующем), когда это происходит, наше освобождение от мыслей о достижении чего-либо называется невосприятием всего как существующего".

Ничего нельзя назвать "существующим" - ведь все течет. Это позиция буддистов: невозможно определить что-либо при помощи существительного или местоимения. Они формулируют это так: "Ты говоришь "река есть", но река постоянно течет".

Они говорят в точности то же, что утверждали древнегреческие философы Эпикур и

Гераклит: "Невозможно дважды ступить в одну и ту же реку". Когда я впервые прочел мысль Гераклита о том, что невозможно ступить в одну и ту же реку дважды, я попробовал это сделать. И решил, что, если где-нибудь повстречаюсь с Гераклитом (правда, шансов у меня немного, так как Гераклит был современником Гаутамы Будды. Но в этой необъятной Вселенной возможно все - так что кто знает...), я обязательно скажу ему:

"Невозможно ступить в ту же реку даже раз. Я пробовал, а ты просто постулировал. Когда ты опускаешь ногу в реку - вода течет. Когда нога погружается немного глубже - вода течет... еще глубже - и вода течет. К тому времени, когда нога коснется дна, сколько воды утечет, никто не знает - она течет все время, каждое мгновение. Так что никто не может сказать, что он ступил в одну реку, в одну и ту же воду".

Взгляд Гаутамы Будды на вещи был очень глубок, но по бытовым причинам мы превратили все глаголы в существительные. Иначе мы не могли бы называть дерево "деревом", а называли бы его "древится" по той причине, что оно постоянно растет. Его никогда нельзя было бы назвать "деревом", растет ли оно или умирает. Все является процессом - не вещью - событием. И, если все это процесс, вы не можете сказать, что какая-либо вещь существует. Река течет, вода течет, деревья растут, звезды движутся, земля движется, вы движетесь...

Все бытие вокруг вас пребывает в движении. Нет ни одной вещи во всей Вселенной, которая бы не двигалась либо вперед, либо назад. Движение есть реальность, вот почему она зовется эфемерной. Лишь одна вещь никогда не двигается - это глубинный центр вашего существа. Он остается неизменным во всем этом вечно кружашемся мире.

Великого ученого Бэкона можно назвать отцом западной науки. Он написал великую книгу "Новый органон", в которой в афористической форме определил различие между философскими взглядами и наукой. В своем труде он утверждал, что "Новый органон" означает принцип мышления: "Если я смогу обнаружить неподвижный центр мира, я смогу без труда объяснить весь мир. Но в мире нет неподвижного центра - все пребывает в движении. К тому времени как вы нашли ему объяснения, он уже иной".

Он ничего не знал о внутреннем мире - там есть неподвижный центр. Но Бэкон не был религиозным человеком.

Мы ищем центр внутри, и все мистики, все будды сходятся в том, что в глубинах нашего существа есть центр - единственный неподвижный центр всего бытия.

И как это ни странно, но этот неподвижный центр не принадлежит лишь вам - мы все сходимся в нем, словно линии, проведенные от периферии к центру. Можно провести множество линий от периферии к центру. На периферии они будут далеко отстоять друг от друга; приближаясь к центру, они будут сходиться между собой. Достигнув центра, они станут единым целым. Нас много на периферии. В центре - мы одно целое.

И в этом единстве заключена подлинная свобода - больше нет никого, кто может поработить тебя. Есть только ты один. И поскольку ты - один, ты даже не можешь сказать, что ты "есть". Чтобы сказать, что ты - есть, нужны другие. Если нет другого, нет и тебя. Для твоего «я» нужен еще и ты. Без «ты» не существует и «я». Это невозможно с лингвистической точки зрения. И потому в центре остается лишь есть-ность. Не я, не ты - лишь чистое бытие.

В Сурангама-сутре говорится, что постижение, используемое как фундамент для построения всевозможных концепций, - основа невежества. Постижение же того, что воспринимать нечего, - нирвана.

Больше нечего воспринимать - есть только ты. Есть только зеркало, и ему нечего отражать. Мы так глубоко пустили корни в космическое единство, что больше нет ничего, что можно было бы отразить. Все, что вокруг, - пустота. Но эта пустота жива. Это не пустота кладбища. Это пустота, которую переживаешь каждый день при медитации - вокруг воцаряется полное

безмолвие. Случайный прохожий никогда не догадается, что здесь собрались десять тысяч человек.

Безмолвие вибрирует - у него свое сердцебиение.

Это лишь небольшой пример того абсолютного безмолвия, которое окружает Космос. Но оно обладает сердцебиением, это - не просто ничто. Это зовется пустотой, потому что здесь ничего воспринимать, здесь нечему отражаться. Уйдя в глубь себя, вы увидите, что там нет отражений. Чистое зеркало без отражений, чистота без волнений, согласно Будде, зовется нирваной.

Был задан вопрос:

- Каково значение фразы "воспринимать нечего"?

Как можно воспринимать ничто? Можно воспринимать объект: дерево, луну. Объект можно воспринимать, но как воспринять ничто? Это вопрос философский, но о нем следует подумать, так как в один прекрасный день, в полном безмолвии, когда вы станете лишь зеркалом, он может возникнуть вновь. Воспринимать нечего - как вы можете об этом знать? Нечего воспринимать - можно ли воспринимать ничто? Вы можете воспринимать ничто, и это восприятие ничего, даст вам представление о пустоте. Вокруг вас - лишь ничто, нет никаких объектов, лишь чистое пространство.

Задумывались ли вы когда-нибудь над словом "объект"? Мы называем вещи "объектами". "Объект" же - это то, что мешает, препятствует, не позволяет идти дальше. Это некий барьер. Объекты подобны стенам, но не дверям. Если нет объекта, нет вещи, это означает, что нет ничего, что препятствовало бы вам.

Это такое восприятие, когда нигде, насколько вы можете видеть, нет никакой вещи. Это зеркало чистое, оно ничего не отражает, оно центрировано на самом себе в глубочайшем блаженстве.

Затем его спросили:

- Когда мы сталкиваемся с различными формами и объектами, мы говорим о восприятии. Можем ли мы говорить о восприятии, когда мы ни с чем не сталкиваемся?

- Да, - ответил Хякудзё.

- Столкнувшись с чем-либо, мы, соответственно, воспринимаем его, - продолжали спрашивать Хякудзё.

Если мы можем воспринимать что-то, это означает, что, если это "что-то" будет устранено, мы будем воспринимать ничто.

Но вопрос не завершен:

- Но о каком восприятии может идти речь, если мы не сталкиваемся ни с чем?

Хякудзё ответил следующим образом:

- Мы не говорим о том восприятии, которое зависит от присутствия или отсутствия объектов. Природа восприятия вечна, мы продолжаем воспринимать независимо от того, есть ли объект или его нет.

Зеркало может существовать, и ничего не отражая. Вот вам пример: зеркало может существовать, ничего не отражая. Сознание может существовать, ничего не воспринимая. В этом нет нужды, нет необходимости.

Зеркало и его свойства не зависят от объектов и их отражений. Например, озеро может существовать независимо от того, взойдет ли над ним луна или нет. Если взойдет - она отразится, если нет - какая озеру разница? Озеро вполне удовлетворено собой, это же относится и к внутреннему озеру сознания.

Таким образом, мы приходим к пониманию того, что, если объект может появляться и исчезать, природа восприятия иная. Это же относится и ко всем остальным вашим чувствам.

Зеркало остается. Вещи появляются и исчезают. Сознание остается, осознание остается, наблюдение остается; вещи появляются и исчезают. Жизнь приходит, смерть приходит, ваше наблюдение остается вечно. Это единственная вещь, которая никогда не меняется.

Басё писал:

*Преддверье осени - прошу,
обернись ко мне.*

Я тоже чужак.

Хайку Басё ни с чем нельзя сравнить. Все мастера дзен писали хайку, но Басё слился с природой, как никто иной.

"Преддверье осени - прошу, обернись ко мне". Он словно обращается к вам, говоря: "Здесь, в этом мире, все мы чужаки".

Мы забываем о сути, принимая существование каждого как нечто должное. Задумывались ли вы когда-нибудь над этим? Все эти десять тысяч будд - чужаки. Мы пытаемся забыть об этом, заключая браки, заводя дружбу, - мы делаем все это лишь с целью, забыть, что все мы чужаки. Мы очень испугаемся, обнаружив, что окружены чужаками. Семьи, клубы, религии и нации - все это попытка скрыть факт, что все мы чужаки.

Дзэн - это попытка осознания того, что каждый из нас чужак. Он делает вас свободными от толпы. Это дает вам ощущение, что вы - это вы и никто иной, помогает сознавать, что вы окружены чуждым миром, в котором каждый - чужак.

Это имеет гораздо более глубокий подтекст. Если вы поймете, что каждый - чужак, вам придется отказаться от всех своих ожиданий. Чего вы ожидаете? Муж ожидает от жены определенных вещей, при этом забывая, что она - чужак. Мы встретили друг друга, прошлись немного вместе, немного поболтали и позабыли о том, что мы все еще чужаки.

Мы не знаем себя, как же мы можем узнать других? Но внешне мы хотим поддерживать близкие отношения, хотим забыть ту страшную мысль, что мы - совершенно одиноки. Жена, дети, Ротари-клуб... мы хотим быть к чему-то привязаны.

Мы не хотим оставаться одинокими и стоять, наслаждаясь полной свободой, под открытым небом, танцевать под солнцем и дождем. Нет, мы хотим уюта толпы, хотим раствориться в ней - здесь как-то теплее.

Нет, не без причины Иисус называл всех людей "овцами", а себя "пастухом" - и никто не возражал. Но вот что странно: Иисус был распят, но никто не возражал против ни одной из его проповедей и никто не оспаривал их.

Кажется, что в глубине души люди давно согласились с тем, что они - овцы и что им нужна толпа, так как они не могут в одиночку выходить на неведомую территорию. Никто не встал и не сказал Христу: "Ты оскорбляешь человечество. Ты унижаешь нас, претендую на роль пастуха и делая из нас овец".

Ему никто не возразил, потому что люди считали, что он прав: "Нам нужна толпа".

Басё говорит: "Преддверье осени - прошу, обернись ко мне" - не только ты здесь чужак, "я тоже чужак".

Я как-то слышал...

Один англичанин, сойдя с поезда, почувствовал сильное головокружение. За ним пришла жена, чтобы отвезти его домой со станции. Она спросила:

- Что с тобой случилось? Ты очень бледен и кажешься нездоровым.

- Это очень неприятная ситуация, - отвечал англичанин, - всегда, когда я сажусь против хода поезда (поезд ехал на восток, а я сидел лицом на запад), меня укачивает.

- Но это же такая мелочь, - сказала ему жена, - ты бы мог просто обратиться к любому пассажиру, объяснить, что тебя из-за этого укачивает, и попросить поменяться с ним местами.

Он ответил:

- Ты совершенно права. Но все мы были друг другу чужими - никто меня никому не представил.

- Ты идиот, - сказала ему жена, - все мы - чужаки, но это не значит, что ты не можешь попросить кого-то о маленьком одолжении.

- В следующий раз я так и сделаю, - пообещал жене англичанин.

Но на следующий раз он сошел с поезда, чувствуя себя еще более разбитым.

- В чем дело на этот раз? - спросила его жена.

- На этот раз передо мной никто не сидел, так что мне не у кого было просить об одолжении, - ответил англичанин.

Жена на это лишь вздохнула:

- Я больше не буду вмешиваться в твои дела - ты или философ, или сумасшедший.

В общем-то это одно и то же.

Вот еще одна хайку Басё:

Серп луны...

восточный край неба во тьме и звук колокола.

Он рисует картину в словах. Ему не нужны краски, чтобы рисовать. "Серп луны... восточный край неба во тьме и звук колокола". Звук колокола можно услышать, читая эти строки. Это - мгновения его медитации.

Время от времени, открывая глаза, он видит: "Серп луны... восточный край неба во тьме и звук колокола" - фрагменты картины медитативного ума. Они говорят немного, они просто отображают ситуацию. Все очень зримо - это можно увидеть, это можно услышать. Басё - очень земной поэт.

Маниша спрашивает:

Наш любимый Учитель,

Хайку Басё, безусловно, весьма изысканы, но в основном они кажутся меланхоличными.

Я привыкла ассоциировать просветление с подъемом, а то и с экстазом. Однако кажется, что Кришнамурти не сумел получить особого удовольствия от своего просветления. Был ли Басё просветленным?

Маниша, каждый просветленный идет своим неповторимым путем. Басё, безусловно, кажется несколько меланхоличным. Но его грусть - совсем не то, что твоя грусть. Твоя грусть - не что иное, как подавленная злость. Ты начинаешь грустить, когда не можешь дать выход злости.

Например, когда муж и жена сидят вместе, они всегда грустят. Причина проста - они злятся друг на друга. Жена думает: "За какого дурака я вышла замуж!" А муж думает: "Куда бы отсюда смыться? Под каким соусом..."

Подавленная злость превращается в грусть. Но это вовсе не грусть Басё. Басё, безусловно, грустит, но в его грусти есть красота. Твоя грусть - безобразна. Он же грустит обо всем мире, его грусть не связана с собственной личностью. Это грусть человека, который знает, как близко твое просветление, и видит твое бессмысленное метание из стороны в сторону. Весь мир воюет. Весь мир зол, безобразен... Всю эту энергию можно направить на то, чтобы люди стали буддами.

Грусть Басё происходит из сострадания, она не имеет со злостью ничего общего. Но твое замечание относительно грусти, которая ощущается в его хайку, совершенно верно. Он должен грустить. Он грустит о тебе, он грустит обо всем человечестве. Он грустит обо всех, кто последует за ним, ибо ему известна истинна. Она так близка - стоит лишь протянуть руку... Из-за этого он и грустит. В его грусти заключены красота и очарование.

Что же касается Кришнамурти, он грустил от гнева. Но и эта злость отличалась от твоей злости. Это такая тонкая вещь... Он злился оттого, что люди не понимали его. Он - такой рациональный, такой понятный, а люди не понимают его - почему? Он бился головой перед собравшимися, говоря: "Вы слушали меня на протяжении сорока лет, пятидесяти лет. И я смотрю вам в лица и чувствую великую грусть".

Почти пятьдесят лет он страдал мигренями. Его мигрень была столь жестокой, что, как он писал в своем дневнике, ему хотелось разбить голову о стену. Мигрень - не психологическая проблема. Он страдал головными болями, так как слишком много общался с людьми, проводя интервью, частные беседы с утра до вечера. Но ни разу он не видел, чтобы глаза собеседника загорелись огнем понимания.

Его нельзя упрекать за его гнев - это особый случай. Как я уже говорил вам, каждая просветленная сущность сталкивается с миром своим особым способом. Кришнамурти прожил долго - девяносто лет, но и в последнее мгновение своей жизни он злился. В последнюю минуту он сказал такие слова: "Я зря потратил свою жизнь, мотаясь по свету и говоря с людьми - они считали, что это развлечение. Я говорил им о просветлении, а они собирались вокруг меня, как собираются на цирковое представление".

Его гнев происходит от сострадания. Но это странное превращение сострадания. Он был очень настойчив и считал, что вы должны понимать его. Это и делало его злым.

Он был против саньясы и был против меня. Он хотел повидаться со мной и прислал мне записку. Мы оба тогда находились в Бомбее. Но я сказал: "Не думаю, что в этом есть какой-то смысл. Он не согласен со мной, и я совершенно с ним не согласен. Зачем же терять время попусту и злить его? Он может разбить себе голову о стену, и в этом будут винить меня".

Но я стал посыпать своих саньяси на его выступления. И они садились в первых рядах, в своих оранжевых одеждах. И, как только Кришнамурти видел саньяси в их традиционной одежде, он забывал обо всем. Он забывал о предмете своего выступления и начинал говорить обо мне. Он злился и говорил: "Я не могу понять, почему эти саньяси сидят здесь передо мной. Я - против этих одежд. Я - против саньяси".

Я же сказал своим людям: "Когда он злится - смейтесь. Это разозлит его еще больше". И мои саньяси приходили на все его выступления, где бы он ни появлялся.

Лично я воспринимаю это как своего рода извращенное сострадание. Не следует проявлять такую настойчивость - просто нужно сделать доступным все, чем обладаешь. Каждый волен решать, выбирать то, что ты предлагаешь, или отказаться - свобода воли остается за каждым. Нельзя навязывать свои идеи всем остальным.

Хотя его идеи и были о свободе, проблема заключалась в том, что он хотел, чтобы вы согласились с ним, лишив вас свободы выбора. Он не понимал, что это рабство - психологическое порабощение людей.

Можно лишь делиться своими представлениями о свободе - и все. Остальное - за людьми. Если что-то заденет струну в их сердцах - хорошо, если они останутся глухими к твоим словам - что тут поделаешь?

Никого нельзя насильственно привести к свободе. О какой свободе может идти речь, если она навязана против твоей воли? Ты свободен... но под дулами автоматов!

Можно лишь высказывать свои мысли и затем забывать об этом. Что же касается меня, я считаю просветление величайшим развлечением. Лишь просветленный человек может искренне развлекаться, наслаждаться жизнью, смеяться. Что общего могут иметь с этим несчастные люди?

Я отказался встречаться с ним по той простой причине, что не хотел без нужды злить его. Он был старым, больным человеком и, как и я, прекрасно знал, что мы не придем с ним к

согласию ни в одном вопросе.

Мне совершенно чужды старые представления о развлечениях или старые представления о просветлении.

Кришнамурти же принадлежал к старому типу учителей: упрямый, уверенный в том, что лишь он знает истину. Но существует множество сторон истины и еще больше способов преподносить ее. И человек правды должен делиться своим знанием - любовно, мирно, давая абсолютную свободу каждому, кто хочет ступить на путь исследования реальности. Если кто-то не хочет ступить на этот путь - это не повод злиться. Гнев доказывает, что ты ожидал иного от этого человека.

Если вы не понимаете меня - ничего страшного. Это ваше дело - понимать или не понимать. Я продолжаю идти своим путем. Если кто-то пожелает стать моим попутчиком - милости прошу! Если же он захочет расстаться со мной посреди пути - это его право.

Но мой подход отличен от подхода Кришнамурти, потому что в моей жизни никогда не было учителя. Это позволило мне начать работать в ином пространстве. Не зная сам учительской опеки, я предоставляю вам полную свободу. Я и сам наслаждался свободой. Я никогда никого не слушал, я жил, как хотел. И эти слова я адресую всем вам - живите так, как вы хотите. Я могу поделиться с вами своим пониманием - выбор же за вами. Я не вижу причины сердиться.

Кришнамурти заставили стать просветленным. На протяжении двадцати пяти лет теософическое движение и, в частности, его президент, Анни Безант, и один из его представителей, Лидбитер, держали его почти в заточении. Ему не позволяли встречаться с обычными людьми. Их план состоял в том, чтобы внезапно представить миру великого учителя. Итак, они готовили почву для будущего всемирного учителя, способного спасти все человечество. Они распространяли книги, литературу, где говорилось, что "вскоре появится всемирный учитель".

И они скрывали от мира Кришнамурти и еще пятерых детей - ведь как знать, кто может оказаться наиболее подходящим в нужное время? Четырех они отвергли, один умер, и Кришнамурти был избран всемирным учителем, и он был полностью подготовлен для этой роли. Даже книги были написаны за него. Лидбитер написал их. Великая книга "У ног учителя" была "написана" Кришнамурти в тринадцатилетнем возрасте - он даже не помнит об этом! Позже, когда его спросили: "Написали ли вы эту книгу?" - он ответил: "Не помню".

Дело в том, что он никогда не писал этой вещи. Я глубоко изучил эту книгу и другие труды Лидбитера - это один и тот же стиль. Да, это Лидбитер написал книгу под именем "Дж. Кришнамурти", чтобы доказать миру, что Кришнамурти - божественное воплощение. Кто же еще способен написать такую книгу в тринадцатилетнем возрасте?

Книга действительно великая. Лидбитер был весьма красноречивым писателем и высокообразованным человеком. Он остановил свой выбор на Дж. Кришнамурти и на его брате, Нитиананде, когда Кришнамурти было всего девять лет.

Оба мальчика играли на берегу реки в Мадрасе, возле Адиара, где располагалась штаб-квартира теософского движения. Лидбитер увидел этих двух ребят, пляшущихся у берега, обливающих друг друга водой из реки. А он, безусловно, был очень проницательным человеком - он сразу понял, что с помощью этих мальчиков может удастся великое начинание. Он также нашел и трех других ребят - каждый из них прославился на своем поприще.

Нитиананда умер из-за слишком суровой дисциплины. Он был хрупким мальчиком. Эти дети должны были просыпаться в три часа утра, выполнять всевозможные ритуалы, слушать священные тексты, есть лишь определенную пищу...

Беда с Лидбитером заключалась в том, что он был гомосексуалистом и вступал в половые

отношения с каждым мальчиком, не исключая и Кришнамурти. Против Лидбiterа было возбуждено дело в Верховном Суде Мадраса. Отец же этих детей был бедным клерком. Его жена умерла, и он еле-еле сводил концы с концами, не зная, как содержать двоих детей и свой офис... Так что, когда англичанка Анни Безант, уступив настояниям Лидбiterа, согласилась усыновить мальчиков, их отец очень обрадовался. Анни Безант была всемирно известной женщиной.

Он дал свое согласие Анни Безант, но многие люди знали, что Лидбiter совершил сексуальное надругательство над мальчиками. Но Анни Безант, будучи высокопоставленной английской леди, сумела переправить детей в Великобританию прежде, чем было вынесено решение суда. Это было несложно - Индия тогда находилась под британским правлением, а Анни Безант была очень влиятельной женщиной.

Итак, она отправила детей из страны.

И постановление суда, предписывающее возвращение детей их отцу, запоздало - детей там уже не было.

Она не послала этих детей, включая и Дж. Кришнамурти, в государственную школу. Как можно было посыпать этих феноменальных ребят в обычную школу? Там они могли начать вести себя как обычные школьники - могли даже начать курить! И Кришнамурти содержался как заключенный. Его обучали частные учителя и пичкали всевозможной ерундой - религией, священными текстами.

Таким образом, возникла ситуация, когда он восстал.

Был назначен день, когда его должны были объявить всемирным просветленным учителем. Шесть тысяч членов теософского движения съехались со всего мира в Голландию. И в последний момент, когда это должно было быть провозглашено, Кришнамурти встал и заявил: "Я - никакой не всемирный учитель, и я отказываюсь возглавлять какую-либо организацию". Специально для него была создана организация "Звезда Востока", и он должен был ее возглавить. Это был филиал теософского движения.

Он носил на себе эти раны всю жизнь. Двадцать пять лет он не мог простить своим учителям обид. Это был очень странный и трагический случай.

И потому, когда бы он ни говорил, он не мог освободиться от переживаний прошлого. Он продолжал сражаться со своими учителями, не думая, что он был действительно просветленным. Он обладал для этого разумом и всеми возможностями и очень близко приблизился к просветлению. Единственное, что мешало ему, - ненависть к своим прошлым учителям, обида на то, что было ему навязано. Этот гнев стал подводным течением всей его жизни.

Я люблю этого человека. Он принес в мир великое понимание, но сам так и остался почти просветленным. Он не был ни Гаутамой Буддой, ни Ма-цзы, ни Хякудзё. Мне грустно говорить об этом, потому что я люблю его. Его озарения были ясными, но что-то сдерживало его, не давало ему раскрыться, как цветку. Что-то давило на него, что-то давило на его психику. Он не был человеком абсолютной свободы, хотя и говорил лишь о ней.

Он был искренним человеком, иначе он бы не отказался быть всемирным учителем. Он знал, что не обрел просветления, и объявить себя всемирным учителем будет бесчестно. Я люблю его за честность, но это не значит, что я должен объявить его просветленным. Возможно, в следующей жизни... эту жизнь он упустил, и упустил он ее из-за учителей.

А сейчас время Анандо...

В лунную ночь Ларри Чокнутый возвращается домой нетвердой походкой. Его путь лежит вдоль железнодорожной колеи. Вдруг он спотыкается о чью-то ногу, лежащую на путях. Поднявшись с земли, он ошарашено смотрит на страшную находку, трет кулаками глаза и идет дальше.

Через несколько минут он спотыкается о вторую ногу, тоже лежащую на путях. Затем наступает на руку. Теперь его уже начинает по-настоящему интересовать то, что он видит, и, натолкнувшись на тулowiще, он останавливается и внимательно изучает его.

- Ага... - бормочет Ларри, обходя вокруг тулowiща и почесывая подбородок, - эта куртка кажется мне знакомой! Интересно, это случайно... - пятясь, он наступает на лежащую рядом голову и падает навзничь.

В пьяном изумлении он смотрит на голову и узнает лицо своего дружка, Гарри. Отведя глаза от головы, он замечает ухо, лежащее в нескольких футах от нее. Подползя к уху, он кричит в него:

- Гарри! Гарри! Ты в порядке?

Отец Мямлик сидит в исповедальне, когда к нему приходит Симус и рассказывает о своей любовной связи с женщиной.

- Хорошо, - говорит отец Мямлик, - но я не могу отпустить тебе грехи, пока ты не назовешь имени этой женщины.

- Ладно, - отвечает Симус, - это самая роскошная блондинка из всех, которых я знаю, и зовут ее Цыпа Грин.

В следующую субботу отец Мямлик готовится к мессе, как вдруг в церковь заходит роскошнейшая блондинка в коротеньком платье и, профилировав по проходу, садится на скамью у алтаря.

Святой отец нашаривает свои очки, цепляет их себе на нос и пристальноглядит в незнакомку.

- Это и есть Цыпа Грин? - спрашивает он шепотом у маленького Альберта, церковного служки.

Малыш Альберт смотрит и так и эдак на то место, куда указывает ему отец Мямлик. И наконец произносит:

- Да нет же, это отражение детали витража.

Поляк Папа Римский приземляется в аэропорту Нью-Дели, где начинается первый этап его десятимиллионной восточной католической миссии.

Едва сойдя с трапа самолета, поляк падает на колени и целует взлетную полосу.

Кардинал Сингх, глава индийской католической церкви, подбегает к Папе и помогает ему подняться на ноги.

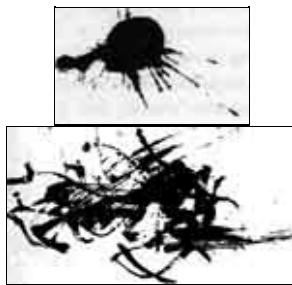
- Господи, Святой Отец! - кричит кардинал. - Зачем вы это сделали?

- А вы сами когда-нибудь летали самолетом компании "Эйр Индия"? - спрашивает его в ответ Папа - поляк.

Я до сегодняшнего дня называл барабаны Ниведано именем "Анандо", чтобы тот лупил по ней посильнее и чтобы кризис быстро миновал. Вот он и миновал - сегодня благословенный день для каждого присутствующего. Барабаны все равно будут называться "Анандо", но теперь по иной причине - чтобы звать ее домой.

Анандо...

Ниведано...

Ниведано...

Погрузись в тишину.

Закрой глаза.

Почувствуй, как замерло твое тело.

А теперь обрати свой взгляд внутрь себя с безоглядностью, немедля, будто это самое последнее мгновение в твоей жизни. Глубже и глубже.

Лишь с этой безоглядностью ты сможешь достичь просветления. Оно совсем близко.

Преврати все свое сознание в стрелу. Это неведомый для тебя путь, но отправляйся к цели!

Здесь нет места страху.

Никто никогда не страдал, достигнув источника жизни.

Глубже и глубже... уходи в центр своего существа - в недвижимый центр всего бытия. Войти в него - значит обнаружить сокровищницу тайн и чудес.

Просто смотри - смотри, не оценивая, не вынося суждений.

Будь зеркалом - просто отражай.

Свидетель - просто свидетель без мыслей, без суждений.

Чтобы было понятнее,

Ниведано...

Расслабься.

Наблюдай. Ты - не твой ум. Ты - не твое тело.

Ты просто наблюдатель. Наблюдение - это ты.

Это твое просветление.

Этот невероятно прекрасный вечер стал еще прекраснее оттого, что ты наблюдаешь. Воздрадуйся бытию, носи это чувство с собой все двадцать четыре часа в сутки.

Нельзя быть буддой несколько минут или несколько часов. Это - на всю жизнь. И если это не на всю жизнь, все твои жесты, все твои поступки ничего не стоят.

Ты должен стать буддой - это лишь узнавание.

Больше ничего не нужно делать. Ты уже - совершенный будда. Просто узнай... и воздрадуйся,

узнавая.

Пусть это станет подводным течением всех твоих поступков, твоих реакций, твоих жестов, твоего сна и твоего бодрствования.

Пусть же подводное течение становится все более и более глубоким.

В это мгновение существуют десять тысяч будд, но есть лишь одно океаническое просветление. Вы все слились в одном великом переживании.

Собери как можно больше цветов, как можно больше аромата. Вскоре ты отправишься в обратный путь - от источника жизни к периферии.

Вынеси же что-то из этой сокровищницы.

Не возвращайся с пустыми руками - вернись преображенным.

Ниведано...

Возвращайся, но возвращайся как будда. Возвращайся как пустое зеркало. Посиди несколько минут как будда, вспоминая свой внутренний мир, вспоминая великое переживание.

Хорошо, Маниша?

Да, любимый Учитель.

Можем ли мы отпраздновать праздник десяти тысяч будд?

Да, любимый Учитель.

Анандо приносит свои извинения всем присутствующим в Аудитории Будды

Ложись и наблюдай

Наш любимый Учитель,

Однажды Хякудзё начал свою ежедневную беседу с учениками такими словами:

- Я не адепт дзэн. У меня нет ничего, что я мог бы дать вам, и потому я не буду принуждать вас стоять здесь. Идите и отдыхайте.

В другой раз мастера дхармы пришли к нему для беседы и сказали:

- У нас есть несколько вопросов к тебе. Готов ли ты на них ответить, мастер?

Хякудзе ответил:

- Да. Луна отражается в глубоком пруду. Поймай ее, если хочешь.

- Каков будда в действительности? - спросили они.

- Если тот, кто смотрит в чистый пруд, не будда, тогда кто же он? - сказал Хякудзё.

Монахов удивил этот ответ, и после небольшой паузы они вновь спросили:

- Мастер, какую дхарму истолковываешь ты, чтобы дать освобождение другим?

- У этого бедного монаха нет дхармы, которой он освобождает других, - ответил им Хякудзё.

- Все мастера дзэн одним миром мазаны! - воскликнули они.

Тогда Хякудзё спросил их:

- Какую же дхарму вы, высокочтимые мастера, используете для того, чтобы привести к освобождению других?

Монахи ответили:

- Мы истолковываем Алмазную Сутру. Хякудзё спросил:

- Сколько же раз вы истолковали ее?

- Более двадцати раз, - ответили они.

- Кем она была произнесена? - спросил Хякудзё.

На это монахи ответили негодящие:

- Мастер, должно быть, ты шутишь! Конечно же, ты знаешь, что она была произнесена Буддой.

Хякудзё сказал:

- В этой сутре говорится: "Если кто-то говорит, что Татхагата истолковывает дхарму, он оговаривает Будду! Подобный человек никогда не поймет, что я имел в виду". - Затем Хякудзё продолжил: - Если же вы скажете, что она не была истолкована Буддой, вы умалите значение Будды. Позволите ли вы мне, высокочтимые мастера, услышать, что вы скажете в ответ? - Поскольку ответа не последовало, мастер сделал паузу, прежде чем задать новый вопрос: - В Алмазной Сутре сказано: "Тот, кто ищет истину во внешних проявлениях или ищет меня в звуке, идет ложным путем и не способен постичь Татхагату. Скажите же мне, высокочтимые, кто такой или что такое Татхагата?"

Один из монахов ответил:

- Господин, сейчас я понял, что обманулся.

- Не будучи просветленным, как же ты мог лишь сейчас обмануться? - сказал Хякудзе.

После чего монах сказал:

- Может ли высокочтимый мастер истолковать дхарму нам?

- Истолковав Алмазную Сутру более двадцати раз, вы все еще не знаете Татхагаты! - воскликнул Х.якудзё.

Маниша, прежде чем приступить к обсуждению сутр, лежащих передо мной, я хотел бы представить вам нового бога, который вскоре займет свое место в Музее богов Авирабхавы. Бог этот - рыба.

"Рыбу всегда ассоциировали со всеми аспектами матери богов и со всеми лунными божествами. Хотя священная рыба часто встречается в мифологии разных народов, бог-рыба представляется нам редким явлением. Дагон, верховный бог древних филистимлян, а позже и финикийцев, изображается получеловеком-полурыбой. Поклонники Дагона носили одежду из рыбьей кожи. В древнегреческих храмах Аполлона и Афродиты можно найти изображения священной рыбы. Древнегреческий историк, ученик и друг Сократа, Ксенофон, писал, что рыбу почитали как бога. В Перу сардина почиталась как бог в одном регионе, рыба-скат - в другом, а рыба-собака - в третьем.

В христианской церкви рыба и по сей день символизирует Христа.

Во всех мифологиях рыбе приписывается способность возрождать жизнь и отводится роль спасителя человечества. Буддисты называют основателя своей религии "Даг-По" или "Великая Рыба". Иудеи в Талмуде наделили тем же именем будущего Мессию.

В Индии Матсия, рыба-спаситель, воплощений Вишну, спас Ману и, следовательно, все человечество во время Великого Потопа".

Музей богов Авирабхавы демонстрирует вам тот факт, что человечество всегда страдало от унижений. Человеческое достоинство во многих отношениях было ущемлено. Это был хорошо организованный заговор против человечества. Учить людей поклоняться животным - просто иррационально. И все же почти все животные мира обожествлялись, и это ни у кого не вызывало возражений. Люди находились в столь тяжком психологическом рабстве, что даже не пытались подвергать сомнению то, чему их учили с детства.

Пока вы не освободитесь от всего этого глупого программирования, вы не сможете открыть Бога в себе.

Если вы ищете Бога в рыбах, лошадях, свиньях, как вы собираетесь обратить взор внутрь себя? А это единственное место, где вы можете найти высшее сознание. Эти несчастные животные еще не дорошли до такого сознания. Они обладают определенным сознанием, но оно пребывает в куда более глубоком сне, чем человеческое.

Заставлять человека (единственное сознательное животное во Вселенной) поклоняться

спящему животному - весьма опасная стратегия. Это значит предпочтеть сон осознанию. Животных следует любить, их следует уважать, потому что в какой-то момент они достигнут того же уровня сознания, что и вы. Происходит постоянный эволюционный процесс, но поклоняться животным - опасное занятие.

Любовь к животному гуманна. Ваша любовь говорит о том, что вы видите будущее их эволюции. В какой-то день они достигнут вашего уровня развития, а затем они достигнут высот будды. Угадывая их будущее, вы можете проявлять к ним любовь и уважение.

Обожествление животных - довольно странное явление. Это означает, что вы ставите себя ниже животных. Но дело не только в этом. Поклоняясь животным, вы убиваете их для собственного пропитания. С одной стороны, они - боги, с другой - дичь.

Когда человек убивает льва, люди называют это охотой. Когда же лев убивает человека, люди называют это убийством. Зачем же менять слова? На охоте обе стороны должны почитаться в равной мере.

Тысячелетиями человек охотился на животных, даже не задумываясь, что он уничтожает жизнь. Мы - часть той же жизни. Это все равно, что уничтожить собственную руку или глаз. Эти животные, так же как и мы, - часть космической жизни. Но человек в своей слепоте делал и то и другое; он не видел противоречивости своего поведения, поклоняясь и охотясь одновременно. Если же ты охотишься, значит, твое поклонение - пустое притворство.

Думали ли вы хоть когда-нибудь, что можете поохотиться на Бога? Искать Бога - да, но охотиться на Бога? Я никогда прежде не слышал ни о чем подобном. Но именно этим вы и занимаетесь. Вначале делаете из животных богов, а затем отправляетесь на охоту за ними. Вы не замечаете противоречия? Ваше сознание весьма поверхностно.

Этот Музей богов вызвал критику во всем мире. Похоже, против меня собираются возбудить не одно дело. Но я люблю браться за непопулярные дела. Кого интересуют животные? Кто согласится отправиться в суд и бороться за них? Я же собираюсь бороться не только с тем, что животных почитают как богов, но и за то, чтобы их любили и уважали. Они - наши сестры и братья - мы делим с ними один мир. Мы должны воздать им должное, но при этом не ронять и своего достоинства. Но попы не хотят, чтобы мы сохранили свое достоинство. Они хотят, чтобы мы были унижены и чувствовали себя грешниками - ведь тогда сами они чувствуют себя святыми и могут служить посредниками между вами и Богом.

В индийской мифологии рыба - первое воплощение Бога. Почему же Бог избирает себе такие перевоплощения и никто не задумывается об этих воплощениях Бога? Каждое из его воплощений совершает столько преступлений, что о поклонении какому-либо из них не может идти и речи. Они должны быть занесены в криминальные архивы.

Вы ни за что не поверите... Один индийский бог, Парасурам (он получил это имя, потому что парасу - это особый меч, очень тяжелый; одним ударом такого меча можно снести голову), так вот, Парасурам постоянно носил этот меч. Он собственноручно убил огромное количество людей - наверное, никто другой не убивал столько людей. Он убил собственную мать из-за подозрений старого отца. Его отец заподозрил мать Парасурама в том, что она ему изменяет. И, конечно, если отец приказывает, кто смеет ослушаться!

Послушание было возведено в ранг высших добродетелей всеми религиями. Отец приказал Парасураму: "Сейчас же отправляйся и отсеки голову этой женщине!" И это было лишь подозрение. Никаких доказательств, никаких свидетелей. Это могла быть просто болезненная идея. Я думаю, что именно так и было, поскольку он становился стар, а его жена была еще относительно молода.

Старики, становясь неадекватными, начинают подозревать всех и во всем. Но Парасурам даже не предложил: "Давай-ка прежде проведем расследование". Именно потому, что он, ни

слова не сказав, пошел и отрубил голову матери, а затем положил ее у ног отца, Парасурам и был признан воплощением Бога - в этом проявилось его великое послушание.

Это было лишь начало его великого кровавого пути. Он был брамином, а его мать подозревалась в романе с воином, кшатрием. Не зная имени этого человека, он решил уничтожить всех воинов на земле. Такой странный поворот мысли: не зная точно, кто был виновником, он решает уничтожить целый класс людей - миллионы воинов, собственноручно. Да, сам он был великим воином - тут ничего не скажешь.

Подобное происходило неоднократно. В те времена в Индии была странная традиция: индийцы не должны были оборачиваться. Очевидно, в стране происходило столько безобразных вещей, что люди боялись оглянуться, чтобы не увидеть какую-то мерзость.

Итак, он убил всех кшатриев, но он не убивал женщин. Ведь речь о женщинах не шла. Его мать имела связь с мужчиной, и потому Парасурам убивал всех мужчин-воинов, оставляя вдовами множество женщин своей страны. Согласно традиции, каждая женщина могла отправиться к святому провидцу и попросить дать ей ребенка, и провидец не имел права отказать ей в этом. Великая религия и ее великие святыне! Итак, все эти вдовы отправились к святым, чтобы зачать ребенка. Наверное, они должны были выстраиваться в очереди - ведь святых было гораздо меньше, чем овдовевших по милости Парасурама женщин. И все же они забеременели от святых. Возможно, святых специально придумали для того, чтобы оплодотворять подобных женщин.

Мальчики начали подрастиать, и Парасурам решил сделать второй заход и уничтожить всех мальчиков-воинов. Он твердо решил, что в мире не должно остаться кшатриев. Его мир ограничивался территорией Индии. И он отправлялся в карательные экспедиции шестнадцать раз. Но в Индии было много святых, и они были чем-то вроде быков. Один бык может оплодотворить множество коров. Вам не нужно иметь много быков. Быки не верят в моногамию. Один бык - одна корова... Одного быка достаточно на всю деревню. И хотя Парасурам уничтожал воинов шестнадцать раз подряд, воины не переводились. Он так и не сумел стереть их с лица земли.

Но беда в том, что индусы верят, что Парасурам - воплощение Бога. Если подобные люди - воплощения Бога, кто же тогда преступники? Либо животные, либо преступники... странный выбор! Первой была рыба, последним будет конь. Конь еще не появился. Он - последнее воплощение Бога, и с ним придет конец эпохи, конец этой цивилизации. Так что готовьтесь в течение ближайших двенадцати лет увидеть белого коня, топчуЩего грешников и спасающего святых.

Я внимательно прочел все индийские пураны и нигде не нашел упоминания о том, что мы возлагаем на коня слишком большую ответственность: "он будет судить".

Все это унижает человека. Прежде чем сделать человека христианином, индуистом или мусульманином, нужно лишить его достоинства.

Я изо всех сил пытаюсь развить в вас чувство собственного достоинства. Я хочу, чтобы вы освободились от всех этих богов, от этого рабства. Все религии, все священные тексты - это ваше рабство. Я хочу, чтобы вы жили в безмолвной и мирной свободе бытия, радуясь и блаженствуя.

Для меня не существует ни вопроса о поклонении, ни вопроса о божественном воплощении. Во-первых, если Бога нет, как может Он иметь воплощения? Это - откровенная глупость. У индуев существовало десять воплощений еще до Махавиры. Им просто было трудно сосчитать на пальцах больше чем до десяти. Индуизм - самая древняя религия. Религия возникла раньше, математика - позже. Потому для индуев десятка была конечным числом.

В джайнизме верят в двадцать четыре тиртханкары. Они приравниваются к воплощению Бога. Двадцать четыре... Потому, что в сутках двадцать четыре часа. Вот почему двадцать четыре

периода одной эры: один период - одно воплощение. Так они пришли к числу "двадцать четыре".

Будда - основатель новой религии. Он оказался в затруднительном положении. Потому он воспользовался идеей о двадцати четырех предыдущих жизнях - просто чтобы ничем не уступать Махавире. Индусы тут же изменили число воплощений. В текстах после Махавиры говорится о двадцати четырех перевоплощениях. Что же случилось? Почему число воплощений изменилось? Неужели Бог изменил свое мнение? Нет, здесь дело в принципе. Джайны говорят о двадцати четырех тиртханках, буддисты - о двадцати четырех воплощениях Будды. Индусы со своими десятью перевоплощениями Бога выглядят на этом фоне слишком скромно. И они решили увеличить число.

Я говорю об этом, чтобы продемонстрировать вам, что все это - воображение. Как число десять могло превратиться в двадцать четыре? Просто на рынке оно проигрывало. Какой бедный Бог! У всех по двадцать четыре, а у него - десять! Так что теперь у всех поровну - все три религии говорят о двадцати четырех воплощениях. Будда затворил за собой дверь - он двадцать четвертое перевоплощение в ряду из двадцати четырех будд. Махавира затворил за собой дверь - он двадцать четвертая тиртханка из двадцати четырех тиртханкар. Индусы все еще придерживаются одно перевоплощение на будущее - так велит им мифология.

В их мифологии сказано, что Бог имеет три головы: первая голова - это Брама, создатель мира; вторая голова - Вишну, поддерживающий мир; третья голова - Шива, разрушитель мира. Безупречная математика.

Но поскольку мир все еще существует, до его конца должно оставаться еще одно воплощение. И, очевидно, в следующие двенадцать лет - появится Калки или нет - мир должен закатиться. Между рыбой и Калки - вся история мироздания.

Я попрошу Авирабхаву внести ее бога-рыбу.

(Из прохода справа от подиума выплывают две красочные рыбы. В это же время с крыши пагоды, венчающей подиум, соскальзывает огромный дельфин и начинает танцевать перед учителем. Рыбы, дельфин, музыка, смех... все это прыгает, ныряет, кружится в одном взрыве чистого веселья).

Вводное слово к сутрам:

Хякудзё славился простотой выражения мыслей, но он прекрасно знал буддизм. Он был умным и деликатным - в нем не было никакой нарочитости.

Вокруг него начали собираться ученики, и он вел с ними бесконечные дискуссии. Вопросы сменялись ответами, ответы - вопросами.

Одним из самых знаменитых его учеников был Обаку.

Сутра:

Однажды Хякудзё начал свою ежедневную беседу с учениками такими словами:

- Я не адепт дзэн. У меня нет ничего, что я мог бы дать вам, и потому я не буду принуждать вас стоять здесь. Идите и отдыхайте.

Очень странное заявление. Оно наверняка удивило учеников, собравшихся для утренней церемонии. Но оно имеет огромное значение. Вначале он говорит: "Я не адепт дзэн..." Я не мастер дзэн... что означает: я - не, меня больше нет, как же я могу быть мастером дзэн? Я потерялся в океане сознания, как же я могу отделиться от бытия?

То, что я не адепт дзэн, означает, что я стал неразделим с бытием. Я просто растворился в бытии. От моей личности не осталось и следа. Не осталось и границ, отделяющих меня от всего. Меня больше нет - есть лишь бытие. Во-вторых: "У меня нет ничего, что я мог бы дать вам, и потому я не буду принуждать вас стоять здесь. Идите и отдыхайте". С этим согласится каждый мастер. Мастер ничего не может дать своим ученикам, напротив, он должен отнять многое у своих учеников. Я не могу дать вам ничего. Я могу лишь отнять у вас ваши ложные

представления, ваши иллюзии, ваши личности, ваши тени, оставив вам лишь то, что является исконно вашим, не заимствованным у общества. Вот почему можно сказать, что мастер отнимает у учеников все, что только может быть отнятым, оставляя их лишь с тем, чего отнять нельзя, - он не дает им ничего. Все, что может быть дано, - будет заимствованным.

Хякудзё в этом простом заявлении выражает важный принцип: "У меня нет ничего, что я мог бы дать вам, и потому я не буду принуждать вас стоять здесь. Идите и отдыхайте". Но в системе Хякудзё "отдыхать" - значит медитировать. Да и, собственно говоря, если вы не пребываете в полном покое, вы не медитируете.

Медитация и отдых по существу синонимы. Но только Хякудзё употреблял слово "отдых" в этом значении - все, что может открыться, открывается во время отдыха. Просто оставьте в стороне все мысли, все эмоции, все чувства, все свои отождествления. Лягте и наблюдайте.

Именно это значение имеет слово "отдых" в его системе. Если вы отдыхаете, если вы находитесь в покое, вы становитесь с бытием единым целым - ничто больше не разделяет вас. В этом простом заявлении открылась вся его философия.

В другой раз мастера дхармы пришли к нему для беседы и сказали:

- У нас есть несколько вопросов к тебе. Готов ли ты на них ответить, мастер?

Мастера дхармы - это учителя религии. В те старые времена учителя дхармы Китая и Японии путешествовали по стране и учили людей. Тогда люди не умели писать - письменность была изобретена относительно недавно. Вас, наверное, удивит, что вначале во всем мире языком письменности был язык изображений - ведь дети понимают только рисунки. Вот почему в детских книгах вы всегда видите большие красочные рисунки. И по картинкам вы учите детей: это - лошадь, это - рыба... Посредством картинок вы можете научить их алфавиту.

В Китае, Японии и на всем Дальнем Востоке письменность так и осталась пиктографической. Повсюду алфавит вначале возник в виде рисунков. Затем стало ясно, что пиктографическая письменность очень громоздка, она отнимает слишком много времени и не передает точного значения. Одна картинка может иметь множество значений. Но со временем возникло искусство каллиграфии, и люди пристрастились к этому искусству. Каллиграфия очень красива, но в алфавитной письменности каллиграфия неприменима.

Именно из-за каллиграфии страны Дальнего Востока остались при старой письменности. И каждому, кто не родился японцем или китайцем, трудно изучить их письменность. Нужно запомнить значение тысяч картинок - лишь тогда вы сможете понять смысл самой простой газетной статьи.

Один мой друг прислал мне из Кореи рисунок. Линия и еще одна линия, пересекающие друг друга в форме креста... и две точки под одной из линий. Это означает, что две женщины в одном доме - это распятие; две женщины в одном доме - постоянная война. Но для того, чтобы запомнить подобные картинки, потребуются годы. Алфавит значительно упрощает задачу. Чем современнее алфавит - тем меньше знаков. В санскрите - пятьдесят две буквы, в английском же алфавите - двадцать шесть. Все, что не столь важно, - отброшено.

Все стало более простым и прямым, отчетливым и ясным - у слов появилось лишь одно значение. Старые языки, как пиктографические, так и алфавитные, имеют свою прелесть. Каждое слово обладает множеством значений, его можно использовать в различных контекстах. Здесь для поэта - раздолье.

Например, в санскрите слово "го" означает корову и луч солнца; всего это слово имеет двенадцать значений. Английское слово "go" - то же санскритское слово, перешедшее в английский язык. На санскрите "го" также означает и "идти", так как корова идет на поле каждое утро и идет с поля домой вечером. В те времена корова играла очень большую роль в сельском хозяйстве - вот ее хождение и породило новое значение этого слова.

Тридцать процентов английских слов санскритского происхождения. Но, прия в английский язык, эти слова становились фиксированными. В современном английском слово "go" имеет лишь одно значение - движение вперед. В санскрите же у этого слова так и осталось двенадцать значений. Безусловно, поэт чувствовал себя вольготнее в атмосфере старого языка - ему там легче дышалось.

Наука не может позволить себе оперировать терминами старых языков. Она требует четких значений и определений, а не расплывчатых идей, которые могут быть истолкованы по-разному. Хякудзё придал слову "отдых" необычное, но очень точное значение. Отдыхать, пребывать в полном покое - значит не быть. Если вы есть, значит, покой не полный. Слово "отдых" приобрело совершенно новый смысл. Подумайте сами:

пребывая в полном покое, где вы окажетесь? Ваше существо может существовать отдельно от бытия, лишь если оно не знает покоя. Итак, он говорит своим ученикам: "Идите и отдыхайте. Не стойте здесь, я не могу ничего вам дать, у меня нет ничего для вас. И не считайте меня мастером дзэн - я больше им не являюсь. Я позволил себе раствориться в бесконечной действительности".

В другой раз мастера дхармы пришли к нему для беседы и сказали:

- У нас есть несколько вопросов к тебе. Готов ли ты на них ответить, мастер?

Хякудзё ответил:

- Да. Луна отражается в глубоком пруду. Поймай ее, если хочешь.

Он говорит: "Что бы я ни сказал, это будет столь же далеким от истины, как отражение луны от самой луны. Я готов ответить на все ваши вопросы, но помните (вы должны это понимать), что все мои ответы будут столь же далекими от истины, как отражение луны в глубоком пруду далеко от самой луны. Мои слова - лишь отражения. Не хватайтесь за них, как за саму истину".

- Каков будда в действительности? - спросили они.

- Если тот, кто смотрит в чистый пруд, не будда, тогда кто же он? - сказал Хякудзё.

Хякудзё сказал (они все смотрели в пруд на отражение луны): "Если те, кто смотрит в чистый пруд, не будды, тогда кто же может быть буддой? Вы наблюдаете. Перейдите от объекта к субъекту - кто смотрит на отражение? Или, иными словами, кто задает вопрос? Если это не будда, то кто же? Это наблюдение, если он не будда, то, что же?" Так сказал Хякудзё.

Монахов удивил этот ответ... Каждый удивится, если ему скажут, что он - будда. Попробуйте, скажите любому прохожему: "Погоди! Я думаю, что ты - будда". И посмотрите на реакцию. Он просто покрутит пальцем у виска и ответит вам: "Ты случайно не... того?" Но вы говорите ему правду. Вы открываете ему глаза на его собственную природу.

Когда я называю вас буддами - это не метафора. Я действительно имею это в виду, и вы должны оставить в стороне свою подозрительность. Вы не можете согласиться с этой идеей, поскольку считаете, что курить сигареты и быть буддой - понятия несовместимые. Сейчас бедная Хасия пытается бросить курить. Но я ей сказал, что не стоит делать ненужные усилия. Она даже принимала лекарства, чтобы смягчить симптом отмены.

В моем поле будды курение сигарет не может потревожить вашей природы будды. Если такая безделица, как курение, может потревожить вашу природу будды, чего же она стоит? Просто подумайте об этом... какая мелочь! И эти мелочи заставляют вас думать: "Как я могу быть буддой?" Ваши мысли о том, почему вы не можете стать буддой, просто смешны: "Я не могу быть буддой, потому что женат", или: "Я не могу быть буддой, потому что у меня есть подружка. Будда и подружка просто несовместимы".

Посол Шри-Ланки в Америке как-то написал мне: "Вы должны запретить своим саньяси давать своим дискотекам такие названия как "Будда Зорба" - это оскорблениe для буддистов. И

если ваши санньяси откроют подобные рестораны или дискотеки в Шри-Ланке, их просто сожгут и начнутся волнения. Я хочу предупредить вас об этом".

Я написал ему очень милое письмо, в котором объяснял, что, если Зорба не может стать буддой, тогда никто не может им стать. Каждый должен начинать с Зорбы. Зорба - начало, Будда - конец. Мои люди, открывавшие дискотеки с названием "Будда Зорба", объясняют это так: "Мы начинаем как Зорба, надеясь стать, наконец, буддами". И я говорил им: "Помните, что Будда не есть монополия буддистов. Слово "будда" просто означает "пробудившийся человек". Это может произойти в любой стране, в любой религиозной среде - это не монополия буддистов. И, если вы хотите увидеть будд перед своим возвращением в Шри-Ланку, приходите в нашу коммуну - там вы увидите будд - множество будд... Мы здесь больше никого не держим - только будд. И вы нигде не найдете более колоритных будд: будд с подружками, будд, курящих сигареты, будд, шатающихся по дискотекам и наслаждающихся всеми радостями жизни. Неужели нужно просто сидеть под деревом с грустным лицом и думать: "Что я здесь делаю? Весь мир наслаждается и радуется, как хочет, а мне уготовлена странная судьба - сидеть под деревом..."

Он так и не ответил на мое письмо. И больше мне не писал.

Будда не может быть чем-то отдельным от вас - это ваша исконная сущность. Все остальное можно насобирать вокруг. Много мусора собралось, но это не беда. Чистому золоту вашего будды все это безразлично. Оно может падать в пыль, оно может покрыться грязью, но все равно оно останется чистым золотом двадцатичетырехкарратной пробы. Вы покрыты сверху телом, покрыты сверху умом, но это не имеет значения.

Вы - будды, но ум традиционного буддиста откажется воспринимать даже зонтик в руке Будды. Даже в дождь бедняга должен сидеть без зонта. Да разве кто-нибудь слышал о Будде с зонтом? Но мой взгляд на Будду ближе к дзэнскому взгляду, чем к представлениям буддистов Цейлона и Бирмы. Буддисты Цейлона, Бирмы и Тибета более индуизированы. Люди, принесшие буддизм в Бирму, были традиционными ортодоксами. А дочь Ашоки, императрица Сангхамитра, принесшая буддизм на Цейлон, была столь же ортодоксальной, как и ее отец. Тибетский же буддизм так и остался привязанным к буддизму Индии.

Дзэн имеет особую судьбу; собственно говоря, он не должен был называться "буддизмом". Но это - особое послание Будды, оно пришло вместе со смехом Махакашьяпы. Аdeptы дзэн считают основателем этой религии именно Махакашьяпу, а не Будду. Будда - учитель Махакашьяпы, но это их личное дело.

Дзэн считает Махакашьяпу своим основателем. А Бодхидхарма был учеником в той линии, которая следовала Махакашьяпе. Эта линия несколько отдалась от ортодоксального русла, поскольку сторонниками дзэн становились яркие личности, свободолюбивые люди. Это были чудаки и гении, а не посредственности, довольствующиеся чтением сутр и молитв. Так поступают в любой религии. Разниться могут священные тексты, молитвы, обряды, но суть везде одна.

Дзэн же открыл новые земли. Махакашьяпа сделал первый шаг - он захотел. Будда никогда в своей жизни не смеялся. Вместе со смехом появилась новая тенденция, где было больше веселья, больше радости, больше танцев, больше человеческих существ. И, когда Бодхидхарма принес буддизм в Китай, буддизм получил новый виток. Он стал более эксцентричным, потому что Бодхидхарма был куда более эксцентричным парнем, чем Махакашьяпа. Он был очень странный парень, всегда выделялся. Он странно выглядел, странно говорил - его трудно было понять. Он не мог слиться с толпой.

Итак, Бодхидхарма отверг все догмы, а затем познакомился с даосскими мистиками. Это была одна из величайших встреч в истории религии, и она не привела к конфликту. Они просто поняли безмолвие друг друга - без всяких споров. Они взглянули в глаза друг другу и увидели,

что находятся в едином пространстве.

Итак, дзэн возник как случайный результат встречи буддизма и даосизма. Он принял различные черты от обеих религий - это гибрид. Он впитал в себя все, что было наиболее важного в учении Будды и в учении о Дао. Возникло новое явление - дзэн. После его прихода в Китай потребовалось несколько столетий, чтобы стало ясно, что это уже не ортодоксальный буддизм и не ортодоксальный даосизм, а нечто новое. Благодаря встрече этих двух религий возник странный цветок, и цветок этот был привезен в Японию, где распустился во всей полноте.

Монахов удивил этот ответ, и после небольшой паузы они вновь спросили:

- Мастер, какую дхарму истолковываешь ты, чтобы дать освобождение другим?*
- У этого бедного монаха нет дхармы, которой он освобождает других, - ответил им Хякудзё.*

Вы должны оценить всю красоту этих слов. У этого бедного монаха... это означает не только то, что у него нет имущества. Он говорит: "Я такой бедный, что даже меня нет. Моя бедность - это не обычная бедность. Я потерял себя в Космосе. Меня больше нет".

У этого бедного монаха... не может быть никакой дхармы, никакого учения, при помощи которых он дает освобождение другим. На первый взгляд может показаться, что дзэн понимать непросто. Но, если заглянуть поглубже, он расцветет прекрасным цветком. "Бедный монах" означает, что человек стал частью Вселенной. Он настолько слился со Вселенной, что сам стал дхармой. Он не может иметь дхарму. Он не может иметь ее как объект. Его душа излучает истину, он не может иметь ее. Потому что его больше нет, лишь истина лучится и сияет в полном безмолвии, в полной пустоте. И мысль об освобождении других представляется просто глупой. Вы не можете освободить кого-то другого. Вы можете освободить только себя.

- Все мастера дзэн одним миром мазаны! - воскликнули они.

Сбитые с толку, они не могли понять, о чем говорит этот человек. Они сказали, что все мастера дзэн одним миром мазаны, что все они - чудаки. Вы спрашиваете их о чем-то конкретном, а они говорят в ответ что-то несусветное, что вам никогда бы и в голову не пришло.

Тогда Хякудзё спросил их:

- Какую же дхарму вы, высокочтимые мастера, используете для того, чтобы привести к освобождению других?

Монахи ответили:

- Мы истолковываем Алмазную Сутру - это одна из самых прекрасных сутр Будды.

Хякудзё спросил:

- Сколько же раз вы истолковали ее?

Это очень большой текст. Для того чтобы прочесть его хотя бы раз, требуется несколько лет. Чтобы прочесть ее, истолковать ее и комментарии к ней, а иногда и комментарии к комментариям... Алмазная Сутра - это целая библиотека. Она объемна сама по себе, но есть еще и комментарии к ней. А они тоже очень трудны и требуют дополнительных комментариев. Можно найти в ней определенные места, прокомментированные по пять или шесть раз. И вы должны ознакомиться со всеми комментариями, чтобы высказать свою точку зрения. Очевидно, это станет новым комментарием.

- Более двадцати раз, - ответили они.

- Кем она была произнесена? - спросил Хякудзё.

На это монахи ответили негодующе - конечно же, они ответили негодующе. Хякудзё, безусловно, должен был знать, что Алмазная Сутра была рассказана Гаутамой Буддой.

На это монахи ответили негодующе: "Мастер, должно быть, ты шутишь! Конечно же, ты знаешь, что она была произнесена Буддой".

Хякудзё сказал:

- В этой сутре говорится...

В Алмазной Сутре есть утверждения, которые очень трудно понять учителям, а тем более - сделать их понятными для других.

Хякудзё сказал:

- В этой сутре говорится: "Если кто-то говорит, что Татхагата истолковывает дхарму, он оговаривает Будду!"

Татхагата - еще одно имя Будды. Очень важное, очень значительное имя. Оно происходит от слова тат-хата, что означает "таковость", "такое положение дел", "особенность, присущая данной вещи" - все, что указывает на настоящий момент. Поскольку Будда посвятил всю свою жизнь настоящему моменту, люди назвали его Татхагатой, человеком, который учит других татхате.

Если кто-то говорит, что Татхагата истолковывает дхарму, он оговаривает Будду - очень странное заявление. Но при этом очень красивое и глубокомысленное. Он говорит, что истину истолковать невозможно. Можно лишь высказывать мысли, указывающие на истину, но эти высказывания не будут содержать в себе истины. Ведь и палец, указывающий на луну, не содержит в себе луны.

Потому Будда сказал, что, если кто-то говорит, что Татхагата истолковывает дхарму, он оговаривает Будду. Эти же мастера дхармы делали именно это - учили, истолковывали. И они говорили, что Будда истолковал истину в своей Алмазной Сутре.

- Скажите же мне, высокочтимые, - сказал *Хякудзё*, - кто такой или что такое Татхагата?

Один из монахов ответил:

- Господин, сейчас я понял, что обманулся.

И здесь *Хякудзё* делает очень проницательное замечание:

- Не будучи просветленным, как же ты мог лишь сейчас обмануться?

Это - сравнение: если ты никогда не был буддой, как ты можешь утверждать, что ты не будда?

Это и мой подход. Когда я говорю, что вы - будды, вы не можете этого отрицать. Вы сами не знаете, кто вы.

Я же знаю. Я просто знакомлю вас с самими собой.

Несмотря ни на что, вы - будды. Вам никуда не деться от просветления. Будда - это ваша природа.

После чего монах сказал:

Может ли высокочтимый мастер истолковать дхарму нам?

- Истолковав Алмазную Сутру более двадцати раз, вы все еще не знаете Татхагаты! - воскликнул *Хякудзё*.

Истолковав Алмазную Сутру - величайшее из поучений Будды Гаутамы - более двадцати раз, вы до сих пор не поняли, кто такой Татхагата! Вы даже не поняли значения татхаты, лежащей в основе Алмазной Сутры, да и всех буддийских текстов.

В том-то и беда с учителями - они попугаи. Они не понимают сути, но могут в точности повторить все, что вычитали в текстах. Суть можно найти лишь в себе, но не в текстах.

Хайку Басё:

Залитая лунным светом слива... жди, весна придет.

Очень деликатно, непрямо Басё говорит: "Залитая лунным светом слива... - " Не спеши,

"жди, весна придет". Это метафора. Это и о вас, и о сливе. Просто ждите. Каждое тело переживает свою собственную весну.

Если вы будете ждать, как нужно, весна может прийти прямо сейчас. Все зависит от глубины ожидания.

Вот еще одна хайку Басё:

Умирающий сверчок... сколько жизни в его песне.

Сверчок умирает, но все равно поет...

Умирающий сверчок... сколько жизни в его песне.

Таким должен быть каждый пробудившийся человек. Даже будучи при смерти, он остается исполненным жизни, исполненным песни - тогда смерти нет.

Маниша спрашивает:

Наш любимый Учитель,

Прошлым вечером, когда Ты так красиво говорил об этом несколько замысловатом отрывке из сутры Хякудзё, я поняла, что ты не только работаешь с учениками, но и преображаешь мастеров прошлого.

Я знала, что моя задача здесь заключается в том, чтобы найти себя, но в такие минуты, которые я пережила прошлым вечером, невольно задаешься вопросом: кто эта сущность, которую мы знаем как нашего Любимого Учителя? Я задавала этот вопрос и раньше. Ты отвечал на него. Но вопрос все равно остался открытym.

Маниша, вопрос так и останется открытым, пока ты не узнаешь себя. Никакой ответ не сможет удовлетворить тебя, но в тот миг, когда ты узнаешь себя, ты узнаешь и меня тоже. Знать себя - значит знать всех будд - не только меня - но всех будд прошлого, настоящего и будущего. Зная себя, ты также узнаешь и спящих будд. Тогда твое ясновидение, твоя способность постигать истину станет абсолютной.

В мире существует лишь две категории: это будды пробудившиеся и будды спящие. Пробудившимся буддам понятны обе категории, оба пласта; спящим же буддам непонятен другой пласт. Пребывая во сне, они не могут понять тех, кто проснулся. Проснувшись, конечно, могут понять их, а также могут понять других проснувшихся.

Ты права. Когда я объясняю слова того или иного мастера, меня совершенно не волнует, в действительности ли он имел в виду именно то, что я говорю. Если он и не подразумевал это, он должен был подразумевать. Мое ясновидение абсолютно точно показывает мне, в чем суть. Так что не имеет значения, от чьего имени я говорю. По существу, я всегда говорю от своего имени. Иначе нельзя. Хякудзё может и не согласиться со мной, но ему будет сложно это сделать.

Прошло тысячелетие. За это тысячелетие я накопил больше опыта. Хякудзё должен прислушаться ко мне. Просветление - развивающийся процесс. Это не событие, а процесс. Каждый просветленный возносится все выше в сферах бытия. Это не просто ступень во времени - это ступень в ясновидении.

Я могу видеть с большей ясностью, с большей отчетливостью, чем Хякудзё, так как Хякудзё ничего не знал о Зигмунде Фрейде, ничего не знал об Альберте Эйнштейне, ничего не знал о Карле Густаве Юнге... Эти люди разработали новый, оригинальный подход к человеческому существу, хотя все они увязли в уме.

Но в этом веке мы понимаем ум лучше, чем понимали его когда-либо раньше. И если вы практикуете медитацию, вам будет понятнее и не-ум - ведь бессознательные пласти ума вы знаете гораздо лучше и отчетливее. Разница та же, что и между воловьей упряжкой и "роллс-ройсом". У них одна родословная.

"Роллс-ройс" - это улучшенная во много раз повозка. Хякудзё принадлежит к эпохе воловьих упряжек. Он был человеком огромного понимания, но не думайте, что он мог

починить "роллс-ройс". Он мог лишь починить воловью упряжку и сделать это прекрасно.

Вот почему, когда я говорю об этих людях, я не могу ограничиваться лишь тем значением, которое они вкладывали в свои слова. Я должен поднять значение их высказываний до высот своего сознания. Да, я никогда не говорил ни о ком другом, кроме себя. Ма-цзы, Хякудзё - всего лишь предлог... Это предлог, воспользовавшись которым я могу сказать вам о вещах, давно позабытых человечеством. Но когда я говорю что-либо, я делаю это таким большим и таким великим, насколько это возможно.

А сейчас пришло время Анандо.

Прежде чем обратиться к Ниведано, я вновь хочу изменить слова посвящения этой книги. Надеюсь, больше изменений не будет. Отныне посвящение будет звучать так: Посвящается Анандо, той, которая заблудилась, но все же вернулась домой.

Анандо...

Ниведано...

Ниведано...

Погрузись в тишину.

Закрой глаза.

Почувствуй, как замерло твоё тело.

А теперь обрати свой взгляд внутрь себя с безоглядностью.

Погружайся в себя, насколько можешь.

Глубже и глубже...

Пока не достигнешь самих истоков своего существа, словно стрела, достигшая центра твоего существа.

Этот центр - единственная недвижимая часть Вселенной.

Все меняется вокруг. Лишь этот центр остается неизменным.

Единственное его качество - это наблюдение. Иных качеств у него нет.

Он просто зеркало.

Чтобы было понятнее,

Ниведано...

Расслабься.

Наблюдай. Ты - не твой ум. Ты - не твоё тело.

Ты просто наблюдатель.

Наблюдение - это еще одно имя будды.

Этот вечер великолепен, и твое безмолвие сделало его еще более прекрасным, еще более удивительным, твое наблюдение прибавило ему невероятной красоты. Он станет особой вехой твоей жизни.

Лишь собери все цветы, весь аромат этого безмолвного места - все, что ты сможешь унести с собой на периферию из центра. Так, чтобы ты мог жить как будда в обыденной жизни, не зная

никаких сомнений, не мучаясь от неопределенности и подозрений.

Все будды указывают лишь на одну истину: каждое существо по сути своей - истинный будда. В безмолвном наблюдении ты встретишься с собой. Не теряй же нить.

Возвращаясь назад, прихвати с собой будду.

Именно это Будда называл "настоящим".

Вот почему его звали Татхагата. Это мгновение каждый из вас растворил в океане наблюдения.

Все границы исчезли.

Тебя больше нет - есть лишь бытие.

Возрадуйся же этому преображению.

Ниведано...

Возвращайся, но прихвати с собой весь аромат. Тебе предстоит жить с ним двадцать четыре часа в сутки.

Посиди в безмолвии несколько секунд, не сомневаясь в том, что ты - будда, живой будда.

Это - твоя истинная природа.

Сегодня все пошло вверх тормашками, но это хороший опыт. Каждый день ты смеялся, прежде чем стал буддой. Сегодня же тебе предстоит смеяться, будучи буддой.

Анандо, теперь твое время...

Хамиш Мак-Тавиш отправился на рыбалку на своей старой весельной лодке.

Он просидел в лодке, покачиваясь на волнах, весь день и не поймал ни рыбешки. Он уже собирался взяться за весла и подгрести к берегу, как вдруг почувствовал, что поплавок дернулся. Вроде бы что-то клюнуло... Он дергает удочку и вытаскивает из воды крошечную треску. Еды из нее никакой не приготовишь - так, закуска на один зуб.

Но, не желая возвращаться домой с пустыми руками, Хамиш собирается бросить рыбешку в рыбакскую сумку, как вдруг та открывает свой крошечный рот и говорит:

- Остановись! Я - Дагон, Бог трески. И если ты сохранишь мне жизнь, я исполню три твоих желания.

Изумленный Хамиш не может поверить в свое счастье. Он уже собирается открыть рот и загадать первое желание, как Дагон перебивает его:

- Не спеши. Помни, я очень сострадательный и справедливый Бог. Все то, что я дам тебе, я дам и твоему заклятому врагу, но в двойном размере.

- Ладно, - говорит Хамиш, - дай мне миллион долларов.

- Договорились, - отвечает ему Дагон, - но Пэдди Мерфи получит два миллиона долларов.

- Хорошо, - говорит Хамиш, - теперь слушай мое второе желание: я хочу, чтобы меня окружали сто красавиц, готовых исполнить любое мое желание.

- Договорились, - отвечает ему Дагон, - но Пэдди Мерфи будут окружать две сотни красавиц, готовых ради него на все.

- Хорошо, - говорит Хамиш, - теперь слушай мое третье желание: я хочу, чтобы ты безболезненно удалил мне одно яичко!

Стареющий президент Рональд Рейган и его дружок, поляк Папа Римский принимают солнечные ванны на берегу моря. Тут из воды выходит красивая девушка, медленно приближается к ним и подмигивает Папе.

Поляк нервно дергается и оборачивается к Рональду Рейгану:

Что я должен сделать?

Быстро, - шепчет ему Рейган, - подмигни ей в ответ!

Поляк Папа Римский мигает ей в ответ.

Девушка вновь мигает поляку и дарит ему широкую улыбку.

- Господи Иисусе! - говорит поляк, приподнимаясь. - А теперь что я должен делать?

- Идиот! - шипит Рейган. - Побыстрее подмигни ей и улыбнись в ответ.

Папа Римский подмигивает и улыбается. Девушка тут же сбрасывает лифчик и начинает медленно стягивать с себя трусики.

- Во имя Христа! - пуская слюни, говорит Папа. - Скажи, что же мне делать сейчас?

Рональд Рейган, затрясшись от возбуждения, говорит:

- Ага, теперь покажи ей свои орешки!

- Что? - переспрашивает Папа, лихорадочно хлопая себя по карманам. - Я их уже все съел!

Эд, владелец ранчо из Орегона, приехал в город, чтобы купить новый трактор. Но вначале он заходит в магазин, чтобы присмотреть подарок своей жене, Мэйбл.

Нервничая, он проходит мимо отдела дамского белья и останавливается перед манекеном. К нему тут же подбегает хорошенъкая продавщица и спрашивает, чем может помочь?

- Я бы хотел купить своей жене такую штуку, - говорит Эд, заливвшись румянцем, и указывает на лифчик на манекене.

- Отлично, сэр, - говорит девушка, - но какого размера?

- Размера? - теряется Эд. - Да я и не знаю... размера.

- Ладно, - продолжает девушка, - желая ему помочь. - Они у нее вроде кокосов?

- Да нет, - отвечает Эд.

- Вроде грейпфрутов? - продолжает продавщица.

- Да куда там! - говорит Эд.

- Может, как апельсины?

- Да нет, - вздыхает Эд.

- Как лимоны?

- Не совсем.

- Ну, тогда как куриные яйца?

- Да, да - точно, как яйца... жареные яйца! - Эд уверенно кивает головой.

Хорошо, Маниша?

Да, любимый Учитель.

Можем ли мы отпраздновать праздник десяти тысяч будд?

Да, любимый Учитель.

Не будьте буддами-идиотами

Наш любимый Учитель,

Однажды Хякудзё работал на поле рядом со своими учениками. Как раз в тот момент, как один из монахов поднял свою мотыгу, до его слуха донесся удар барабана, созывающего монахов на обед.

Услышав его, монах громко засмеялся, бросил на землю мотыгу и поспешил к храму.

- Прекрасно! - воскликнул Хякудзё. - Это ворота, через которые входит Бодхисаттва Канон.

Хякудзё последовал за монахом и, войдя в храм, спросил его:

- Какую истину ты постиг, услышав удар барабана, созывающего к обеду?

Монах ответил:

- Просто я был ужасно голоден, и, услышав звук барабана, я поспешил возвратиться, чтобы поесть.

Услышав ответ, Хякудзё и сам рассмеялся.

В другой раз Исан, услышав звук деревянного гонга, потер руки и громко расхохотался.

Увидев и услышав это, Хякудзё задал Исану тот же вопрос, что и другому монаху в подобной ситуации, и получил тот же ответ.

Как-то раз мастер по имени Фа Мин из sectы винайи заявил:

- Вы, мастера дзэн, только и делаете, что кувыркаетесь в пустоте.

Хякудзё ответил:

- Ничуть не бывало, это вы лишь то и делаете, что кувыркаетесь в пустоте.

- Как это понимать? - спросил мастер винайи.

- Тексты, - продолжал Хякудзё, - всего лишь слова. Они - просто чернила и бумага, а это все - не что иное, как пустые приспособления. Все эти слова и фразы, основанные на том, что люди никогда не слышали, - не что иное, как пустота. Ты, досточтимый мастер, со своей приверженностью к букве доктрины только то и делаешь, что кувыркаешься в пустоте.

- А вы, мастера дзэн, разве не кувыркаетесь в пустоте? - спросил мастер винайи.

Хякудзё ответил:

- Нет.

- Как это - нет? - продолжал спрашивать мастер винайи. На это Хякудзё ответил:
- Все эти тексты порождены мудростью. А там, где действует основное свойство мудрости, о каком кувыркании в пустоте может идти речь?

Маниша, прежде чем говорить о сутрах Хякудзё и о том, как я их понимаю, я должен всем вам сказать, что вы должны вести себя разумно.

Только вчера я сказал Хасие, что она не должна бессмысленно мучить себя, чтобы бросить курить, - она курила всю жизнь. И тут же некоторые из тех, кто давно бросил курить, вновь закурили! Закурили также многие из тех, кто никогда не курил, полагая, очевидно, что это - средство к достижению просветления.

Все вы - будды, но не будьте буддами-идиотами.

Сегодня вся аудитория полна табачного дыма. Я не хочу, чтобы это место пропахло табаком. Оно было таким чистым, и, если многие из вас начнут курить, здесь будет постоянно стоять запах сигарет.

Так что те, кто никогда не курили, - больше не курите. Те, кто бросили курить давно, и у кого прошел синдром отмены, больше не начинайте курить.

Это касалось Хасии и Читтена. Они страдали от синдрома отмены. Когда я вошел вчера в аудиторию и посмотрел на Читтена, он показался мне таким грустным, таким безжизненным. Я поинтересовался, в чем дело, так как не знал, что он тоже последовал примеру Хасии. И когда я сказал, что Хасия может вновь закурить и ей не следует себя мучить... какая разница, проживете ли вы на два года дольше или на два года меньше? Вы никогда не узнаете, что могли бы прожить дольше. Кто может сказать, сколько суждено жить Хасии?

Итак, все, кроме Читтена и Хасии, должны отказаться от сигарет - прислушайтесь к голосу разума.

Когда я сказал Хасие, что она может вновь начать курить, у Читтена на лице появилась широкая улыбка. Я удивился: в чем дело? Ведь синдром отмены Хасии не имеет к Читтену никакого отношения. Лишь позже я узнал, что он и Хасия - товарищи по несчастью. Лишь то, что он услышал, что волен курить, вызвало у него улыбку. Он до сих пор не закурил, но синдром отмены исчез!

Не будьте глупыми без нужды. Если в этом есть необходимость - будьте. Но без нужды - это уж чересчур!

И запомните, я не потерплю запаха табака в Зале Будды. Это касается также Хасии и Читтена - они могут курить где угодно, но, прежде чем зайти в Зал Будды, они должны сменить платье, принять душ и ополоснуть рот.

Сигареты - это не средство для достижения просветления. Это просто привязанность. Не нужно преследовать курящих, но и не нужно им подражать. Вы и так хороши. Вам не нужно начинать курить. Это ведь яд, разрушение. Это не угрожает вашему просветлению, но демонстрирует неразумные привычки.

Однако если вы втянулись давно - много лет назад, - для того чтобы отказаться от сигарет, потребуется слишком много времени и усилий. Я позволю вам стать курящими буддами. Но это не должно быть правилом; скорее - исключением.

Да и выглядеть вы будете глуповато, став буддой и не бросив курить. Вы сами будете думать: "Что я делаю? Быть буддой и..."

Около тридцати лет назад меня стал посещать один человек. Он хотел бросить курить. Я сказал ему:

- В этом нет ничего сложного - все зависит от воли, твердости намерения. Что дают тебе сигареты - немного никотина, немного отравы, благодаря которой твое самочувствие улучшается на несколько минут. Медитация даст тебе то же самое без всякого никотина, но не на несколько

минут, а на двадцать четыре часа.

Он начал медитировать. И он бросил курить - без всякого усилия. Сигареты отпали сами по себе, как только его медитация стала более глубокой. После этого он захотел, чтобы я посвятил его в санньясу.

- Ты все хорошо взвесил? - спросил я его.

- Я готов, - уверенно ответил он.

И он принял санньясу. Но на следующий день он явился ко мне и сказал:

- Ты был прав. Когда я шел по базару со своей женой, нас окружили люди и стали спрашивать: "С чьей это женой собирается удрать этот санньяси?" Ведь санньяси не должны иметь жен...

Он отвечал им:

- Да ведь это моя собственная жена! Но те не унимались:

- Ты ведь санньяси!

Бедняга вынужден был упомянуть мое имя.

- Тогда все в порядке, - сказали ему люди. - Если это Раджниш, тогда все в порядке!

Можешь идти, но было бы лучше, если бы твоя жена тоже стала санньяси. Вам было бы проще, а то толпа в другом месте может побить вас.

И он привел ко мне свою жену.

- Она этого не понимает, - сказал я, - она никогда не думала об этом. Но сейчас это стало необходимостью.

И она стала санньяси.

Через три дня они сели на поезд и отправились в путь. У них на руках был малыш. Люди остановили поезд и, схватив их, стали звать полицию:

- Эти санньяси пытаются скрыться с чьим-то маленьким ребенком.

- Это наш ребенок, спросите его сами, - говорили они, отбиваясь от пассажиров.

Но им отвечали:

- Вам не удастся обмануть нас. Вы, наверное, загипнотизировали его. Бедный малыш!

Итак, их отвели в полицию. Полицейский, который занялся их делом, слышал меня и читал мои книги. И он сказал:

- Не волнуйтесь. Я все понимаю. Но лучше, если ваш сын тоже станет санньяси. Тогда вы больше не будете попадать в подобные переделки.

Таким образом, через три дня ребенок тоже был посвящен в санньяси. На прощание я сказал им:

- Сколько еще людей живут с вами? Приведите их всех сюда. Зачем же постоянно донимать меня пустяками?

- Я никого не донимаю, - отвечал этот человек, - это меня все донимают. Но ты был прав, когда говорил, что я должен хорошенко подумать, прежде чем становиться санньяси. Я не представлял, сколько это вызовет проблем, не думал, что люди начнут так злиться.

Они все еще ходят ко мне. Они живут в Бомбее. Я думаю, как-нибудь вы увидите всех троих.

Прежде чем закурить, вспомните: это повредит вашему здоровью - ваши легкие будут страдать и жизнь сократится. И что самое важное, курение снижает вашу тягу к медитации. Вы расслабляетесь с сигаретой в зубах, так зачем же вам слушать все, о чем говорил Хякудэ? Никотин вызывает легкое расслабление - так зачем же медитировать? Можно просто еще покурить.

Я ни в чем не догматик. Я не хочу, чтобы вы испытывали дискомфорт. Если жизнь без сигарет покажется вам грустной и скучной - что ж, возвращайтесь к старой привычке. Но помните, сейчас на вас ложится большая ответственность при медитации. Вам будет легко

расстаться с этой привычкой лишь в том случае, если медитация даст вам более глубокое расслабление, чем сигареты.

У двух дураков возникли проблемы. Но почему же все остальные идиоты, у которых проблем уже нет, вновь решили себе их создать? Прежде чем начался синдром отмены, откажитесь от сигарет.

Расценивайте все, что я говорю, как мое сострадание и мою любовь. Я просто не хочу, чтобы вы чувствовали дискомфорт. Так что, если я делаю для кого-то исключение, не считайте, что это становится правилом для всех.

Но в Зале Будды не должно быть запаха сигарет. Я предупреждаю вас. Если я услышу запах сигарет завтра, я тут же развернусь и уйду.

А сейчас краткая биографическая справка о Хякудзё:

Как уже было сказано ранее, Хякудзё был первым создателем дзэнских монастырей. Были определены обязанности настоятеля и других служителей. Жизнь монахов была продумана в деталях.

К тому же Хякудзё призывал своих монахов днем работать в поле. Это был революционный шаг, так как прежде монахи не должны были трудиться, и их жизнь полностью зависела от пожертвований мирян.

Безусловно, это был великий революционный шаг - заставить саньяси работать в поле, в саду. На протяжении столетий они ничего не делали. Общество взяло на себя обязательства заботиться о монахах, но были ограничения.

Эта ситуация сложилась во времена Будды, когда Индия была одной из самых богатых стран мира. Ее называли "Золотая Птица". Тогда для Индии не составляло труда обеспечить несколько тысяч саньяси всем необходимым. Но времена изменились, и весь Восток впал в нищету. Запад беспощадно эксплуатировал его, высосал из него все соки...

В Таиланде на четырех человек приходится один саньяси. Это непосильная ноша для остальных. Правительство Таиланда издало указ, запрещающий принимать саньясу, не получив соответствующей лицензии.

Это выглядит очень странно - ты даже не можешь стать саньяси без правительского разрешения. Даже саньяси перестали быть свободными людьми из-за того, что страна бедна и в ней слишком много саньяси... Сейчас мало кого тешит мысль приносить пожертвования для монастырей, обеспечивать их благополучное существование. Саньяси стали тяжким бременем для бедных стран.

Подобная ситуация и в Индии. Но индийское правительство не хочет принимать подобных законов, боясь настроить против себя всю индуистскую общщину. Его могут просто свергнуть. Половина населения Индии недополучает пит器ия. Одна четвертая часть может позволить себе питаться лишь раз в день. И если бы вы видели эту еду! У вас был бы шок! И, согласно научным прогнозам, к 2000 году в Индии будет самый страшный голод, какой когда-либо знала история человечества. Предполагается, что пятьдесят миллионов человек умрут в этот год. Это означает, что из каждого двадцати человек один умрет. Повсюду будут трупы.

При такой нищете общество не может содержать саньяси, целиком зависящих от социальной благотворительности.

Так что нововведение Хякудзё было революционным шагом. Очевидно, общество противилось этому, должны были воспротивиться и монахи, наслаждавшиеся полной свободой и бездельем.

Но Хякудзё был очень сильный человек. В своем монастыре он добился того, чтобы каждый был при деле. Это не означало, что он мешал монахам медитировать. Распорядок дня был очень гибким, и каждый выполнял ту работу, для которой был создан. Если ты можешь рубить лес,

работать в поле или носить воду... да все что угодно - делай. Но при этом твой ум должен быть медитативным.

Работа должна стать медитацией. Как ты садишься, чтобы медитировать, так и работай. Будда впервые ввел в практику ходьбу как медитацию. Почему ходьба не должна ассоциироваться с медитацией? Лишь когда работа и все твои движения могут производиться при безмолвном медитативном разуме - лишь тогда ты сможешь быть буддой. И, безусловно, будда не должен полагаться на благотворительность.

Нам трудно понять, насколько великим был этот шаг. На протяжении столетий монахи наслаждались полной свободой, во всем завися от общества.

То, что предложил Хякудзё, имело большое значение для будущего, так как общество все более и более нищало. Насколько это лучше, чем безобразные правительственные постановления, обязывающие людей получать лицензии для того, чтобы стать санньяси... Санньяса всегда была актом свободной воли, к которому правительство не может иметь никакого отношения. Но санньяси должны также проявить разум. О Хякудзё должен услышать весь мир.

Более того, Хякудзё подвергся критике со стороны консервативных буддистов из-за своих настойчивых требований, чтобы урожай, собранный монахами, облагался налогами на общих основаниях.

Они злились из-за самой мысли, что санньяси должны работать. Вдобавок Хякудзё стал настаивать, чтобы монахи платили те же налоги, что и миряне. А санньяси должны рассчитывать на особое положение.

Безусловно, он встретил мощное сопротивление. Но он был прав. А правота раньше или позже должна победить.

Сейчас в Китае каждый санньяси работает, в Японии... И труд стал столь творческим, потому что тут замешана не только экономика - он превратился в эстетическое выражение медитации, радости, блаженства. Живопись, ваяние расцвели, так как стало ясно, что работа и медитация не исключают друг друга - медитация может стать подводным течением в работе. Вот о чём я вам ежедневно говорю: будда в вас может пребывать при любой вашей деятельности.

Любимым лозунгом Хякудзё был лозунг: "День без работы - день без еды".

Если ты один день не поработаешь - будь готов: на следующий день - постись. Все верно! Ты работаешь для своего освобождения. Почему же кто-то другой должен расплачиваться за это? Почему кто-то другой должен обеспечивать тебя? Ты работаешь для собственного просветления, и ты не сможешь поделиться им с другими.

И это стало правилом в монастырях Хякудзё - если ты не работаешь, ты не ешь. Хочешь есть - хоть немного потрудись. Это обеспечит тебя едой, одеждой и всем самым необходимым. Тебе не нужно стремиться стать самым богатым человеком в мире, не нужно пытаться окружить себя роскошью. Но ты должен обеспечить собственный комфорт. Если комфорта нет, медитация затруднена.

Он знал, что поклонение и медитация могут стать частью повседневной работы и деятельности, которая со стороны может показаться мирской.

По преданию, Большая Жемчужина был основателем китайской чайной церемонии.

Хякудзё был основателем китайской чайной церемонии. Превратить чайную церемонию в медитацию - очень символично. Это демонстрирует, что каждый вид мирской деятельности может стать медитацией. Выкопать ямку в саду, посадить розу в землю... все это можно делать с такой любовью и с таким состраданием! Это можно делать руками будды. Здесь нет никакого противоречия.

Чайная церемония - всего лишь начало. Я вдалблю вам: каждое ваше действие должно стать церемонией.

Если вы можете вложить в каждое свое действие все свое сознание, весь свой разум, если вы можете действовать непосредственно, вам не нужна никакая иная религия - сама жизнь есть религия.

А теперь перейдем к сутре:

Однажды Хякудзё работал на поле рядом со своими учениками. Как раз в тот момент, как один из монахов поднял свою мотыгу, до его слуха донесся удар барабана, созывающего монахов на обед.

Услышав его, монах громко засмеялся, бросил на землю мотыгу и поспешил к храму.

- Прекрасно! - воскликнул Хякудзё. - Это ворота, через которые входит Бодхисаттва Канон.

Хякудзё последовал за монахом и, войдя в храм, спросил его:

- Какую истину ты постиг, услышав удар барабана, созывающего к обеду?

Монах ответил:

- Просто я был ужасно голоден, и, услышав звук барабана, я поспешил возвратиться, чтобы поесть.

Услышав ответ, Хякудзё и сам рассмеялся.

Все очень просто: монах был полностью увлечен своей работой. Настолько увлечен, что забыл, что пришло время обеда. И когда над полем разнесся удар барабана, созывающий монахов к обеду, он рассмеялся и отбросил свою мотыгу.

Хякудзё спросил его: "Почему ты засмеялся?" И услышал простой честный ответ: "Я рассмеялся над совпадением. Как только раздался звук барабана, я ощутил сильный голод. Я рассмеялся над совпадением".

Услышав ответ, Хякудзё и сам рассмеялся.

Хякудзё сделал дзэн очень земным, очень честным, искренним.

В другой раз Исан, услышав звук деревянного гонга, потер руки и громко расхохотался.

Увидев и услышав это, Хякудзё задал Исану тот же вопрос, что и другому монаху в подобной ситуации, и получил тот же ответ.

Если безмолвен и честен, ответ не может быть иным. Оба рассмеялись из-за совпадения. Оба были настолько увлечены своей работой, что совсем забыли себя. А когда забываешь себя, как ты можешь помнить о голоде? И услышав звук барабана или гонга, они вдруг вспомнили: "Я голоден. Пора идти обедать!"

Оба засмеялись. Хякудзё задал этот вопрос обоим, просто чтобы проверить, получит ли он один и тот же ответ от двух простых, искренних и медитативных людей. Будда в подобной ситуации ответил бы в точности так же, просто потому, что его ответ был бы непосредственным - ум не был задействован. Будда отвечает - он не реагирует. У каждого пустого сердца всегда один ответ - он подобен зеркалу, отражает ситуацию, все, что находится перед ним.

Поскольку оба внезапно почувствовали голод, они засмеялись: "Это странно, что мы настолько ушли в работу, что не почувствовали и тени голодта. И тут гонг... словно гонг и вызвал голод".

Нет, голод уже был. Но он ожидал, поскольку сознание было полностью вовлечено во что-то иное. Гонг переключил сознание на поджидающий голод. Хякудзё рассмеялся, видя сходство этих двух пустых сердец.

Как-то раз мастер по имени Фа Мин из sectы винайи заявил:

- Вы, мастера дзэн, только и делаете, что кувыркаетесь в пустоте.

Хякудзё ответил:

- Ничуть не бывало, это вы лишь то и делаете, что кувыркаетесь в пустоте.
- Как это понимать? - спросил мастер винайи.
- Тексты, - продолжая Хякудзё, - всего лишь слова. Они - просто чернила и бумага, а это все - не что иное, как пустые приспособления. Все эти слова и фразы, основанные на том, что люди никогда услышали, - не что иное, как пустота. Ты, досточтимый мастер, со своей приверженностью к букве доктрины только то и делаешь, что кувыркаешься в пустоте.

Считается, что медитирующий находится в пустоте - в великой пустоте. Но эти учителя - книжные черви записанных винайей слов Гаутамы Будды...

Мастер секты винайи должен был относиться весьма скептически к дзэн. В его словах "Вы, мастера дзэн, только и делаете, что кувыркаетесь в пустоте" звучит явный скепсис.

Книжники всегда думают, что медитирующие попусту теряют время, сидя в тишине и ничего не делая. Книжники считают, что сами они делают большую работу, создавая новые философские системы. Книжники уверены, что люди, практикующие медитацию, просто придумали хорошее название для своего безделья. Так что этот вопрос не был простым и искренним, он был задан с умыслом - чтобы посмеяться над Хякудзё. Но это оказалось непросто - это всегда непросто. Книжник - даже не пыль под ногами медитирующего мастера. Он ничего не знает о тех высотах сознания, которые открылись Хякудзё. И Хякудзё не почувствовал себя оскорбленным.

"Ничуть не бывало, это вы лишь то и делаете, что кувыркаетесь в пустоте".

Этот ответ шокировал мастера винайи:

- Как это понимать? - спросил мастер винайи.

- Тексты, - продолжал Хякудзё, - всего лишь слова. Они - просто чернила и бумага, а это все - не что иное, как пустые приспособления. Все эти слова и фразы, основанные на том, что люди никогда услышали, - не что иное, как пустота. Ты, досточтимый мастер, со своей приверженностью к букве доктрины только то и делаешь, что кувыркаешься в пустоте.

Встретиться лицом к лицу с просветленным - большая редкость. Из него непросто сделать посмешище.

Он перевернул все вверх дном в голове книжника. Вместо того чтобы отвечать, что да, мы, мастера дзэн, только то и делаем, что кувыркаемся в пустоте, Хякудзё сказал: "Нет, это вы лишь то и делаете, что кувыркаетесь в пустоте. Тексты - всего лишь слова. Они - просто чернила и бумага, а все ваши слова и фразы основаны на том, что вы никогда услышали, - они пусты. В тот момент, когда они ложатся на бумагу, они теряют жизнь.

Вы действительно кувыркаетесь в пустоте. Мы же не кувыркаемся в пустоте - мы становимся пустотой - а это совершенно иное. Мы наслаждаемся пустотой, мы обнаружили, что пустота - это наша природа, что из пустоты происходит все. Это - исток жизни".

- А вы, мастера дзэн, разве не кувыркаетесь в пустоте? - спросил мастер винайи.

Хякудзё ответил:

- Нет.

- Как это нет? - продолжал спрашивать мастер винайи.

На это Хякудзё ответил:

- Все эти тексты порождены мудростью. А там, где действует основное свойство мудрости, о каком кувыркании в пустоте может идти речь?

Человек, практикующий дзэн, также читает тексты. Но это чтение нельзя назвать "пустым". Он вносит прочтенное в жизнь посредством медитации, пропустив его через свою мудрость. Кто-то ведь произнес эти слова из своей мудрости, из своего просветления. Их произнес будда. Только другой будда может возвратить их к жизни. Только другой будда может вернуть им смысл.

Хякудзё говорит: "Мы не кувыркаемся в пустоте. Даже если мы и читаем древние сутры - для нас это второстепенное занятие. Мы просто проверяем свою медитативность - смотрим в зеркало древних текстов. Для нас тексты - это способ проверки. Самим нам, лишь заглянув внутрь себя, трудно понять, находимся ли мы на верном пути. Читая об этом в текстах, мы добиваемся двойного эффекта: рукописи оживают, и мы убеждаемся в том, что находимся на верном пути".

Басё написал хайку: Лепестки желтой розы... гром... водопад.

Всегда помните: хайку - это картина в словах. Басё, должно быть, медитировал в безмолвии и, открыв глаза, увидел: "Лепестки желтой розы... гром... водопад".

Использовано минимальное количество слов. Хайку как телеграммы - ни одного лишнего слова. Нельзя прибавить к хайку ни одного слова, невозможно и убавить. Все происходит в безмолвии ума - открываясь глаза и видишь... лепестки розы, гром, водопад.

Попытайтесь понять хайку как рисунок в словах, выполненный великим мастером медитации. Это - единственный способ понять их. Иначе хайку - это пустые, несвязанные между собой слова, написанные без учета грамматических правил. Они ничего не рассказывают - они только показывают. Когда медитируешь и вдруг открываешь глаза, все вокруг кажется таким прекрасным и поэтическим, что мастера дзэн брали для этого с собой тетрадки. Они записывали в них несколько слов.

Эти слова передают то, что они увидели. Они не пытаются быть изысканными, не пытаются превратить эти слова в великие поэмы. Это - просто записи медитирующего о красоте бытия, о которой ничего не знают те, кто никогда не пытался медитировать.

Маниша спрашивает:

Наш любимый Учитель,

Мне кажется, что, если мы даже отправимся в путешествие, нам необходимо будет продолжать чувствовать связь с Тобой. Если мы будем продолжать продвигаться по пути, нам будет нужна Твоя любовь. Но, как только у нас появляется то, что мы можем назвать отношениями с Тобой, Ты предлагаешь нам разорвать их.

Ты довел до нашего понимания, что являешься всего лишь отражением и напоминанием нашего внутреннего опыта. И мы начали исследовать это. Мы уже начали наслаждаться этим пространством, полюбили его. Ты же объяснил нам, что это тоже должно быть отброшено.

И наконец, последняя новость: Ты говоришь, что и от себя нужно отказаться.

А это - самая трудная на свете вещь.

Что может сделать человек, чтобы исчезнуть? Возможно ли осознать способ, каким каждый из нас сохраняет себя?

Маниша, это - вовсе не самая тяжелая вещь на свете. Эта самая легкая и приятная вещь. Но это может быть легко лишь для человека, который стал свидетелем.

Я уже рассказывал вам о царе Прасанджите. Это маленькая история с глубоким смыслом...

Гаутама Будда находился невдалеке от столицы царства Прасанджиты, и Прасанджита решил навестить мастера, сделать ему подарок. Он стал искать в своей сокровищнице достойный подарок и остановил свой выбор на огромном бриллианте. Этому камню завидовали многие цари и императоры - он был ни с чем не сравним. Это был камень чистой воды - в нем не было ни малейшего изъяна, и царь подумал: "Это будет лучшим подарком Будде".

Его жена была ученицей Будды. Прежде чем она вышла замуж за царя, она испытала сильное влияние Будды.

И она спросила своего супруга:

- Неужели ты думаешь, что этот огромный драгоценный камень будет лучшим подарком

Будде? Я так не считаю. Для него это - просто камень, мертвый камень. Лучше подари ему розу или цветок лотоса - в них дышит жизнь, они несут в себе ее неизъяснимую прелесть, аромат.

- Хорошо, - сказал царь, - я принимаю твой вызов. Я возьму с собой и то, и другое - посмотрим, что выберет Будда.

Итак, он взял в одну руку бриллиант, а во вторую - прекрасный цветок лотоса.

Вначале он преподнес Будде бриллиант, и Будда сказал:

- Брось!

Будда сказал "Брось его" перед десятью тысячами саньяси, и Прасанджите ничего больше не оставалось, как подчиниться. А это была такая ценность!

И он подумал: "Наверное, моя жена была права" - и протянул Будде другую руку, в которой он держал цветок лотоса.

И Будда сказал:

- Брось!

Царь не ожидал этого, но он выбросил и цветок. Теперь он стоял перед Буддой с пустыми руками, а Будда сказал:

- Чего же ты ждешь? Брось!

Царь оглянулся по сторонам - ему больше нечего было выбросить.

И один старый саньяси, ученик Будды, Шарипутта, сказал царю:

- Он вовсе не говорил, чтобы ты выбрасывал бриллиант или цветок лотоса, - он имел в виду, чтобы ты бросил себя!

Будде не нужны ни цветы, ни бриллианты: единственный дар, который ты можешь преподнести Будде, - оставить свое эго.

Маниша, это вовсе не трудно. И, во-вторых, не спрашивай, что нужно сделать, чтобы исчезнуть. Для этого ничего не нужно делать. Если ты будешь пытаться что-то делать, ты останешься делателем. Ты попадешь в порочный круг. Если ты будешь пытаться исчезнуть, ты разделишь себя на две части: на ту часть, в которую ты захочешь исчезнуть, и на ту, из которой ты хочешь исчезнуть. Тебе это никогда не удастся сделать.

Исчезновение не может быть в твоей власти.

Просто ищи исток своего существа - если ты его найдешь, ты исчезнешь.

Это находка, а не усилие, и потому это не может быть трудным. Так что перестань делать усилия. Неужели ты думаешь, что зеркало постоянно старается (все двадцать четыре часа в сутки) оставаться зеркалом? Это его природа.

Это пустое сердце и есть твое зеркало. Просто найди его - и все остальное исчезнет. Исчезнет твоя злость, твое эго, исчезнет и само представление о личности. Ты войдешь в совершенно новое измерение, где ты - океан, а не росинка.

А сейчас время Анандо...

Поляк Папа Римский, почувствовав себя нехорошо, решил явиться на осмотр к доктору Айболиту.

Проведя всестороннее обследование, Айболит говорит Папе, что тот страдает ГСГСом.

- Что это такое? - недоуменно спрашивает Папа.

- Это герпес, СПИД, гонорея и сифилис одновременно.

- О, пресвятая Дева Богородица! - взывает Папа. - Есть ли какое-то лечение от этой болезни?

- Не думаю, - отвечает ему Айболит, - но я собираюсь поместить вас в специальную палату для дальнейшего обследования и лечения и посадить вас на особую диету.

- А что за особая диета? - спрашивает Папа, весь трясясь.

- Камбала и блинчики, - отвечает Айболит.

Но это какая-то странная диета, - удивленно говорит больной поляк.

- Да, но это единственное, что мы сможем просунуть вам под дверь, - не моргнув глазом, разъясняет Айболит.

В отеле "Взвывший Хаггис" разгорелся яростный спор.

У одного конца стойки бара стоят Пэдди Мерфи и Симус О'Рейлли, у другого - Хамиш Мактавиш и Сэнди Макферсон.

- А я говорю, - кричит Пэдди, - что ирландское виски - самая крепкая вещь на свете!

- Вранье, - кричит ему в ответ Хамиш Мактавиш, ударяя кулаком по стойке, - лучше шотландского виски ничего не бывает!

Как раз в эту минуту в бар заходит американский турист с женой и усаживается за столик в углу.

- Единственное, что я могу вам сказать, - так это то, что ирландское виски - настоящий динамит. На прошлой неделе мы с женой осилили бутылку ирландского виски, а затем встали рано утром и пошли в церковь к заутрене.

- Ну и что в этом необычного? - спрашивает Хамиш, стараясь говорить вежливо. - Многие люди выпивают бутылку виски вечером, а затем идут утром в церковь.

- Да, я знаю, - говорит американец. - Но мы - евреи!

Цыпа Грин пришла к отцу Мямлику исповедаться:

- Я согрешила, святой отец.

- Ив чем же твой грех? - спрашивает Мямлик.

- Ну... - протяжно говорит Цыпа, - я согрешила со своим парнем.

Мямлик, прижавшись ухом к перегородке исповедальни, говорит:

- Продолжай, дочь моя. Продолжай, но погромче! Цыпа, прокашлявшись, продолжает:

- Вчера ночью я со своим другом посетила паб, а затем я привела его к себе домой.

- Продолжай, продолжай, дочь моя, - говорит Мямлик, покрывшись испариной.

- Затем мы присели на диван и он расстегнул мою блузу, - говорит Цыпа Грин.

- Продолжай, дочь моя, продолжай! - говорит святой отец, смахивая пот рукавом.

- Затем он расстегнул мой лифчик, - продолжает Цыпа, - и начал гладить мне грудь.

- Дальше, дальше! - говорит отец Мямлик, снимая запотевшие очки.

- Затем он снял с меня юбку и снянул трусики, - честно продолжает рассказывать Цыпа Грин.

- Дальше, дальше! - задыхается святой отец, впиваясь пальцами в щель перегородки.

- Затем он снял с себя штаны и влез на меня сверху, - признается Цыпа Грин.

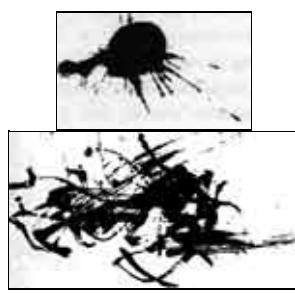
- Ну, ну? - задыхается святой отец. - Что было дальше?

- И тут в комнату вошла моя мама, - говорит Цыпа.

- Вот Черт! - вскрикивает святой отец.

Анандо...

Ниведано...

Ниведано...

Погрузись в тишину.

Закрой глаза.

Почувствуй, как замерло твоё тело.

А теперь обрати свой взгляд внутрь себя с безоглядностью.

Погружайся в центр как стрела.

Это - исток твоей жизни.

Осознание этого зовется буддой.

Вначале ты должен осознать будду во всей твоей жизни - в твоей деятельности, в твоей бездеятельности.

Но это не последний шаг, это - лишь один из последних.

Я хочу, чтобы ты совершил прыжок с этого трамплина в океаническую действительность.

Пока ты не исчезнешь без остатка, не оставив по себе и следа, ты не узнаешь, что такое покой.

Будда - лишь дверь.

Чтобы было понятнее,

Ниведано...

Расслабься.

Наблюдай. Ты - не твой ум. Ты - не твоё тело.

Ты просто наблюдатель. Наблюдение - это ты. Это еще одно название просветления.

Возрадуйся этому.

Лишь немногие люди сумели достичь своего центра даже за миллионы своих жизней. И потому я говорю: ты - счастливец. Это благословенный вечер. Это место - свяще́нно.

Там, где десять тысяч будд входят в сознание друг друга, разливается озеро сознания, на поверхности которого нет даже ряби. Впитай же в себя все соки жизни; собери все полевые цветы, прежде чем возвратиться назад.

Понемногу периферия и центр твоего существа сближаются.

И в один прекрасный день, внезапно, периферия исчезнет и останется только центр. Это будет осознание будды.

Один лишь шаг за пределы - и центр тоже исчезнет.

Ничто, лежащее за пределами центра, - не пусто, это - величайшее благоденствие; благодаря нему ты стал Вселенной.

Ниведано...

Возвращайся, но возвращайся как будда, не знающий сомнения, без колебаний.

Ты - будда.

Посиди несколько мгновений, чтобы вспомнить пространство, в котором ты находился.

Каждый день, дюйм за дюймом ты вырастаешь в будду.

Хорошо, Маниша?

Да, любимый Учитель.

Можем ли мы отпраздновать праздник десяти тысяч будд?

Да, любимый Учитель.

Ученик - это зерно

Наш любимый Учитель,

Однажды последователь даосизма, проходя мимо монастыря Хякудзе, спросил:

- Есть ли в мире что-либо чудеснее сил природы?

Хякудзе ответил:

- Есть.

- И что же это? - спросил его гость. Хякудзе ответил:

- Это способность постигать силы природы.

- Являются ли Дао космические силы жизни? - вновь спросил гость.

Хякудзе ответил:

- Космические силы жизни - это космические силы жизни; Дао - это Дао.

- Следовательно, это должны быть две разные вещи? - спросил гость.

Хякудзе сказал:

- То, что знает, не происходит от двух разных людей.

Последователь даосизма спросил, волнуясь:

- Что есть неверно и что есть верно?

Хякудзе ответил:

- Неверно - это когда ум уделяет внимание внешним вещам; верно - это когда ум держит под контролем внешние вещи.

Маниша, слушая эти диалоги и истории, не следует забывать о более важных вещах. Это - не школа и не университет. Здесь ты ничего не изучаешь. Здесь ты преображаешься, пробуждаешься. Все эти сутры нужны лишь для того, чтобы разбудить тебя, чтобы привлечь твое обычно столь нестойкое, постоянно отвлекающееся внимание. Привести его сюда безраздельно - вот главная задача сутр.

Это возможно лишь при условии, что ты только слушаешь - слушаешь, но не истолковываешь, слушаешь, но не выносишь суждений, слушаешь, но не говоришь: "Да, это верно, нет, это неверно..." Ты ничего не должна говорить. Это не есть цель всего процесса. Цель

- это то, что ты можешь оставаться слушателем, не вынося суждений. Это готовит тебя к медитации.

Маниша принесла сюда этот диалог...

Однажды последователь даосизма...

Во-первых, никто не может быть "последователем даосизма". Дао - не религия и не философия. Это - чистое понимание медитации, в которой все исчезает, включая и самого медитирующего. То, что остается, - и есть Дао. Будда назвал это "дхармой", вы можете называть это "сознанием", "истиной", "красотой".

Однако все эти слова лишь указывают на единое океаническое чувство осознания, в котором вы нераздельно сливаетесь с Космосом. Но беда человека в том, что он все пытается превратить в "изм".

И потому после смерти Лао-цзы люди стали превращать его учение в "изм". А он всю свою жизнь учил, что нет никаких "измов", нет никакой философии, нет никакой теории. Следует отбросить всю умственную деятельность. Следует внимать безмолвному и пустому пространству. Это и есть Дао.

Никто не может быть "последователем даосизма", так что изначально Хякудзё знает, что вопрос задан неверно. Но на неверный вопрос можно дать правильный ответ - вот что собирается сделать Хякудзё.

Однажды последователь даосизма, проходя мимо монастыря Хякудзё, спросил:

- Есть ли в мире что-либо чудеснее сил природы? Хякудзё ответил:

- Есть.

Но, будучи последователем определенной доктрины, он так же слеп, как любой последователь индуизма, магометанства, христианства. Он не может понять, что в мире есть что-либо чудеснее сил природы. Каждый знающий может сказать, что видящий чудеснее того, что он видит. Знающий более чудесен, чем то, что он знает, так как последнее - лишь объект. Знающему известны различные свойства сознания. Он - жив, и не просто жив, а постоянно жив.

И что же это? - спросил его последователь даосизма.

Хякудзё ответил:

- Это способность постигать силы природы.

То, о чем я говорил как о "видящем", "знающем", "наблюдающем", Хякудзё называет "способностью постигать силы природы". Это - более чудесно. Это - бесконечное блаженство.

- Являются ли Дао космические силы жизни? - вновь спросил гость.

Хякудзё ответил:

- Космические силы жизни - это космические силы жизни; Дао - это Дао.

- Следовательно, это должны быть две разные вещи? - спросил последователь даосизма.

Хякудзё сказал:

- То, что знает, не происходит от двух разных людей.

Последователь даосизма спросил, волнуясь:

- Что есть неверно и что есть верно? Хякудзё ответил:

- Неверно - это когда ум уделяет внимание внешним вещам; верно - это когда ум держит под контролем внешние вещи.

Мы, как современные люди, должны отметить некоторые особенности диалога. Гость Хякудзё мало интересуется ответами на свои вопросы. Он задает их вразброс. Получив ответ на один вопрос, он тут же задает следующий, не имеющий к первому никакого отношения, - так, словно он понял смысл ответа. Однако это не так: если бы гость понимал, о чем говорил Хякудзё, он не задавал бы остальных вопросов.

Одного ответа достаточно для человека, наделенного разумом. И если этот разум

медитативен, ему и вопросов задавать не нужно. Ничто не произнесено, но сердце ученика слышит все. Но перед нами не ученик, а гость - просто любопытствующий. Некоторые люди просто собирают сведения из различных источников, а затем хващаются, будто им все известно. Это сразу видно - его не интересует суть ответов. Он спрашивает: "Есть ли в мире что-либо чудеснее сил природы?"

Хякудзё дает ему абсолютно точный ответ: "Это наблюдатель, способный постигать силы природы". Наблюдение по своей природе стоит выше, чем наблюдалось. Если бы гость понял суть, он бы больше ни о чем не спрашивал. Но он продолжает задавать вопросы. "Являются ли Дао космические силы жизни?" - вновь спросил гость.

Вопрос этот никак не связан с предыдущим. Это свидетельствует о том, что он не интересуется ответом, он просто выслушал слова и запомнил их. Теперь он будет повторять эти слова каждому встречному, словно это его мысль. Он спешит задать следующий вопрос, хотя предыдущий еще не закрыт.

На этом пути нет ответов - происходит просто исчезновение вопросов. Слова мастера заставляют вопрос исчезнуть, делают его неуместным, вырванным из контекста, бессмысленным. Мастер очищает пространство так, чтобы вы могли видеть с той же ясностью, что и он. Он хочет поделиться своим ясновидением и просто уничтожает вопросы ответами. Его не интересуют ни вопросы, ни ответы. Он отвечает лишь затем, чтобы вопрос больше не висел над вами. Но если человек, задающий вопросы, не есть человек Пути, ему это безразлично. Как только пространство очищается... он задает иной вопрос... Он не понимает сути.

"Являются ли Дао космические силы жизни?" - вновь спросил гость. Он не понимает ни что такое космические силы жизни, ни что такое Дао. Вот где может заблудиться интеллектуал - в словах. Слова - куда более густой лес, чем принято считать. Казалось бы, такой вопрос совершенно правомочен: "Являются ли космические силы жизни первоисточником жизни? Так же, как и Дао?" Но вопрос этот задается из любопытства, а не из-за желания узнать истину. Будет ли на него дан ответ или не будет, не имеет никакого значения. Когда я говорю о безоглядности, я имею в виду, что для нас важно найти истоки жизни, истоки космических жизненных сил.

Хякудзё ответил:

- Космические силы жизни - это космические силы жизни; Дао - это Дао.

В обычном уме тут же возникнет вопрос: "Это два разных понятия? Путь и цель - две разные вещи?" Путь - всего лишь продолжение цели. Цель - всего лишь конечная точка пути. Хякудзё не говорит, что это две разные вещи, он просто говорит, что путь - это путь, а цель - это цель. Не принимай никаких решений, пока не прошел весь путь. В конце пути ты найдешь цель. И, внезапно, ты поймешь их абсолютное единство.

- Следовательно, это должны быть две разные вещи? - спросил последователь даосизма.

Обычный посредственный ум может сказать так. Но, стоя перед мастером, ты должен дважды подумать, прежде чем что-то спросить.

Хякудзё сказал:

- То, что знает, не происходит от двух разных людей.

Человек может идти лишь одним путем. Может существовать множество путей, ведущих к вершине горы. Можно взбираться на гору по одному склону или по другому. Могут быть тысячи дорог, ведущих к вершине, и все они разнятся между собой. Некоторые пути могут пролегать по пустыне, а другие вести через зеленый лес. Пути могут быть разными, но там, где все они сходятся в высшей точке, происходит взрыв понимания - все ведет к одному.

Одни пути занимают больше времени, другие - меньше. Одни - трудные, другие - легкие и приятные... выбор всегда за вами. Отправляйтесь к своему истоку с той точки, где вы

находитесь, и вы достигнете того, чего достиг будда. Этот опыт не может быть ни вашим, ни моим - он может быть лишь единственным основным опытом всех сознательных существ, направляющихся к своим внутренним истокам.

Последователь даосизма спросил, волнуясь...

Он волновался, так как не понимал, о чем идет речь. "Что есть неверно и что есть верно?" Он решил, что лучше задать очень простой вопрос и посмотреть, что ответит этот человек: "Что есть неверно и что есть верно?" Казалось бы, что может быть проще? Но, если копнуть поглубже, это окажется одним из самых важных вопросов.

Хякудзё ответил:

- Неверно - это когда ум уделяет внимание внешним вещам...

Ум в подчинении, ум в рабстве у внешних объектов - это неверно. Когда положение дел изменяется и ум больше не находится в подчинении у вещей, а управляет ими, становится хозяином положения - это верно.

Обычно мы думаем, что "верно" и "неверно" - это суждения. "Кто-то поступает верно, а кто-то поступает неверно" - мы оцениваем его поступки. В нашем обыденном понимании "верно" и "неверно" относятся к суждениям, но для людей знания, для тех, кто достиг вершины, слова "верно" и "неверно" имеют совершенно иное значение.

Ум может быть хозяином, ум может быть рабом. Обычно никто не думает, что "верно" и "неверно" может быть применимо здесь, но если ум находится в рабстве у объективного мира - это неверно. Тогда, чтобы вы ни делали, вы делаете неверно. Когда же ум освобождается от рабства, он становится пустым. Пустой ум становится хозяином. Это верно. Тогда, какая бы ситуация ни возникла, какой бы ответ на нее ни был дан, - все будет верным. И потому это не есть суждение, это вопрос о том, где ты находишься и каково твое положение: является ли твое сознание хозяином или оно легко попадает в рабство?

Я вспомнил о суфийском мастере, Джуннаиде...

Сам он был очень простым человеком и никогда бы не прославился на весь мир, если бы не его ученик, Аль-Хилладж Мансур, который был распят. Он говорил, что вопрос о том, что верно и что неверно, относится исключительно к сознанию. Если ты сознателен, то, что бы ты ни делал, будет сделано верно. Если же ты несознателен, то, что бы ты ни делал, будет сделано неверно.

Например, если человек делает пожертвования, занимается благотворительностью, все будут говорить: "Как велик, как благороден, как щедр этот человек". Но если заглянешь в его ум, то увидишь, что все свои благодеяния он делает лишь затем, чтобы пополнить свой счет в банке Бога и, представ перед вратами рая, быть встреченным ангелами, которые обеспечат его на небесах всем самым лучшим. То, что он дает, не идет ни в какое сравнение с тем, что он получает, эксплуатируя других... ну, может быть, один процент, и он становится образцом добродетели.

Если человек не сознателен до конца, он не может поступать верно. Если ты не прав, как могут цветы правоты расцвести в тебе? И потому подлинный мастер изменяет все вокруг. Это не твои поступки, это - твое сознание. Не важно, что делаешь, важно то, откуда исходит поступок. Сознателен он или несознателен - вот решающий фактор.

Дзэн принес с собой совершенно иной подход. Это не мораль. Здесь не делается упор на твои поступки. Здесь делается упор на тебе. Если ты совершаешь правильные поступки по неправильным причинам, они становятся неправильными. Кто-то боится ада и из-за этого страха посещает церковь каждое воскресенье. Это так утомительно: слушать все того же священника, все те же слова Ветхого Завета и все ту же древнюю чушь. Так что большинство посетителей церкви спят крепким сном во время заутрени - это очень набожный сон.

Один человек то и дело похрапывал в церкви... Священник всполошился. Он отвел этого человека в сторонку и сказал ему:

- Я ничего не имею против сна. В том, что человек спит, нет ничего антирелигиозного... но храпеть - это, пожалуй, чересчур...

- А разве храп антирелигиозен? - спросил его этот человек.

Священник сказал:

- Нет, я вовсе не хочу сказать, что храп - антирелигиозен. Я просто говорю, что из-за вашего храпа все прихожане не могут выспаться. И это создает массу проблем. У меня только три проповеди, которые я повторяю всю жизнь. Никто их не слушает - что же мне делать? Начать оригинальничать и пытаться найти новый материал... но ведь никто до сих пор не возражал, никто ничего не спрашивал. Это доказывает, что все прихожане крепко спят. Да и эти три проповеди - не мои. Они перешли мне по наследству от моего предшественника. Вручая их мне, старый настоятель сказал: "Этого вполне достаточно. Не ищи себе хлопот. Все прихожане появляются в церкви лишь для того, чтобы хорошенъко поспать. Следи только за тем, чтобы никто не храпел". Вот видите, ваш храп убивает меня. Если люди начнут слушать, рано или поздно они все поймут. "Этот парень все время крутит одну и ту же пластинку", - скажут они. Так что прошу, во имя Господа, спите сколько угодно, но только не храпите!

Все религии ориентировались на поступки: "Не делай этого, не делай того". Все это заповеди, приказы. Но вопрос стоит не о ваших поступках, а о вашем существе. Находиться в сознательном состоянии и, не задумываясь, делать все, что исходит из твоего существа, - значит поступать верно. Если это не спонтанный сознательный ответ, он не верен, даже если весь мир утверждает противоположное. Исток - вот истинный критерий.

Ум может быть и тем, и другим. Он может быть рабом - как у миллионов людей. Но очень редко, когда ум освобождается от объектов, желаний, злости, он становится пустым пространством - не-умом.

Можно сказать и так: если ты действуешь через ум - ты не прав, если ты действуешь через не-ум - ты прав.

Хайку Басё:

Рождение искусства... песня с рисовых полей, хор из ниоткуда.

Если ты абсолютно безмолвен, тогда все, что происходит в этом безмолвии, приобретает новый цвет. Это становится рождением любого искусства. "Песня с рисовых полей" - в ней не так уж много музыки. Бедные крестьяне... просто, чтобы труд не казался таким монотонным, они поют хором. Но человек безмолвия может придать алмазный блеск любому камню: "песня с рисовых полей, хор из ниоткуда". Сам он хранит полное безмолвие, и потому ему интересно знать, откуда доносится хор голосов. Все бытие внезапно превратилось в хор - в прекрасную симфонию. Наша жизнь может обратиться в музыку, в поэзию, в произведение живописи... в мистику. И это верный способ прожить жизнь. Верный, потому что, живя так, приходишь к своим истокам.

Маниша спрашивает:

Наш любимый Учитель,

Что есть потребность понимать?

Маниша, потребность понимать заложена в самой твоей природе. Тайна бытия хочет, чтобы ты стала ее партнером. Тайна бытия не хочет, чтобы ты оставалась снаружи, она приглашает тебя в свой храм. Снаружи - жара, внутри - прохлада.

Потребность понимать - это неотъемлемая часть твоего разума. Разум желает знать, кто находится там, внутри; откуда приходит любовь, слезы, смех? Никто не хочет пребывать в неведении относительно устройства собственного жилища.

Потребность понимать - единственная надежда человека. Без этой потребности не будет музыки, не будет поэзии, не будет танцев. Останется лишь глубокая грусть - самоубийственная грусть, так как смысл жизни будет утрачен. Но, к счастью, этой потребности нельзя научиться у кого-то другого. Эта потребность находится в тебе. Она всегда была там - возможно, в подавленном состоянии, но в нужный период, в нужное время, в нужный момент при встрече с человеком знания она вновь заявит о себе. Это и есть признак, что ты встретил учителя.

Меня все время спрашивают: "Как определить, встретили ли мы учителя?" Если, встретив человека, ты чувствуешь, что тебе хотелось бы находиться с ним в одном пространстве, в одной радости, в одной песне, значит, в тебе проснулась потребность в понимании. Эта потребность делает тебя учеником, а там, где ученик, там и учитель. Ученик - зерно, учитель - цветок.

А сейчас пришло время Анандо...

Ольга Ковальская беседует за чашечкой кофе со своей подругой, Розой.

- Я тебе скажу, - говорит Ольга, - телевидение - это глупое изобретение.

- Почему это? - спрашивает ее Роза, жуя печенье.

- Да потому, отвечает Ольга, - что там только и видишь: насилие и секс, секс и насилие.

- Ну да, - говорит Роза.

- Меня уже тошнит от всего этого, - продолжает Ольга. - Когда бы я вечером ни включила телевизор, я вижу лишь насилие.

- Тогда зачем включать? - интересуется Роза.

- Да, но если он не включен, - отвечает Ольга, - сексом хочет заниматься Ковальский!

Великолепная Глория встречается с Грязным Робином, импресарио шоу-бизнеса, и просит его посмотреть ее номер.

Она кладет на пол большой апельсин и начинает раздеваться, танцуя под звуки чувственной мелодии. Полностью обнажившись, она под самые энергичные аккорды садится на пол в шпагате, а когда поднимается, апельсина на полу уже нет.

- Фантастика! - кричит Грязный Робин. - Сногшибательно! Я могу договориться о работе в парижском ночном клубе. Прямо с завтрашнего дня!

- Нет, только не Париж! - нервно заявляет Глория, и Робин устраивает ее на работу в Берлине.

Через две недели он звонит Глории по телефону.

- Хорошие новости! - радостно выпаливает он. - Я договорился о твоих гастролях в Гамбурге, Риме, Каире и Париже!

- Нет, нет, только не Париж! - говорит ему Глория.

- Но почему же, черт подери, не Париж? - злится Робин.

- Понимаешь ли, - говорит Глория извиняющимся тоном, - в Париже моя мама дает тот же номер, только вместо апельсина у нее арбуз!

Ковальский и Забрицкий идут по нью-йоркской улице, и Забрицкий рассказывает, как он ненавидит итальянцев.

- Грязные макаронники, - ворчит он, - вечно шумят без толку и порют всякую идиотскую! Я только о том и мечтаю, чтобы они убрались назад, в Италию!

Тут два поляка сворачивают за угол и наталкиваются на старика Луиджи, играющего на скрипке, рядом с которым пляшет маленькая обезьянка со шляпой в руках.

Луиджи действительно выглядит как иллюстрация к словам Забрицкого - на нем грязная, запятнанная спагетти куртка, сережка в ухе, и он громко поет итальянские песни.

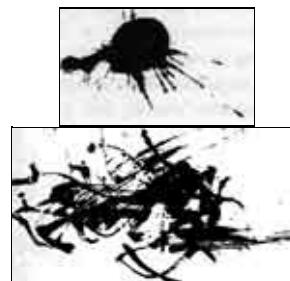
Ковальский поражен, увидев, как его друг кладет в протянутую обезьянкой шляпу долларовую купюру.

- Зачем ты это сделал? - спрашивает Ковальский, как только они отошли от Луиджи на несколько шагов. - Я думал, ты действительно ненавидишь итальянцев.

- Все верно, - отвечает Забрицкий, - но пока они маленькие, они такие хорошеные!

Анандо...

Ниведано...

Ниведано...

Погрузись в тишину.

Закрой глаза.

Почувствуй, как замерло твое тело.

А теперь собери свое сознание, превратив его в стрелу, обрати свой взгляд внутрь себя.

Погружайся в себя с безоглядностью, насколько можешь.

Глубже и глубже...

Пока не достигнешь самих истоков своего существа.

Уходи внутрь, не зная страха, - это твоя территория.

На конце своей стрелы ты найдешь себя полностью пробужденным, как будда.

Это лишь первый шаг.

Открыв в себе будду, сделай второй шаг - выйди за пределы.

Пускай даже будда исчезнет.

Останется лишь безмолвие и безграничное небо.

Это - твой дом.

Тебя больше нет, но ты нашел дом.

Капля росы исчезла в океане.

Тысячи цветов расцвели.

Внезапно, из ниоткуда, донеслась музыка.

Ты видишь, что все вокруг пульсирует энергией жизни, все превратилось в танец, и ты тоже стал частью этого танца.

Собери же цветы и их аромат - как можно больше.

Собери же все осознание, открывшееся в тебе.

Тебе предстоит жить с ним каждую секунду твоей жизни, бодрствуешь ли ты или спиши.

Это единственная известная мне трансформация, превращающая каплю росы в океан, - и наоборот - при которой океан исчезает в капле росы.

Чтобы было понятнее,

Ниведано...

расслабься.

Наблюдай. Ты - не твой ум. Ты - не твое тело.

Ты просто наблюдатель. Наблюдение - это ты.

Без суждений, без оценок, просто безмолвное наблюдение, как отражение в зеркале.

Это - твое просветление.

Нет большей радости во Вселенной, чем быть буддой.

Нет большей прелести, нет большей красоты, большего благословения, чем быть буддой.

Жизнь предстает перед тобой во всех цветах - словно радуга.

Этот вечер великолепен, и твое безмолвие сделало его еще более великолепным, еще более прекрасным, твое наблюдение прибавило ему невероятной красоты.

Оно сделало его магическим.

Вскоре Ниведано призовет тебя назад.

Захвати с собой все, что открылось тебе здесь, ничего не оставляй за собой.

Ниведано...

Возвращайся, но возвращайся как будда, не знающий сомнения, без колебаний.

Это единственное доверие, которому я тебя учу. Ты - будда.

Посиди несколько мгновений, чтобы вспомнить свои переживания.

Я употребил слова "как" лишь для того, чтобы ты не пугался...

Во всем остальном ты - будда.

Хорошо, Маниша?

Да, любимый Учитель.

Можем ли мы отпраздновать праздник десяти тысяч будд?

Да, любимый Учитель.

Последняя веха

Наш любимый. Учитель,

Однажды Юнь Куан спросил Хякудзё:

- Учитель, знаешь ли ты, где ты возродишься?

Хякудзё ответил:

- Мы еще не умерли, так что, какой смысл говорить о возрождении? То, что знает рождение, - не рождено. Мы не можем уйти от рождения, чтобы говорить о нерожденном. Как-то патриарх сказал: "То, что претерпевает рождение, поистине не рождено".

Юнь Куан спросил:

- Относится ли это и к тем, кому еще предстоит постичь собственную природу?

Хякудзё ответил:

- То, что ты еще не постиг собственной природы, вовсе не значит, что у тебя ее нет. Почему? Да потому, что само постижение есть часть этой природы... То, что способно произвести миллиарды явлений во Вселенной, зовется природой дхармы, или дхармакайей.

Патриарх Ашвагхоса так сказал об этом: "Говоря о феноменах, мы подразумеваем ум сознательных существ - когда психические процессы имеют место, в соответствии с ними происходят всевозможные явления. Когда психические процессы отсутствуют, явлениям негде возникнуть - для них нет даже имен".

Маниша, кажется, что эти диалоги между дзэнскими мастерами и их учениками происходят в совершенно ином мире. Их жизнь проходила в совершенно ином измерении, и они говорили о вещах, которые для тебя не имеют значения. Для них же это были самые важные вещи в жизни. То же, что важно для тебя, не могло иметь никакого значения для них. Мы принадлежим разным мирам. Их мир - мир невероятной красоты и блаженства. Наш мир - мир беспокойства, боли и страха. Это мир смертных. Мы пришли сюда лишь ненадолго - нам не известно, откуда мы явились и куда мы уйдем.

Мы даже не знаем, кто мы есть.

Эти вопросы были оттеснены в сторону техническим прогрессом и наукой. Ум человека стал материалистичен. Человек забыл об одной вещи - собственном сознании.

В этих же диалогах речь идет о собственном сознании и его потаенных секретах. Не узнав этих секретов внутренней жизни, вы не узнаете, что такая жизнь. Ваша жизнь будет весьма

поверхностной.

Чем больше вы углубляетесь внутрь себя, тем более глубоким становится все в вашей жизни - любовь, творчество, танец. Можно танцевать очень поверхностно - повторять лишь движения танца, но можно танцевать так глубоко, что исчезнет танцор и останется лишь танец. Когда существует только танец, остается лишь его суть - все второстепенное исчезает. Ты тоже исчезаешь. Ты - несущественен.

Но что-то в тебе - существенное. И эти диалоги направлены на то, чтобы открыть это существенное, ища его под различными углами. И потому всегда необходимо помнить: нельзя смешивать свой язык с языком этих диалогов. Этот язык пришел из иной эпохи, и он служил совершенно иным людям, которые передавали им свой, совершенно отличный от нашего опыт.

Однажды Юнь Куан спросил Хякудзё:

- Учитель, знаешь ли ты, где ты возродишься? Хякудзё ответил:

- Мы еще не умерли, так что, какой смысл говорить о возрождении? То, что знает рождение, - не рождено. Мы не можем уйти от рождения, чтобы говорить о нерожденном. Как-то патриарх сказал: "То, что претерпевает рождение, поистине не рождено".

Очень немногие люди рождаются сознательно и столь же немногие сознательно умирают. Таков естественный закон амнезии: прежде чем умереть, переходишь в совершенно бессознательное состояние. Это - великая операция, и природа сделала все необходимые приготовления. Лишь великий мастер медитации, достигший самадхи, способен избежать этого отравления - надвигающейся тучи лишения сознания. Смерть придет и уйдет. Тело исчезнет, исчезнет и ум, но ядро осознания войдет в новую матку.

Хякудзё говорит: "То, что знает рождение, - не рождено". То, что знает смерть, не умирает. Как может что-то умереть и знать смерть?

Суфийский мистик Омар Хайям написал великую книгу и прославился на весь мир. Ее переводили сотни раз на различные языки, но всегда неправильно. Переводчики думали, что он - поэт, пишущий об этом мире. Он же был мистиком, и о чем бы он ни говорил, он говорил на языке символов. Его книга называется "Рубайят". Рубай - это особая форма персидской поэзии, так же как и хайку - особая форма японской поэзии.

В одном из своих рубай он обращается к друзьям, советуя им не бояться смерти. Для этого есть две причины: если ты умираешь, ты умираешь - тут нечего бояться. Никого больше не остается - так о каком же страхе может идти речь? Если же все происходит так, как учит религия, и ты не умираешь, тогда чего бояться? Страх здесь неуместен.

Если вы умираете, осознавая это, это означает, что элемент, проходящий сквозь туннель смерти, существует отдельно от нее. Принцип жизни вечен. Для того чтобы стать человеком, всем нам потребовалось прожить тысячи жизней. До сегодняшнего дня сверхчеловек еще не появлялся.

Человек стоит на высшей ступени эволюции сознания. Но оно еще очень поверхностно, ново. Под ним находится глубокий пласт бессознательного. Потому, когда умираешь, твоё глубинное подсознание поглощает в себя сознание, и ты не знаешь, что с тобой происходит. Кроме тебя, все знают, что ты умер. И поскольку смерть бессознательна, твоё появление в матке тоже проходит бессознательно.

Оба полюса должны быть одинаковы: если смерть сознательна, то и рождение сознательно, если смерть бессознательна, то и рождение бессознательно. Вы ничего не знаете о том, откуда пришли, так как ничего не сознаете относительно своего рождения.

То, что знает рождение, - не рождено - эта фраза исполнена глубокого смысла. То, что знает смерть, - находится вне досягаемости смерти. Это лишь свидетель. Оно наблюдает за тем, как умерло старое тело и как новое тело начало расти в новой матке. В состоянии глубокого гипноза

вы можете вспомнить свои переживания в материнской утробе. Девять месяцев не могут пройти без каких-либо происшествий. Ваша мать могла падать. Могла быть очень сердитой или очень любящей... Все, что происходит с умом и телом матери, воздействует на плод. Если мать будет помнить на протяжении всех этих девяти месяцев о том, что носит плод, она будет стараться не делать ничего такого, что могло бы повредить ребенку в будущем. Эти девять месяцев - самый важный период в жизни человека, ничего более значительного с ним не произойдет в дальнейшие семьдесят лет.

Таким образом, меняются два человека: мать, заботясь о ребенке, стремится не делать ничего, что могло бы повредить ему. Она не может злиться, не может ревновать, не может завидовать - она не может делать и думать ничего неправильного. Так что при этом изменения происходят с обоими - с ребенком и матерью.

Если в течение девяти месяцев женщина сможет забыть о ревности, злости, зависти, оставаясь лишь любящей, сострадательной, радостной, эти девять месяцев могут стать для нее тем опытом, который навсегда отучит ее от старых привычек.

В Индии мы разработали научный подход к тому, как должна вести себя мать с момента зачатия. Ее жизнь должна стать выражением благодарности Богу или Вселенной, давшей ей возможность принести в мир новую жизнь. Ее дни и ночи должны быть исполнены дум и снов о будде. Ее ребенок должен стать буддой. Но он сможет стать буддой лишь в том случае, если зерно будет посеяно. Сейчас подходящее время - земля мягка и ребенок так близок. Видите ли вы, в чем соль? Этот процесс изменит обоих - мать и ребенка.

Ребенок может быть достаточно сознательным лишь в том случае, если он в своей прошлой жизни уделил медитации достаточно времени и сил - если он накопил достаточно медитативной энергии, способной противостоять той тьме, которую несет с собой смерть. Обычно человек погружается в забытье и, найдя новую матку, совершенно забывает о прежнем теле. Так возникает брешь - тьма, бессознательное состояние создают эту брешь.

Восток старался изо всех сил преодолеть эти барьеры. И тысячелетний труд не был напрасным. Каждый может проникнуть в свою прошлую жизнь или различные прошлые жизни. Но для этого вам нужно как можно глубже погружаться в медитацию. На это есть две причины: во-первых, если вы не уйдете в медитацию достаточно глубоко, дверь, ведущая в прошлую жизнь, не откроется перед вами; во-вторых, как только эта дверь отворится, воспоминания о прошлых жизнях хлынут в ваш ум.

Не так уж легко жить проблемами одной жизни, но, когда воспоминания из прошлых жизней начнут донимать вас, станет еще труднее. Может случиться так, что ваша жена в этой жизни окажется вашей матерью из прошлой жизни. Вы окажетесь в довольно затруднительном положении. Как же вам себя с ней вести - как с матерью или как с женой? Вас могут ждать беспокойства и иного рода - человек, которого вы считаете своим лучшим другом, мог быть вашим убийцей в далеком прошлом. Как теперь вам вести себя с ним? И вы никого не можете пригласить с собой в свою прошлую жизнь, чтобы он выступил в роли свидетеля... Ваш друг скажет: "Ты что, сдурел? С чего ты все это взял? Тебе, наверное, все это приснилось! Присниться может все что угодно. Забудь об этом". Но вам-то известно, что это был не сон. Все это произошло во время глубокой медитации. И это происходит вновь и вновь - в каждой медитации. Вы не можете повторить сон. Вам не удастся даже продолжить прерванный сон.

Однажды ночью Ходжа Насреддин громко закричал своей жене:

- Принеси мне очки, да побыстрее! Была уже глубокая ночь.
- Что ты собираешься читать? - спросила его жена.

- Не спорь! - рассердился Ходжа Насреддин. - Сейчас не время для дискуссий. Поскорей принеси!

Бедная женщина принесла ему очки. Он, нацепив очки на нос, сказал:

- А сейчас я снова возвращусь в сон. Там, во сне, я видел очень красивую женщину, но без очков не смог ее, как следует рассмотреть.

Он очень старался увидеть вновь эту женщину, но ему это так и не удалось.

Как-то ночью он вновь попросил дать ему очки. Жена сказала ему:

- Ты, наверное, сошел с ума. Очки не исправят твое зрение во сне. Во сне у всех превосходное зрение.

Но он ответил:

- Это исключительно важный вопрос. Не спорь! Просто принеси очки.

Затем, надев очки, он произнес:

- Вот, сейчас все в порядке!

Во сне какой-то человек давал ему тысячедолларовую купюру, и Ходжа Насреддин хотел проверить, не фальшивка ли это. Но когда он вновь заснул, в его новом сне не было ни того человека, ни тысячедолларовой купюры.

- Куда же ты подевался? - закричал он громко.

Вам ни за что не удастся продолжить прерванный сон. Вы не можете сделать так, чтобы сон повторялся по вашей воле. Если он повторяется сам по себе - другое дело. Но вы сами не сможете повторить какой-нибудь прекрасный сон, как бы вам того ни хотелось.

Но когда речь идет о прошлых жизнях - другое дело. Уходя в медитацию все глубже и глубже, прежде чем открыть запертую дверь, вам следует помнить: вас захлестнут воспоминания невероятной значимости. Они будут настолько яркими, словно все происходит в этой жизни. Они не похожи на сон - когда открываешь глаза и картины куда-то исчезают. Они такие же живые, как жизнь, и это может создать проблемы.

Если вы вспомните две или три жизни, вы окажетесь в том же положении, что и жучок-сороконожка, о котором я вам как-то рассказывал...

Он жил совершенно спокойно и как-то собирался отправиться на утреннюю прогулку, вдруг к нему подбежал крольчонок и сказал:

- Дядюшка сороконожка, я все хотел задать вам вопрос, но никак не отваживался - боялся испортить вашу утреннюю прогулку. Но больше нет сил сдерживаться.

- Давай спрашивай, не бойся! - сказал ему сороконожка.

- Я вот о чем хотел спросить, - продолжал крольчонок. - Как ты умудряешься передвигаться на своих сорока ногах? Как ты решаешь, какую ногу поставить первой, какую второй, какую третьей?.. Как ты всеми ими управляешь?

- Я никогда не думал об этом, - ответил ему сороконожка, - я не отношусь к философскому типу. А ты, похоже, философ... но я постараюсь найти ответ.

Он постарался идти, думая о том, какую ногу выставить первой, но тут же запутался и повалился на землю. Он очень разозлился на крольчонка и закричал:

- Оставь свою философию при себе. Никогда больше не задавай этот вопрос сороконожкам... все происходит само по себе. Я никогда не задумывался, с какой ноги мне ступить. Ты очень опасный парень - кажешься таким милым, но твои вопросы...

Если вам будут известны две или три ваши жизни, вы окажетесь в том же положении, что и сороконожка. Вы не сможете передвигаться, так как вас будут окружать те же люди, которые были знакомы вам по прошлым жизням. Только взаимоотношения изменятся. Кто-то был вашим

ребенком - теперь это ваш отец; кто-то был вашей матерью - теперь она замужем за незнакомым вам мужчиной... вы не можете общаться с ней. А вот ваша бывшая жена сейчас жена соседа. Ваш ум не может оправиться от всех новых ударов. Вот почему природа держит эту дверь на замке. Вы ничего не знаете о том, откуда сюда явились. Но эту дверь можно открыть.

В Индии существует специальная наука: джаати смаран - воспоминания о далеком прошлом. Медитация, определенная подготовка - и вы можете проникнуть в прошлые жизни. Но помните, вам потребуется вся сила духа, чтобы не потеряться в воспоминаниях. Перевоплощение признается лишь на Востоке. И все три религии, рожденные в Индии, - единственные вероисповедания, находящиеся в полном согласии с идеей реинкарнации. Они разнятся между собой в вопросах философии, теологии, но не в вопросах перевоплощения. Для них это нечего само собой разумеющееся. Они пришли в своих медитациях к одному и тому же. Они не могут отрицать этого.

То, что каждый из вас существовал до своего рождения и будет существовать после своей смерти, - факт экзистенциональный. Тот, кто существовал до рождения и будет существовать после смерти, зовется будда. Его иное имя - наблюдатель. Он никогда не рождается и никогда не умирает.

Вот как следует понимать слова Хякудзё: - То, что знает рождение, - не рождено - знает рождение лишь нерожденный свидетель. Мы не можем уйти от рождения, чтобы говорить о нерожденном - если ты не умирал, находясь при полном сознании, ты не можешь говорить о нерожденном и неумирающем.

Как-то патриарх сказал: "То, что претерпевает рождение, поистине не рождено".

Конфуций, один из величайших мыслителей мира, не был религиозным человеком. Его больше интересовали цивилизация, культура, мораль, этикет и этика. Онказал огромное влияние на китайскую мысль, и длилось это двадцать пять веков. Его влияние на поведение китайцев ощущается и до сих пор.

Однажды молодой последователь Конфуция обратился к нему с такими словами:

- Ты говоришь о жизни, о том, как ее сделать более утонченной, честной и справедливой, но ты ничего не говоришь о смерти.

Конфуций ответил:

- Нет никакой нужды говорить о ней. Само собой разумеется, что в один прекрасный день ты умрешь. И тогда, лежа в своей могиле целую вечность, ты волен думать обо всем, о чем тебе захочется. Зачем же ты пристаешь ко мне с этими вопросами? Ты будешь думать, лежа в своей могиле, я буду думать, лежа в своей.

Он просто посмеялся над вопросом. Ведь всерьез задуматься над вопросами рождения и смерти - значит оказаться за пределами обычного мышления. Ты ни до чего не сможешь додуматься, но, если тебе действительно хочется узнать кое-что о смерти и рождении, ты должен оставить в стороне свое мышление и войти в свое пустое сердце. Лишь пустому сердцу известно бессмертие твоей сущности.

Юнъ Куан спросил:

- Относится ли это и к тем, кому еще предстоит постичь собственную природу?

Хякудзё ответил:

- То, что ты еще не постиг собственной природы, вовсе не значит, что у тебя ее нет. Почему? Да потому, что само постижение есть часть этой природы...

Вот как об этом же можно сказать более современным языком: я постоянно повторял вам, что вы - будды. И я знаю, что это вызывает в каждом из вас подозрение: как, я - и будда? Но ваши подозрения и ваши сомнения не могут ни на что повлиять. Ваша природа будды остается

все той же. Вы можете знать об этом, можете игнорировать это.

Английское слово "ignorance" для меня означает лишь то, что вы игнорируете свою собственную природу. Эта природа абсолютно ясна, прозрачна. Вы можете увидеть, как в ней отражается весь мир - словно в зеркале. Но вы должны быть абсолютно безмолвны, сосредоточены. Именно этого мы пытаемся здесь достичь.

- То, что способно произвести миллиарды явлений во Вселенной, зовется природой дхармы, или дхармакайей.

Патриарх Ашвагхоша так сказал об этом: "Говоря о феноменах, мы подразумеваем ум сознательных существ - когда психические процессы имеют место, в соответствии с ними происходят всевозможные явления. Когда психические процессы отсутствуют, явлениям негде возникнуть - для них нет даже имен".

Он говорит, что все содержится в нашем уме. Все, что ты постигаешь, все, что тебе известно, все, чему ты даешь имя, - все это находится в уме. Все твои пять чувств, при помощи которых ты приобретаешь знания, являются продолжением твоего ума. Тебе будет просто понять это. До нынешнего века люди не могли представить себе, что центр сексуальности находится не в гениталиях, а в мозге. Как только начинаешь думать о сексе, реагируют гениталии. И потому, если хочешь истинного целибата, не нужно отрезать себе гениталии, как это когда-то делали в России.

Члены секты фанатиков-христиан отрезали свои гениталии. Женщины же отрезали грудь - им больше нечего было отрезать, потому они отрезали то, что выступало. И эти люди считались святыми! Но они не думали, что отрезать гениталии недостаточно - ведь центр сексуальности находится в мозге.

Если же мы хотим истинного целибата, нужно перерезать нерв в уме, который пульсирует и вызывает сексуальные сны и фантазии. Если вам это удастся, вам ничего не нужно будет делать с гениталиями - они будут висеть, как у покойника. Как ни старайся, они не заработают. Центр всей вашей деятельности и всех ваших чувств находится в уме: зрение, обоняние, слух - все расположено в полости черепа.

Ум - это мир. Отбери ум - и исчезнет весь мир.

Медитация направлена на то, чтобы старый мир, созданный умом, исчез и в тебе возникло новое восприятие - восприятие не-ума. То, что не можешь увидеть умом, сможешь увидеть с помощью не-ума.

Рождение и смерть никак не влияют на не-ум. Он просто парит над рождениями и смертями. Он видел не одно рождение и не одну смерть. Он никак не реагирует на них, он просто отражает все, что происходит. Ничто не оставляет следа на твоем наблюдении. Я называю это наблюдение буддой.

Вот хайку Басё:

Вересковая пустошь... показжи моему коню, где поют птицы.

Басё вел жизнь, очень близкую к природе. Под деревом, у пруда расположился его небольшой домик. Он был принцем, и, когда умер его отец, он отказался наследовать отцу. Семейство пришло в отчаяние и стало уговаривать Басё:

- Ты не можешь так поступить. Твой отец мертв, и ты должен взять бразды правления в свои руки.

Басё отвечал:

- Я ждал его смерти. Я хотел увидеть, что каждый умирает. Даже отец умер. Когда-нибудь умру и я. Кто тогда позаботится об этом замке и этом княжестве? Кто-нибудь должен будет это делать. Я не могу оставаться здесь, так как здесь я могу умереть в любую минуту. Прежде чем умереть, я хочу познать бессмертный принцип своего существования.

Он был очень любящим, радостным и танцующим мистиком. Он говорит: "Вересковая пустошь... покажи моему коню, где поют птицы".

Давай-ка отправимся к птицам - это единственный народ на земле, который еще поет. Люди давно разучились петь... ну разве что профессионалы. Встречали ли вы среди птиц профессиональных певцов... профессиональных музыкантов? Птицы поют просто от радости. Их не волнует, есть ли смысл в их песнях. Смысл - это не самоцель. Выражение радости - вот их подлинное призвание. "Покажи моему коню, где поют птицы".

Он всегда стремился, чтобы его хайку были непосредственным выражением радости - как песня птиц. И ему это удалось. Во всей истории человечества нет ничего подобного хайку Басё.

Маниша спрашивает:

Наш любимый Учитель,

Существует ли только одна действительность и может ли она быть постигнута не-умом?

Есть две действительности: та, которую мы постигаем умом, и та, которую мы постигаем не-умом.

Для не-ума действительность, постигаемая умом, становится феноменальной, подобной сну. Вот почему люди, обретшие просветление, обычно называют эту действительность сном. Но сон этот имеет свои законы - будда тоже может проголодаться. Невозможно питаться одной медитацией. Пища из мира ума тоже нужна. Ведь голод - это часть объективного мира, и твое тело - тоже часть этого мира.

Вы находитесь на границе двух миров: объективного мира - снаружи и субъективного мира - внутри. Чем глубже вы уходите в субъективный мир, тем больше объективный мир напоминает сон - он кажется далеким эхом. Но я бы не сказал, что он - нереален. Те, кто говорят, что он нереален, подразумевают под этим лишь то, что он не имеет никакого значения.

Как-то я познакомился с монахом-джайном, и он сказал мне:

- Все, что снаружи, - иллюзорно.

- Я могу ударить тебя? - спросил я. Он ответил:

- Ты - странный парень. Зачем тебе бить меня?

- Ты забыл, - ответил я ему, - что внешний мир подобен сну. Можешь ли ты помешать кому-нибудь, во сне ударить тебя? Есть все же определенная разница между сном и внешним миром. Теперь скажи мне, что внешний мир - это иная реальность, и он не слеплен из того же теста, что и сны, иначе я ударю тебя.

Он огляделся по сторонам и увидел, что я пришел в сопровождении чуть ли не двадцати друзей. Тут он понял, что это будет не просто философская битва, а, возможно, самая настоящая битва.

- Пока что я согласен, - сказал он.

- "Пока что" не пройдет, - ответил я. - Никаких отговорок. Боишься, что тебя ударят?

Проблема в том, что чем глубже в себя уходят люди, тем больше удаляется от них внешняя действительность. Внешняя реальность имеет свое существование. Это существование нуждается в уме. Внутренняя же реальность имеет гораздо более значительное и прекрасное существование. Для нее нужен не-ум. Так что это - двухъярусный мир: Ум имеет свой собственный мир, а Не-ум имеет другой мир - прекрасный и величественный.

Я же пытаюсь убедить людей любого толка. Одни отрицают внутренний мир как реальность - реален лишь объективный мир. Внутренний мир - это сон. Другие же отрицают объективный мир. Они говорят, что реально лишь то, что внутри, все, что снаружи, - это сон. Но и те, и другие соглашаются в том, что они отрицают одну из действительностей.

Я же принимаю обе действительности. Как может внутреннее существовать без внешнего?

И как может внешнее существовать без внутреннего? Вот почему я стал называть рестораны и дискотеки моих санньяси "Зорба Будда". Зорба символизирует внешнюю действительность.

Казандзакис в своей великой книге "Грек Зорба" сделал миру огромный подарок. И этот подарок - Зорба. Он стал почти реальным человеком, а не просто выдуманным именем. Зорба находит счастье во всяких пустячных вещах - выпивке, танцах, любовных утехах. Он очень живой, очень полнокровный персонаж.

Казандзакис был отлучен от Греческой Православной Церкви, так как он был создателем грека Зорбы.

Амрито приехала к нам из Греции. Она получила письмо от жены Казандзакиса, где та пишет, что хотела бы стать директором нашей всемирной академии. Казандзакис очень настрадался от нападок Греческой Православной Церкви. Когда я говорю "Зорба Будда", я пытаюсь сблизить внутреннее и внешнее. Не думаю, что Зорбе следует оставаться только Зорбой. Зорба - это прекрасно, но это не высшая точка, которой может достичь сознание.

Зорба должен стать Буддой.

Зорба - это семя Будды.

Все вы рождены Зорбой - все вы любите обычные радости жизни и носите глубоко в себе будду. Вы игнорируете его. Но, даже если вы осознаете будду, это вовсе не означает, что следует отрицать внешний мир. Я в этом отношении стою на строго научной точке зрения. И то и другое подлинно... Внутренний мир - более высок, внешний мир - более низок. Но обе действительности существуют: та действительность, которая постигается умом, и та, которая открывает свои двери для не-ума.

А сейчас пришло время Анандо...

Стареющий хиппи Бизон Травка, выкурив парочку косячков, прогуливается по улице. Вдруг он с изумлением замечает, что оказался перед витриной парикмахерской.

Ни фига себе! - говорит он, глядя на свое отражение в витрине. - Я же не стригся больше двадцати лет!

Выпуская из ноздрей клубы дыма, он заходит в салон.

- Сколько стоит постричься? - спрашивает Бизон. Парикмахер долго смотрит на длинные нечесаные волосы старого хиппи и говорит:

- Десять долларов!

- Ни фига себе! - говорит Бизон, выпучив глаза. - А сколько стоит побриться?

- Два доллара, - отвечает парикмахер.

Бизон, указывая пальцем на свою шевелюру, говорит:

- Ладно, тогда побрей!

Маленький Альберт приехал погостить в деревню к бабушке и дедушке.

Они с дедушкой договорились отправиться на рыбалку и, чтобы не тревожить рано утром бабушку, решили лечь в одну постель.

Посреди ночи дедушка тормошит Альберта.

- Альберт, - кричит он, - зови быстрее бабушку! У меня эрекция! Впервые за последние двадцать лет!

- Расслабься, - сонно отвечает ему внук, - ты просто ухватился за мой член.

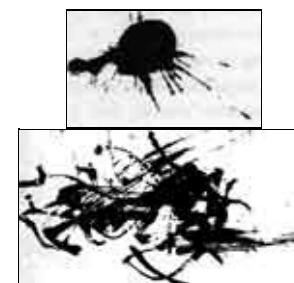
Малыш Эрни отправился с классом в зоопарк. С ними была их учительница. Внимание

Эрни особенно привлек вольер с котиком. Увидев, как загорелись глаза малыша, учительница спрашивает его:

- Знаешь, как называется этот зверь, Эрни?
- Не-а, - отвечает ей школьник.
- Я постараюсь тебе помочь, - говорит учительница. - Как мама называет папу по утрам?
- Ага, понял! - радостно кричит Эрни. - Это - ослиная задница.

Анандо...

Ниведано...

Ниведано...

Погрузись в тишину.

Закрой глаза.

Почувствуй, как замерло твое тело.

А теперь обрати свой взгляд внутрь себя с полной безоглядностью, немедля, будто это самое последнее мгновение в твоей жизни.

Без этой безоглядности тебе не достичь центра твоего существа.

Сконцентрируй все свое сознание и направь его в центр, как стрелу.

Центр твоего существа - это цель, потому что там, в центре, находится будда.

Когда ты достигнешь своего центра, на тебя дождем посыплются цветы.

Новый аромат, новый прохладный ветер, новое безмолвие - ты входишь в иной мир.

Будда - это последняя веха.

Достигнув состояния будды, ты сможешь совершить прыжок за пределы.

Там слова теряют свой смысл.

Остается лишь безмолвная светлая жизнь и музыка, которая существует сама по себе.

Там нет движения - лишь один великий танец.

Это иной мир - он находится за пределами того мира, где мы живем.

Оба они реальны, но первый мир состоит из обычных объектов, а иной, внутренний мир состоит из великих чудес и тайн.

Ты должен научиться быть наблюдателем в них обоих.

Наружный и внутренний - оба они реальны, но существует нечто большее, чем действительность, - это твое наблюдение.

Уходи же за пределы обоих миров.

Уходи по ту сторону двойственности, и благодать омоет тебя дождем.

В эту минуту тебя нет - есть лишь бытие во всей его славе, бытие без границ.

Это мир, в который стремятся войти мистики. Как ученый работает в объективном мире, работает и мистик. Но его работа куда сложнее.

Во-первых, он должен войти во внутренний мир. Затем он должен выйти за пределы обоих миров - внутреннего и внешнего. Этот выход невозможно описать словами; те, кто выходил, хранят молчание.

Чтобы было понятнее,

Ниведано...

Расслабься.

Наблюдай. Ты - не твой ум. Ты - не твое тело.

Ты просто наблюдатель. Наблюдение - это ты.

Оставайся просто зеркалом.

Это - твоя природа. Она - неделима.

Это - единый континент.

В это мгновение десять тысяч будд уже не десять тысяч - они единое цветение, единое мирное наблюдение. Впитай же в себя столько радости, сколько можешь, столько осознания, сколько можешь, поскольку тебе суждено оставаться буддой двадцать четыре часа в сутки в низшей действительности.

Но храни чистоту своего зеркала везде, что бы ни делал.

Тогда каждое твоё действие, каждый твой жест станет молитвой, выражением благодарности. И отовсюду на тебя посыплется благословение.

Ты ничего не просил, ты мог даже не знать, что оно существует.

Но, когда сердце пусто, все бытие становится милостивым к тебе.

Собери же все цветы, собери весь их аромат.

Возвращаясь назад, возвращайся как будда.

Ниведано...

Возвращайся, но возвращайся как Будда:

с изяществом, с безмолвием, со спокойствием.

Садись как будда.

Присядь на несколько секунд, вспоминая пространство, в котором ты находился.

Вспоминая, каким ты там был - таким тебе предстоит быть все двадцать четыре часа в сутки.

Лишь тогда ты сможешь познать великое бытие и его сокровенное сокровище.

Хорошо, Маниша?

Да, любимый Учитель.

Можем ли мы отпраздновать праздник десяти тысяч будд?
Да, любимый Учитель.

То, чего не сказать словами...

Наш любимый Учитель,

Однажды монах спросил:

- Являются ли слова и речь также умом?

Хякудзё ответил:

- Слова и речь параллельны уму; они не являются умом.

Монах снова спросил:

- Что же такое ум, лежащий за пределами слов и речи?

- Нет ума за пределами слов и речи, - ответил Хякудзё.

Тогда монах сказал:

- Если за пределами слов и речи нет ума, что же такое ум в действительности?

Хякудзё ответил:

- Ум не имеет формы и качеств. Он и не в пределах, и не за пределами слов и речи. Он всегда остается чистым и неподвижным и может выполнять свои функции свободно и беспрепятственно. Патриарх сказал: "Лишь когда видишь, что ум нереален, дхарма всех умов может быть понятой".

Маниша, никто не использовал язык так, как это делали мастера дзэн. Они сумели сделать его высоко метафоричным, способным указывать на высшую истину. Его проза - это поэзия. И когда слушаешь эти монологи, их нельзя воспринимать лишь ушами - твое пустое сердце тоже должно участвовать в этом. Лишь так можно постичь их - они становятся не просто прозаическими отрывками, а живыми сердцами великих мастеров.

Однажды монах спросил:

- Являются ли слова и речь также умом? Хякудзё ответил:

- Слова и речь параллельны уму; они не являются умом.

"Параллельные" - термин из логики. Это подобно рельсам. Рельсы тянутся рядом друг с другом на протяжении многих миль, но никогда не встречаются. Они располагаются очень близко, но расстояние между ними всегда одинаково. Из-за того, что расстояние остается все тем же, их встреча невозможна. Они - параллельные причины. Ум и слова и речь - параллельны. Это одна из основных заслуг дзэн. Прежде никто это не говорил.

Люди всегда считали, что ум - это слова и речь. Но это не так. Они очень близки - параллельны. Они так близки, что может создаться впечатление, будто это одно и то же. Но когда уходишь глубже в медитацию и покидаешь мир слов и речи, ты внезапно обнаруживаешь свой пустой ум. И это твой истинный ум. Чтобы выделить его, мы называем его "пустое сердце". И как бы мы его ни называли - "не-ум", "пустой ум" "пустое сердце", - это одно и то же. Но обычно мы находимся во власти мыслей, слов, эмоций, и нам трудно представить, что за облаками - чистое небо, что за облаками - полная луна. Нам нужно подняться над облаками, чтобы увидеть луну.

Монах снова спросил:

- Что же такое ум, находящийся за пределами слов и речи?

Ни один человек, обладай он хоть крохой разума, не задаст подобный вопрос. "Что же такое ум, находящийся за пределами слов и речи?" Если это за пределами слов и речи, как дать ответ?

- Нет ума за пределами слов и речи, - ответил Хякудзё.

Тогда монах сказал:

- Если за пределами слов и речи нет ума, что же такое ум в действительности?

Он не понял, что значит "за пределами".

Хякудзё ответил:

- Ум не имеет формы и качества. Он и не в пределах, и не за пределами слов и речи. Он всегда остается чистым и неподвижным и может исполнять свои функции свободно и беспрепятственно. Патриарх сказал: "Лишь когда видишь, что ум нереален, дхарма всех умов может быть понятой".

Это диалог двух человек, которые не могут понять друг друга. Мастер Хякудзё пытается говорить насколько можно исчерпывающе о том, чего нельзя высказать словами. Любой бы на его месте, хоть бы и такой человек, как Ма-цзы, отпустил монаха, чтобы дать ему возможность заглянуть за пределы ума.

Когда мысли останавливаются, когда кто-нибудь внезапно бьет тебя, весь мир начинает кружиться волчком. Мысли останавливаются, ты в шоке: "Я задал ему совершенно нормальный вопрос, а он ударил меня! Что за ненормальный учитель?.." И прежде чем ты откроешь рот, он снова ударит тебя.

Как-то раз Ма-цзы ударил одного человека шестьдесят шесть раз подряд...

Ма-цзы бил, а тот все открывал свой рот, Ма-цзы бил снова, а тот все продолжал открывать рот... и так шестьдесят шесть раз. Наконец человек перестал открывать рот: он понял, что в этом - вся причина битья.

Но Ма-цзы был учителем совершенно иного типа - очень любящим и очень сострадательным. Он имел право бить.

Когда этот человек замолчал, Ма-цзы закрыл глаза. И человек тоже закрыл глаза. Ничего не было произнесено. Все было понято.

Эти шестьдесят шесть ударов отбросили человека на край ума. Он был подлинный искатель. Его не беспокоило то, что его череп, возможно, треснул... Его это не беспокоило, и он продолжал напрашиваться на следующий удар, пока что-то не осенило его, и он не замолк.

Увидев это и поняв, что человек больше не будет спрашивать, Ма-цзы закрыл глаза. Они просидели несколько часов, не проронив ни слова.

В этом безмолвии произошла передача.

Человек поклонился, прикоснулся к ногам Ма-цзы и сказал:

- Если бы было больше людей, подобных тебе, столь сострадательных, способных ударить шестьдесят шесть раз, весь мир бы обрел просветление.

Это была совершенно иная атмосфера. Удар там не считался оскорблением - это была весть.

То, что невозможно выразить словами, можно было сказать ударом. Удар говорил: "Тихо! Молчи! Будь абсолютно безмолвен!" Мастер, нанося удар за ударом, втолковывал: "Копай глубже и глубже. Я бью тебя снаружи. Ты бей себя изнутри, пока не докопаешься до истоков жизни".

Хякудзё же больше полагался на простые диалоги. Его вклад заключался в том, что он не вел себя подобно безумному дзэнскому мастеру. Его поведение было очень нормальным. Он низвел дзэн с горных вершин на базарную площадь. Безусловно, он должен был вести себя как на базаре. Все вопросы глупы. Каждый вопрос требует хорошего удара.

Чтобы дать ответ, Хякудзё сказал, что они - параллельны. Они кажутся очень близкими, но это не так. Они могут идти разными путями. Ничто не мешает им делать это. Ум может оставаться пустым - без мыслей.

Мысли - не обязательная составляющая ума. Они приходят и уходят. Вы знаете, что они все время пребывают в движении. Ваш ум - это просто караван-сарай, где они останавливаются на постой.

Можете ли вы вспомнить, сколько мыслей прошло через ваш ум за всю жизнь? Наверное, ровно столько, сколько воды протекло через Ганг. Ум каждого человека параллелен реке мыслей.

Ум Хякудзё настолько ясен, что вопрос "Что же такое ум, находящийся за пределами слов и речи?" звучит совершенно бессмысленно. Он ответил: "Это не ум, и между речью и словами, с одной стороны, и умом - с другой, нет взаимосвязи". Это два отдельных явления, развивающихся в одном направлении, но никогда не встречающихся. Поскольку все это находится за пределами ума, речи и слов, человек, наделенный пониманием, никогда бы не спросил: "Что же такое ум?.." Ведь ответ обязательно будет состоять из слов.

Об этом уме ничего нельзя сказать. Этот ум можно лишь почувствовать, познать на опыте. Если бы человек спросил, как познать на опыте ум, лежащий за пределами слов и речи, это небольшое различие в порядке слов породило бы огромное смысловое различие. Это бы доказало, что человек - гений. Он понимает, что существует нечто за пределами слов и речи, и не хочет принуждать собеседника низводить то, что находится за пределами слов и речи, к простым словам.

Но Хякудзё был очень терпелив. Он вынужден был быть таким, так как работал на базарной площади, а не в дзэнском монастыре: не только с подлинными искателями, но и со случайными любопытствующими. Такие нередко просто задают вопросы, чтобы посмеяться...

На протяжении тридцати с лишком лет я ездил по этой стране. Я встречал людей...

Я собирался сесть на поезд. Остановка длилась десять минут, но кто-то держал меня за руку и говорил: "Скажи мне только, что такое истина?"

Я отвечал, что объяснение займет некоторое время и я пропущу свой поезд. Это совсем не тот вопрос, на который я могу ответить прямо сейчас. Необходимо определенное понимание, и только тогда я смогу лишь указать нужное направление. Это невозможно сделать, когда поезд начинает двигаться.

Я встречал людей на улицах, которые говорили мне: "У меня нет времени для медитации. Не мог бы ты сказать вкратце, что такое медитация?" Весь мир полон таких людей: всегда спешащих и желающих в спешке познать высшую истину.

Этот же человек даже не понимал, что было сказано. Обладай он хоть крохами разума, он бы остановился. Остановившись, он, возможно, смог бы что-то увидеть. Но вместо этого он продолжал спрашивать: "Что же такое ум, лежащий за пределами слов и речи?" Хякудзё не повел себя так, как должен был бы повести себя с подлинным дзэнским искателем. Перед ним стоял просто любопытствующий. И он ответил: "Нет ума за пределами слов и речи". Он говорит,

что за пределами слов и речи нет ума.

Не-ум - это пустой ум.

Не-ум - это пустое сердце.

Больше об этом ничего нельзя сказать: он пуст, в нем нет того, что ты называешь "умом".

Тогда монах сказал:

- *Если за пределами слов и речи нет ума, что же такое ум в действительности?*

Он все больше и больше упорствует в своей тупости. Всё уже сказано. Если бы он действительно искал истину, он бы спросил, как проникнуть в то пространство, о котором ему говорят. Какой можно использовать прием, какой метод... но он не интересуется ни приемами, ни методами - он вновь и вновь донимает учителя вопросами.

- *Если за пределами слов и речи нет ума, что же такое ум в действительности?*

Хякудзё ответил:

- Ум не имеет формы и качеств. Он и не в пределах, и не за пределами слов и речи. Он всегда остается чистым и неподвижным и может исполнять свои функции свободно и беспрепятственно. Патриарх сказал: "Лишь когда видишь, что ум нереален, дхарма всех умов может быть понятой".

Все это было недоступно любопытствующему, но Хякудзё сделал все возможное, чтобы выразить это словами. Он сказал: "Не спрашивай о реальности ума. Это - просто зеркало, отражающее все атрибуты бытия. Оно всегда чистое. Ты просто не приближался к нему".

Должно быть, Хякудзё испытывал великую грусть, встречаясь с подобными людьми. Я и сам разговаривал с миллионами людей из различных уголков земли. Я обращался с речью к толпе в пятьдесят тысяч, а то и в сто тысяч человек. И я прекрасно знал, что все проходит мимо их сознания - они просто сидели передо мной. Если бы кто-то вздумал подняться и попытался выбраться из этого человеческого океана, его бы побили: "Не мешай слушать! Садись!" Я обращался к аудитории со словами: "Если кто-нибудь встанет с места - усадите его". А люди очень любят подобные вещи!.. И они с нетерпением ждали, когда кто-нибудь встанет, чтобы с чувством исполненного долга усадить его, дав пару оплеух - как же без этого обойтись?

Эти люди любили меня, но не за то, что я им говорил, а за то, как я это говорил. Они не были искателями.

Они просто пользовались возможностью послушать.

Я очень быстро уставал. Они слушали меня - мои слова влетали им в одно ухо, а из другого вылетали. Так слушали мужчины. Женщины же слушали меня обоими ушами. Они вылетали у них через рот. Такая себе маленькая разница! Видели ли вы двух женщин, сидящих напротив друг друга в безмолвии?

Мир полон сплетен, а ты, чудак, рассказываешь о медитации! А как интересно узнать все сплетни о соседях! Что же касается медитации, для этого будет достаточно времени в старости или даже после смерти. Молча лежа в могиле, можно медитировать сколько душе угодно. Но прямо сейчас столько всего происходит интересного: чья-то жена сбежала, чей-то муж изменяет своей благоверной...

Увидев все это, я понял, до чего бессмысленно обращаться к толпе. Я стал собирать группы в несколько человек. Но для этого нужно было отказаться от привычки выступать перед толпой. Перед тем как уйти на гору, я сообщал людям, что каждый, кто хочет идти со мной и оставаться на горе семь или десять дней, может это сделать. Конечно же, никто не станет брать десятидневный отпуск, чтобы отправиться со мной на гору из праздного любопытства. Если он оставляет жену, детей и работу на десять дней - значит, его влечет не любопытство, он действительно хочет что-то узнать. Это было начало медитативных кэмпов.

Но вскоре кэмпы стали доставлять мне неприятности. В Раджастане состоялось собрание, и

было принято решение не допускать меня в Раджастан. Обычно я отправлялся на гору Абу, в Раджастан. Тогда в Гуджарате премьер-министром был Морарджи Десаи, и он сам выступил перед собранием, призвав его не допускать меня в Гуджарат. Я ходил в Бхавнагар, в Раджкот, в Джамнагар, в Даварка - там было несколько прекрасных мест для кэмпов. Нангол... там, на мили раскинулись леса огромных деревьев сэру. Лучи солнца не могут пробиться сквозь их листву - они такие высокие, растут очень близко и их кроны такие густые! И все это невдалеке от моря. Там можно сидеть и слушать шум прибоя. И не обязательно находиться всем вместе - можно разбрестись по всему лесу.

Мои кэмпы стали запрещать повсюду. Они не причиняли никому никакого вреда - туда приходили лишь те, кто хотел прийти. Видя, что это происходит по всему миру, я пришел к заключению, что демократии нет нигде.

Везде много говорят о демократии, свободе слова - но все это лишь слова. Как только появляется человек, которому есть что сказать, вы немедленно останавливаете его. Да, существует свобода сплетен, но не существует свободы говорить правду... Но еще опаснее указать людям направление, в котором они могли бы двигаться. Это настоящая угроза для всех капиталовложений.

И я должен был остаться в Пуне и перестал выезжать - кто захочет прийти, тот придет. Таким образом я нахожу подлинных искателей, тех, кого не интересует умственная гимнастика, тех, кто страстно стремится найти подлинные истоки жизни, узнать, откуда они пришли, куда должны уйти и что такое действительность. Их не интересуют слова, их интересуют переживания.

Хякудзё, должно быть, был очень печальным. Об этом я могу судить по себе - тридцать лет потрачено впустую... тридцать лет я собирал толпы слушателей по всей стране. Безусловно, они не слушали меня, они не чувствовали меня, они не видели, что есть что-то, что необходимо совершить уже в этой жизни. Им только нужно было получить хоть какое-то представление о направлении.

Те, кто съезжаются сюда тысячами со всех уголков земли, - принадлежат к совершенно иной категории. Они - не люди толпы. Они - искатели и исследователи, и они готовы поставить на карту свою репутацию. Они рисуют своим положением в обществе лишь тем, что поддерживают связь со мной. Я - опасный человек. Они также становятся частью этой опасности. Никто не знает, что это за опасность.

Иногда сюда заходят случайные люди и удивляются, как, живя здесь, в Пуне, они даже не подозревали, что происходит за этой калиткой. Аудитория Будды всегда ассоциировалась с опасностью. Ведь здесь собираются люди, не принадлежащие ни к какой религии, не принадлежащие ни к какой нации, не принадлежащие ни к какой дурацкой идее о социальном неравенстве. Здесь нет ни мужчин, ни женщин, здесь нет ни богатых, ни бедных. Все мы здесь в одной лодке и изо всех сил стараемся достичь другого берега.

А другой берег не так уж далеко отсюда. Все, что нужно для его достижения, - это немного медитативности, немного безмолвия. Мы прикасаемся к иному берегу каждый вечер. Нужно прикоснуться не один раз, прежде чем привыкнешь к новому пространству, новому миру. Пристать к другому берегу - это не просто пристать: нужно оставить все, чем ты был на этом берегу. Лишь главный жизненный принцип должен оказаться с тобой на другом берегу. Человек узнает медленно-медленно, и медленно-медленно раскрываются его глаза, способные оценить красоту другого берега. Эта невероятная красота может ослепить. Она так близка, что сама ее близость заставляет меня грустить. Люди, достигшие другого берега, всегда грустят - они грустят о тех, кто не задумывается о другом береге. Даже во сне им снятся всякие глупости.

Вот хайку Басё:

Проходящие дни и месяцы - вечные странники во времени.

"Проходящие дни и месяцы - вечные странники во времени".

Почему он написал это хайку? Те, кто ничего не знает о дзэн, не поймут его значения. Но для того, кому известен контекст... этот контекст - наблюдатель.

В хайку ничего не говорится о наблюдателе, но суть ее - о наблюдателе. Это подобно зеркалу. Месяцы и дни - вечные странники. Они проходят перед нами, но мы остаемся всегда в здесь и сейчас: мы - не странствуем. Все наше существование - в здесь и сейчас. Не важно, где находится твое тело.

Хайку имеет смысл только для медитирующего. Все проходит мимо - весь караван звезд, дней, месяцев, лет, веков. Но ты всегда остаешься здесь, безмолвно наблюдая за всей этой процессией.

Этот неподвижный центр - не только твой центр, это центр всего бытия. Все бытие движется вокруг этого центра. Зная об этом, ты остаешься неподвижен. Ты нашел свою целостность, ты можешь расслабиться. Исчезают все желания, исчезают все честолюбивые устремления. Больше некуда идти, больше не к чему стремиться. Все так, как должно быть.

В то мгновение, когда ты постиг то, что все так, как должно быть, ты стал буддой. Это мы и называем просветлением.

Маниша спрашивает:

Наш любимый Учитель,

Ведь не станешь же Ты разбивать наши сердца, удалившись в свою комнату, чтобы больше из нее не выйти?

Возможно, это эгоистично с моей стороны, но все же я надеюсь, что нам удастся удержать Тебя, что Сардарджи будет продолжать смеяться, что Авирабхава будет продолжать вскрикивать, что сутры будут достаточно сочными, а вопросы докажут то, что мы все еще очень нуждаемся в Тебе.

Маниша, ты сказала: "Ведь не станешь же Ты разбивать наши сердца..." Но именно это я и буду делать, но не в том смысле, который ты вкладываешь в эти слова.

Я разобью ваши сердца своим присутствием.

Ваши сердца закрыты. Вы не открывали дверь, ведущую в них, в течение многих столетий. Сколько пыли в них накопилось! Какой паутиной они обросли! И я собираюсь разбить все это, чтобы помочь вам обнаружить пустоту собственных сердец. Но твоя мысль была совершенно иной. Ты сказала: "Ведь не станешь же Ты разбивать наши сердца, удалившись в свою комнату, чтобы больше из нее не выйти?"

К сожалению, я не могу обещать вам этого. Я мог бы пообещать, но ведь ты сама знаешь, что я противоречивый человек, так что в моем обещании не будет никакого смысла. Так что я ничего не буду обещать.

Я буду стараться появляться здесь каждый день. И это обещание можно исполнить только сейчас, потому что я совсем не уверен, что мир существует больше двенадцати лет. Видя глупость политиков, священников и так называемых "правителей мира", я прихожу к уверенности, что они разрушат планету.

Все, что ни делается ими, ведет к уничтожению планеты. Так что, пожалуй, двенадцать лет - не такой уж большой срок. Авирабхава может ожидать под дверью, Сардар Гурудаял Сингх может продолжать смеяться.

Если вы созреете, если вы все сможете осознать то, что стоит превыше жизни и смерти, мы все можем остаться вместе - Авирабхава и все остальные! Тогда мы повеселимся по-настоящему! Ведь ясно, что, если действительно существует Ад, все мы пряником в него отправимся. Авирабхава будет то и дело вскрикивать, сидя на капоте моего "роллс-ройса"; Сардарджи будет

смеяться, пристроившись сзади, и весь караван ворвется в Ад и захватит в нем власть - ведь Дьявол правил им уже достаточно долго. Там необходимо произвести революцию. Если нам суждено изменить мир, мы изменим его в любом случае.

(В этот момент свет на секунду гаснет) Дьявол всполошился! Одно, по крайней мере, ясно: Бог не изобретал электричества. Нигде в Священном Писании не сказано, что Бог собирается изобрести электричество. Это дело рук Дьявола. Так что он подает нам сигнал: "Не трогайте меня! Отправляйтесь другой дорогой!" Ему бы хотелось, чтобы наш караван заехал в Рай. Но Рай, со всеми его грязными святыми... (большинство из них голые), с этими старыми хиппи, уродующими свое тело, нам не интересен.

Кто-то из них стоит на голове... и все они высохли - просто скелеты. Им нечего больше делать, разве что играть на арфах и петь "аллилуйя". Мои люди не способны заниматься подобными вещами целую вечность.

Вы не найдете в Раю ни Гаутаму Будду, ни Ма-цзы, ни Хякудзё, ни Бертрана Рассела, ни Сартра, ни Достоевского. Там вы не найдете ни одного гения, ни одного художника, ни одного мистика - все они в Аду. И они сделали Ад прекрасным. А мои люди ворвутся туда с криками радости и смехом. Это единственное, чего недостает в Аду. Какой смысл отправляться на Небеса? Настоящая работа ждет нас в Аду - там мы должны изменить миллионы людей, которых туда отправили за мелкие прегрешения.

Берtrand Рассел так писал в своей автобиографии: "Я не могу понять христианской идеи, согласно которой грешники должны страдать целую вечность в Аду". Сколько грехов нужно совершить, чтобы навлечь на себя вечные муки? Даже если каждую секунду днем и ночью совершать то один грех, то другой... И что такое грех? Выпить чашечку кофе, выкурить сигарету, влюбиться в опасную женщину, очень хорошо выглядеть... Никогда не обманывайтесь внешним видом - в действительности все иначе. Великие философы писали о видимости и действительности.

Вот что говорил Рассел: "Однажды я пересчитал, сколько грехов я совершил, а также все те грехи, которые я хотел бы совершить, но которые мне не позволили совершить обстоятельства. Если считать и те, и другие, меня могли бы приговорить от силы к четырем с половиной годам лишения свободы даже в том случае, если бы за дело взялся самый строгий судья. Но вечность - это слишком много. А они еще говорят, что Бог сострадателен!"

Все творческие люди мира, в какой бы сфере они ни работали, были отправлены в Ад. Тупые и безумные святыне, ничего не смыслившие в творчестве, ничего не смыслящие в медитации, знающие лишь одно: как мучить себя и других, - все они попали в Рай. Я давно подозревал, что и сам Бог переехал в Ад. Жить с этими идиотами?!.. и в один прекрасный день...

Странные люди любого сведут с ума. Только подумайте о святых, какого рода святыне...

Я видел одного святого, который ни разу не присел в течение двенадцати лет. Он только стоял. Его ноги были как у слона. Его туловище совсем высохло и съежилось. Он держал в руках бамбуковую палку, а ученики, чтобы развлечь его, плясали и пели вокруг него день и ночь. Я просто проходил мимо. Кто-то сказал мне, что это - великий святой. Так что я зашел взглянуть на него.

Этот человек издевался над собой, и люди наслаждались видом пытки.

Я видел святых, умирающих по собственной воле. Они отказывались от еды на протяжении девяноста дней.

Только после девяностодневной голодовки организм начинает поедать сам себя. От человека остается один скелет. И этим людям поклоняются тысячи других... эти скелеты - их заслуга заключается лишь в том, что они могут издеваться над собой. Подобное происходит во всех уголках земли - лишь с небольшими вариациями.

Небеса, очевидно, напоминают цирк. Ни один здравомыслящий не может там оставаться, а ограда вокруг Рая настолько ветхая, что во многих местах, наверное, развалилась. Я никогда не слышал, чтобы кто-то пытался из Ада проникнуть в Рай. Никому не хочется попасть в Рай. Заглянуть в него через поломанную ограду - и довольно. Здесь столько происходит идиотизма. Все описания Рая такие тупые, такие отвратительные!

Так что не волнуйся, Маниша. Наверняка вся Аудитория Будды отправится в Ад, как ракета. Прижмитесь друг к другу теснее, чтобы никто не отстал. Двенадцать лет - не такой уж большой срок. Я выполню обещание.

А сейчас пришло время Анандо...

Мать маленького Альберта никак не решается сообщить своему сыну, что его любимый пес Апа погиб под колесами автомобиля.

Когда Альберт вернулся из школы, она некоторое время говорит о посторонних вещах, но наконец решается и произносит:

- Послушай, Альберт, на Апу налетела машина, и он умер.

- Ой-ой-ой, - отвечает ей мальчик и продолжает играть, насвистывая себе под нос.

За ужином Альберт спрашивает:

- Мама, а где же Апа?

- Малыш, - отвечает ему мать, - сегодня днем я тебе сказала, что Апу переехала машина.

Альберт заливаются слезами.

- Но, послушай, Альберт, - говорит мать, - когда я сказала тебе об этом днем, ты воспринял это известие совершенно спокойно. А сейчас ты так убиваешься! Почему?

- Тогда мне показалось, - говорит Альберт сквозь рыдания, - что ты говорила про папу!

Поляк Папа Римский отправляет торжественную мессу в кафедральном соборе Святого Петра в Риме. Месса подходит к концу, и Папа во главе процессии выходит на площадь Святого Петра, чтобы благословить толпу.

Внезапно часы на башне кафедрального собора бьют три раза, и минутная стрелка, слетев с оси, падает вниз и попадает прямо в голову Папе.

Папа без сознания валится на землю, и его увозят карета "скорой помощи".

На следующее утро все католики мира с нетерпением ожидают выхода газет, чтобы узнать последние известия о здоровье Папы.

Первой вышла газета Ватикана с заголовком на полстраницы: "РЕНТГЕН НИЧЕГО НЕ ОБНАРУЖИЛ В ГОЛОВЕ У ПАПЫ!"

Макс Мулдон прогуливался по холмам Орегона, как вдруг повалил снег. Макс заглянул на ближайшее ранчо и попросил приютить его на ночь. Там его встретили Эд, владелец ранчо, его хорошенькая молодая жена и их дочь.

- Вы можете у нас переночевать, но у нас только одна кровать. Так что придется спать всем вместе - бок о бок, - говорит Эд. - И я предупреждаю: никаких шалостей!

С этими словами он потрясает большим шестизарядным револьвером перед носом Макса и кладет его себе под подушку.

Посреди ночи дочь, лежащая рядом с Максом, просовывает руку под одеяло и начинает поглаживать его.

Макс испуганно указывает на револьвер, лежащий под подушкой у хозяина.

- Он не заряжен! - говорит девочка и тянет Макса к себе.

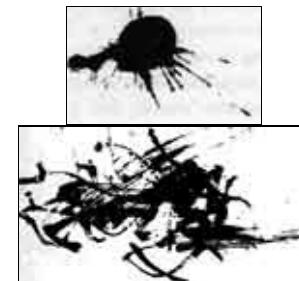
Жена Эда, наблюдавшая за этой сценой, указывает на револьвер и со словами "Он не заряжен!" в свою очередь забирается на Макса.

Эд все это время мирно похрапывает.

Через несколько минут дочь вновь начинает поглаживать Макса по бедру.

Макс, указывая на свой член, говорит: - Он не заряжен.

Ниведано...

Ниведано...

Погрузись в тишину.

Закрой глаза.

Почувствуй, как замерло твое тело.

А теперь обрати свой взгляд внутрь себя с безоглядностью.

Погружайся в себя насколько можешь.

Глубже и глубже...

Преврати все свое сознание в стрелу, летящую к цели.

Цель - это центр твоего существа.

Оказавшись в центре собственного существа, ты оказываешься и в центре Вселенной.

Из этого безмолвия, из этой пустоты возникает все - все цветы, и все звезды, и все будды.

Оказаться в центре - значит достичь последней вехи тысячелетнего путешествия.

Быть буддой - значит оказаться в самом конце пути.

Оттуда будда совершает прыжок в пустоту и исчезает во вселенской энергии. Он тает, как тает лед.

Этот вечер великолепен, и твое безмолвие сделало его еще более великолепным.

Чтобы продлить это очарование...

Ниведано...

Расслабься. Наблюдай. Ты - не твой ум. Ты - не твое тело.

Ты просто наблюдатель. Наблюдение - это ты.

Наблюдение делает тебя пустым зеркалом, зеркалом и больше ничем.

Возрадуйся тишине.

Наслаждайся интенсивностью покоя.

Пусть каждая твоя жилка, каждая клеточка твоего тела впитают в себя соки жизни этого места.

Пропитайся ими полностью - с головы до пят, чтобы, возвращаясь, ты возвращался с буддой в себе.

Будда должен быть в твоих словах, в твоих поступках, в твоем безмолвии и в твоей речи.

Запомни лишь одно: ты был буддой всегда.

В этом нет ничего нового.

Это лишь новое откровение.

Ниведано...

Возвращайся, но возвращайся как будда, не колеблясь, безмолвно и спокойно.

Присядь всего на несколько минут, чтобы все вспомнить...

вспомнить путь, по которому ты шел, место, где ты находился, и то невероятное переживание, когда ты стал буддой.

Это воспоминание будет эхом отзываться в тебе все двадцать четыре часа в сутки.

Хорошо, Маниша? Заботишься об Анандо?

Да, любимый Учитель.

Можем ли мы отпраздновать праздник десяти тысяч будд?

Да, любимый учитель.

Будда - это пустое сердце

Наш любимый Учитель,
Однажды Исан, Гохё и Унган вместе посетили Хякудзё.
Хякудзё обратился к Исану:

- Как ты скажешь это, не раскрывая рта и не разлепив губ?

Исан ответил:

- Я попрошу тебя сказать это. Хякудзё сказал:

- Я мог бы сказать это, но сделай я так, боюсь, мне пришлось бы остаться без преемников.

Тогда Хякудзё обратился к Гохё.

- Как ты скажешь это, не раскрывая рта и не разлепив губ? - спросил он второго ученика.

Гохё сказал:

- Осё! Закрой рот!

Хякудзё сказал ему:

- В далекой земле, где никто не шевелится, я, прикрывая глаза рукой от солнца, буду выисматривать тебя.

После этого Хякудзё спросил Унгана:

- Как ты скажешь это, не раскрывая рта и не разлепив губ?

Унган сказал:

- Осё, ты знаешь это или нет? Хякудзё сказал:

- Похоже, у меня нет преемников.

Маниша, это последняя беседа Хякудзё. И ты выбрала самый странный отрывок - с прекрасной концовкой. Это - Хякудзё в зените.

Однажды Исан, Гохё и Унган вместе посетили Хякудзё.

Это были три ученика, наиболее близкие Хякудзё. Один из них должен был стать преемником - так все говорили. Среди тысяч учеников эти трое были потенциальными преемниками. И каждый учитель, прежде чем сделать выбор, задает вопрос, являющийся, по сути, коаном, на который ответить невозможно.

Хякудзё обратился к Исану...

Это был закат его жизни. Пришло время расставаться с миром. Он искал того, кому сможет

передать огонь, пронесенный через всю жизнь.

Он спросил у Исаны: "Как ты скажешь это, не раскрывая рта и не разлепив губ?"

Две вещи: первое, это - высший опыт. Дзэн крайне точен в терминах. Существовали боги-мужчины, созданные сексистами: "Как может Бог быть женщиной?" Были также и женщины-богини, порожденные примитивными народами. А идея богини-матери, рождающей жизнь, гораздо более приемлема, чем идея бога-отца. Бога трудно представить себе с маткой, в которой зарождается Вселенная. Он творит мир. Мне кажется, что более разумно представлять Бога как женщину, но мужчины - сексисты не могут примириться с этой мыслью.

Так что идея о Боге-женщине сохранилась только среди примитивных племен. В так называемом цивилизованном мире эту идею отвергли.

Чтобы избежать этих смешных противоречий, в дзэн высший опыт называют "оно" или "это" - не "он" и не "она". Это имеет прямое отношение к вопросу о том, кем должен быть Бог - мужчиной или женщиной. Оно может быть лишь нейтральным жизненным принципом, способным проявиться тысячью всевозможных способов в мужчинах, женщинах, деревьях, горах. Все это лишь проявления. В действительности за всеми этими проявлениями кроется единое начало, жизненный принцип. Его можно назвать лишь это.

И потому вопрос Хякудзё "Как ты скажешь это, не раскрывая рта и не разлепив губ?" удивил бы каждого, кто не знаком с миром дзэн: "О чём это вы? Что такое "это"? Во-первых, ты спрашиваешь о невозможном - "...не раскрывая рта и не разлепив губ...", а во-вторых, ты спрашиваешь: "...как ты скажешь это?" - две загадки в одном вопросе".

Исан ответил:

- Я попрошу тебя сказать это.

Тем самым он бросил вызов учителю: "Это невозможно, но я предоставлю эту возможность тебе. Если я не могу сказать это, я хочу, чтобы ты сказал. Скажи же, не раскрывая рта и не разлепив губ".

Хякудзё сказал:

- Я мог бы сказать это, но, сделай я так, боюсь, мне пришлось бы остаться без преемников.

Он говорит: "Если я скажу это, вы не сможете быть моими преемниками. Я могу сказать. Для этого не нужны ни рот, ни губы. Одна хорошая затрецина, и вы будете знать, что я сказал это". Хякудзё не очень часто раздавал затрецины. Он чуть ли не впервые зашел так далеко: "Я ударю с такой силой, что ты можешь свалиться мертвым на землю. У меня не будет преемников. Но, даже если тебе удастся выжить, ты все равно дискредитируешь себя. Ты не ответил на мой вопрос, ты задал вопрос мне. А я экзаменую вас, чтобы выбрать преемника".

Тогда Хякудзё обратился к Гохё.

- Как ты скажешь это, не раскрывая рта и не разлепив губ? - спросил он второго ученика.

Гохё сказал:

- Осё! Закрой рот!

Это немного лучше, чем первый ответ: "Я попрошу тебя сказать это". Он признает свое поражение, но прячет его за словами, вместо того чтобы ответить: "Я не могу сказать". Если бы он просто смолчал, было бы лучше. Но он сморозил: "Я попрошу тебя..." Он не был учителем и не собирался выбирать преемника. Хякудзё же был учителем, чья смерть была не за горами.

Ответ его второго ученика был немного более удачным.

Гохё сказал: "Осё!"

Осё - самое почетное слово. Существует множество слов, выраждающих почтение, но это слово - особенное. Любовь, уважение, благодарность - все это есть в этом слове. Это похоже на христианское "глубокочтимый", но и с ним не сравнить. Само звучание слова "осё", даже если

не знаешь японского, кажется приятным.

И он сказал:

"Осё! Закрой рот!"

В самой этой фразе заключено противоречие. С одной стороны - самое главное слово для выражения почтения в японском языке, а с другой - "закрой рот!". Но в этом весь дзэн. Он тверд и остр, как меч, - проникает в самое сердце, и в то же время мягок и нежен, как лепесток лотоса. Нельзя сказать учителю "Закрой рот!". Чтобы избежать непочтительности, он так обращается к нему: "Осё! Пойми меня правильно. Я испытываю к тебе глубокое уважение и любовь, но ты спрашиваешь какую-то глупость. Ты должен замолкнуть. Перед смертью ты стал слегка слабоумным. И потому закрой рот!"

Хякудзё сказал ему:

- В далекой земле, где никто не шевелится, я, прикрывая глаза рукой от солнца, буду высматривать тебя.

Как красиво отверг его Хякудзё. Он не назначил Гохё своим преемником, так как тот не дал ответ. Но он проявил себя как очень любящий, заботливый, благодарный и почтительный ученик. Именно эти его качества заслужили особого отношения со стороны Хякудзё. И потому он сказал: "В далекой земле... - где-то далеко, в каком-то уголке Вселенной, - где никто не шевелится - где все тихо и недвижимо, - я, прикрывая глаза рукой от солнца, буду высматривать тебя". Он говорит: "Ты можешь быть моим спутником, но не можешь стать моим преемником. Когда-нибудь, в далеком будущем, в каком-то уголке Вселенной я буду высматривать тебя. Ты достигнешь цели - в этом я уверен". Но, сказав это, он отверг его как преемника. Его ответ был лучше, чем ответ Исаны.

После этого Хякудзё спросил Унгана:

- Как ты скажешь это, не раскрывая рта и не разлепив губ?

Унган сказал:

- Осё, ты знаешь это или нет?

Это еще лучше. С огромной почтительностью он говорит: "Осё, о чём ты спрашиваешь, ты знаешь это или нет? Если знаешь, какой же смысл задавать вопрос? Если не знаешь, то никогда и не поймешь". Но это тоже не ответ. И Хякудзё говорит с грустью: "Похоже, у меня нет преемников. Похоже, у меня не будет преемника. Вы прекрасно образованы. Вы - настоящие знатоки. Вы испытываете ко мне большую любовь и уважение, но всего этого недостаточно, чтобы быть моим преемником".

Для этого нужно, чтобы преемник сумел сказать это. Вся его жизнь должна быть посвящена тому, что он будет учить людей, провоцировать людей, подталкивать людей к пониманию этого. Но если он не может сказать это, как может он быть преемником?

Преемник должен быть учителем. Все вы мистики, но никто из вас не способен быть учителем. Я скажу так, чтобы вы поняли. Мистик - это человек, способный к переживаниям, но не способный передать их другим посредством определенных жестов или приемов. Из сотни мистиков лишь один может стать учителем, так как его задача невероятно трудна. Сказать это - возможно, самая трудная задача на свете. Можно пускаться на всевозможные ухищрения, можно подвести человека к переживанию, используя обманные приемы, но сказать это - невозможно. Все эти обманные приемы нужны для очень искусного мастера - учителя, знающего, что даже ложь можно использовать, чтобы указать на правду. Хякудзё сказал: "Очевидно, у меня не будет преемников".

Краткая биографическая справка: Все, что известно о последних днях жизни Хякудзё, - это то, что монахи пытались убедить его отказаться от работы, когда он стал совсем стар и дряхл. Но их слова не возымели на учителя никакого действия.

Беспокоясь о его здоровье, они решили спрятать его рабочие инструменты. Но Хякудзё отказался от еды, следуя своему принципу: "День без работы - день без еды". Монахи были вынуждены возвратить инструменты.

Хякудзё умер в 814 году в возрасте девяноста лет.

Он так никого и не назначил своим преемником. Это решение он оставил за собранием. И на собрании сантьяси был назначен преемник. Это напоминает избрание Папы Римского. Он не является подлинным преемником. Никто даже не возражает против того, как непросветленные люди могут назначать кого-либо преемником Иисуса Христа, представителя Бога на земле.

Двести кардиналов съезжаются в Ватикан, когда умирает один Папа. Для этих двухсот кардиналов есть специальное место - маленькие пещеры. Каждый удаляется в отдельную пещеру. Им нельзя общаться друг с другом, обсуждать друг с другом возможного избранника. Им выделяется двадцать четыре часа для медитации... я не знаю, как они там медитируют, так как не знаю ни одного епископа или кардинала, который... из тех епископов и кардиналов, что я встречал, не один не знает, как медитировать.

То, что они называют медитацией, на самом деле является размышлением. Они раздумывают над тем, кто будет достойным избранником из двухсот кандидатов. Так что они пишут имя на листке бумаги, и через двадцать четыре часа их ответы собирают. Тот, кто набирает большинство голосов, и становится Папой. Из всех этих двухсот кардиналов ни один не является просветленным. Так что это своего рода политические выборы.

Чтобы стать преемником учителя, победить на выборах недостаточно. Должна произойти передача светильника. Лишь учитель может сделать выбор. Но возникла странная ситуация - учитель отказался выбрать кого-либо из трех самых близких своих последователей. Это демонстрирует одну особенность дзэн - избрать можно только наилучшего.

Я вспомнил о выборе преемника Бодхидхармы... У него было четыре очень близких ученика. И все остальные ученики думали, что выбор обязательно падет на одного из этих четырех.

Когда Бодхидхарма собирался отправиться... Он не собирался умирать, он собирался возвратиться в Гималаи. Он пришел в Китай, потому что его учитель, женщина, сказала ему, что он должен принести весть в Китай. Он оставался в Китае четырнадцать лет, пока не увидел, что "несколько человек уже созрели. И он может назначить преемника и отправиться назад, в Гималаи".

Гималаи на протяжении многих веков притягивали к себе мистиков. В Гималаях особая, мистическая атмосфера. Никакие иные горы на земле не обладают такой атмосферой - высота, вечные снега, что никогда не таяли на вершинах, тишина, что никогда не нарушалась, и тропы, по которым никогда не ходил человек. Есть какое-то сходство между гималайскими пиками и внутренним сознанием.

Бодхидхарма сказал:

- Я уже довольно стар и, рано или поздно, должен буду умереть. Я не хочу оставлять за собой следов. Я хочу исчезнуть в снегах Гималаев бесследно. Пришло время отправляться в путь - ведь потребуется не один год, чтобы проникнуть вглубь Гималаев.

И он созвал своих учеников и попросил выйти вперед четырех своих ближайших последователей. Каждый знал, что эти четверо - самые вероятные кандидаты.

И он спросил первого:

- Какова суть моего учения? И первый ученик ответил:
- Суть твоего учения - медитация.

Но дело было не в том, правильным или неправильным будет ответ. Дело было в глубине и в высоте. Ответ был очень гладким: "Твое учение - это медитация". Любой идиот мог сказать

это.

И Бодхидхарма сказал:

- Твой ответ верен, но недостаточен. Ты получил мою кожу - и не более. Садись же.

И он задал этот же вопрос второму ученику.

- Суть твоего учения - обрести просветление. И учитель сказал:

- Ты прав, медитация ведет к просветлению. Но это может сказать даже малыш. Тот, кто слушал меня на протяжении четырнадцати лет, может легко сказать такое. Ты получил мои кости - не более.

Он спросил об этом же третьего ученика, и тот сказал:

- Суть твоего учения - научиться безмолвию.

- Это лучше, чем предыдущие два ответа, но, если суть моего учения сводится к тому, чтобы учиться безмолвию, почему же ты заговорил? Ты сам разрушаешь мое учение. Ты получил мой костный мозг. Садись же.

Четвертый же подошел к учителю со слезами на глазах, поклонился ему и, не сказав ни единого слова, прикоснулся к стопам. Бодхидхарма сказал:

- Ты получил мою душу. Ты - мой преемник. Твои слезы сказали то, чего не сказал никто иной. Твое молчание сказали то, чего не сказал никто иной.

Этот человек был избран учителем как преемник. Это не выборы. Здесь выявляется, насколько глубоко человек постиг истину. Лишь таким образом назначается преемник в мире дзэн. Лишь в тех случаях, когда учитель видит, что никто не созрел в достаточной степени, он проявляет свою приверженность истине, не назначая преемника - оставляя это решение за собранием. "Будет лучше, если вы все вместе определите, кто будет моим преемником. Я не хочу совершил ошибку, остановив свой выбор на непросветленном человеке. Вы, по крайней мере, свободны в своем решении. Вы - не просветленные. Что же вы еще можете сделать? Вы изберете непросветленного - очень умного, очень знающего, очень красноречивого и умеющего убеждать логика. Вы можете сделать это. Но я, в последние минуты моей жизни, не вправе совершить поступок, за который меня осудят будды".

Все эти Папы избраны.

Кстати, Пратхана звонила из Калифорнии. Она ищет для меня различные вещи. Недавно она посетила фирму, шьющую простыни и пододеяльники. Менеджер спросил ее:

- Для кого вы хотите заказать это?

- Для Раджниша, - ответила она.

Тогда этот человек сказал:

- Какое странное совпадение! Раджниш и Папа не сходятся ни в одном вопросе, но оба они - мои клиенты.

У него лучшие клиенты из всего мира - принцесса Диана... и ему самому очень понравилась мысль... Я сказал Пратхане, чтобы она нашла другую фирму. Я не могу спать на той же простыне, на которой спит этот идиот, Папа... Между нами не может быть ни в чем достигнуто согласие - даже в вопросе о простынях.

Басё написал это хайку:

Лишь оболочка от цикады осталась?

Поет ли она, не существуя?

Старое цикадовое дерево. Оно почти мертвое. Листья опала. И Басё говорит: "Лишь оболочка..." Внутренняя жизнь покинула дерево...

"Лишь оболочка от цикады осталась? Поет ли она, не существуя?"

Поет ли она и пляшет, уйдя из бытия? Он указывает всем ученикам, ищающим вечный

источник жизни, на то, что нужно плясать, петь даже после смерти. Только тогда вы сможете найти это. Пляска преображает смерть в вечную жизнь. Пляска - преображающая сила. В ней собраны радость, благословение, благодарность. И сейчас это хочет возвратить вас к истоку - вы не должны грустить. Это - неблагодарно.

У вас должно быть праздничное настроение, вы должны испытывать благодарность за все, что бытие сделало для вас. И потому - пляшите, и в этой пляске смерть становится вымыслом. Эта пляска способна преобразить даже смерть в жизнь - в вечную жизнь.

Маниша спрашивает:

Наш любимый Учитель,

Бываю ли случаи, когда ученики должны защищать учителя от самого себя?

Маниша, честно говоря, каждый день - это тот случай, когда нужно защищать учителя от самого себя - по той простой причине, что он уже достиг всего, чего только можно достичь в жизни. Он продолжает оставаться на этом берегу лишь ради вас. Сам же он дошел до конца - ему некуда больше идти. Его жизнь посвящена тем, кто любит его. Нет в мире ничего такого, что он бы хотел получить.

Он может страдать от старости, может страдать от болезней - и все это ради тех, кто любит его. Он хочет, чтобы они созрели, хочет, чтобы они расцвели.

Каждый день ученики должны защищать учителя от самого себя, так как каждый день учитель думает: "Какой смысл жить дальше? Не время ли покинуть тело?" Но ваша любовь не дает ему поступить так. Больше ничто не препятствует ему. Все нити, связывающие его с жизнью, все струны, соединявшие его со структурой тела-ума, оборвались. Его пустое сердце прислушивается лишь к вашей любви. И насколько хватит его сил... ведь его тело стареет быстрее, чем тело обычного человека. Тело обычного человека следует природным законам старения. Просветленный же человек вышел за пределы законов природы. Он умирает быстро.

Большинство просветленных людей умерли сразу же после обретения просветления, лишь немногим удалось пережить собственное просветление. Это такой удар - в тысячу вольт. Это создает большой зазор между телом и сознанием - становится необычайно трудно жить. Для непросветленного это просто - он не видит в этом никакой проблемы. Его душа привязана к телу. Просветленный же человек живет в телесной оболочке - но он не связан с ней. В любой момент он может раскрыть свои крылья и сказать вам "прощайте!".

Твой вопрос весьма уместен, Маниша. Все существование учителя посвящено тем, кого он любит. Если его разочаровали те, кого он любит, ему больше нет нужды переносить страдания. Ведь когда тело страдает, каждый шаг причиняет ему боль. И эта боль кажется особенно непереносимой, потому что ему ничего не стоит покинуть тело - просто закрыть глаза и уйти. Всю ответственность за защиту учителя от самого себя несут ученики.

Вопрос Маниши, возможно, заставил вас загрустить. Так что, переменим тему.

Итак, время Анандо...

Фредди Финштейн, еврей из Нью-Йорка, торгует одеждой в Америке по твердой цене и никак не может развернуться. Друг говорит ему, что в Индии торгуются все - там это образ жизни. И Фредди садится на первый же самолет и летит в Индию.

Через два дня он идет по дороге индийского города и попадает под проливной дождь. Его американские кроссовки совершенно размокли, и он заходит в ближайшую обувную лавку.

Он не прочь проверить свое искусство торговаться. К нему подходит продавец, Раджив. Фредди указывает на пару туфель, и Раджив отвечает, что они стоят сто рупий.

- Даю пятьдесят, - тут же предлагает Фредди Финштейн.

- Это невозможно, - отвечает Раджив.

- Пятьдесят. И это мое последнее слово, - говорит Фредди.

Раджив уходит, чтобы посоветоваться с хозяином, и вскоре возвращается.

- Хорошо, - говорит он, - можете купить их за пятьдесят.

- Нет, - выкрикивает Фредди, - даю двадцать рупий!

Раджив снова уходит советоваться и, возвратившись, говорит:

- Ладно, можете взять их за двадцать.

- Нет, пять! - тут же находится Фредди.

- Послушайте, - раздраженно говорит ему Раджив, - берите туфли даром и выметайтесь из лавки!

- Ну нет! - отвечает Фредди.

- Нет? Так вы не хотите туфли? - удивляется Раджив.

- Нет! Я хочу две пары!

Маленький театр, расположенный рядом с Ватиканом, начал устраивать секс-шоу "живьем". Поляк Папа Римский пришел в бешенство.

Вместе с кардиналом Мартовским и группой епископов он отправляется на представление, чтобы лично узнать, какой вред может нанести душам добрых католиков это зрелище.

Час спустя, возвращаясь из театра, поляк Папа и его команда в один голос возмущаются этим безобразным, отвратительным, омерзительно-гнусным зрелищем, совершенно неприемлемым для католиков.

Они уже готовы войти в Ватикан, когда поляк Папа останавливается, хлопает себя рукой по лбу и говорит:

- Придется вернуться в этот театр. Я забыл там свою шляпу.

- Да нет же, - отвечает кардинал Мартовский, - вот она - болтается у вас пониже пояса.

Шен О'Рейлли, въезжая на телеге в город, сталкивается с грузовиком.

Шен подает иск в суд, обвиняя водителя грузовика в наезде и требуя компенсации за моральный и физический ущерб, нанесенный лично ему, за телегу, картошку, которую он на ней вез, лошадь, которая тянула телегу, и собаку, которая сидела с ним рядом. Все это тянет на весьма значительную сумму денег.

Но, когда доходит до свидетельских показаний, его дело уже не кажется столь выигрышным, как прежде.

- Верно ли, - спрашивает Симон Акульский, адвокат противной стороны, - что, когда вы лежали на земле после происшествия, к вам подошел некий человек и, спросив вас, как вы себя чувствуете, получил от вас ответ: "Лучше я себя в жизни не чувствовал!"?

- Да, - отвечает Шен, - все так и было.

- Отлично, - потирает руки Симон Акульский, - я думаю, это следует занести в протокол.

Адвокат Шена подходит к своему клиенту и говорит:

- Я думаю, что вам следует подробнее рассказать об обстоятельствах, при которых вы дали этот ответ.

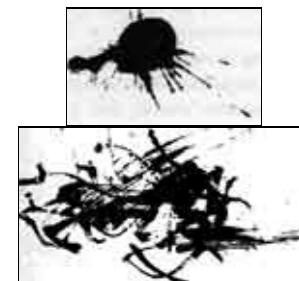
- Конечно, - с готовностью отвечает Шен. - Я лежу на земле, когда ко мне подъезжает полицейская машина и из нее выходит шериф. Он говорит мне, что моя лошадь стонет от боли и у нее переломаны обе передние ноги. Затем он достает свой револьвер, целится в ухо лошади и стреляет.

После этого он сообщает мне, что моя собака в агонии - у нее переломан хребет. И тут же стреляет из револьвера в голову моему псу.

Затем он оборачивается ко мне и спрашивает: "Ну а теперь скажите, как вы себя

чувствуете?"

Ниведано...

Ниведано...

Погрузись в тишину.

Закрой глаза.

Почувствуй, как замерло твоё тело.

А теперь обрати свой взгляд внутрь себя с безоглядностью.

Это - последний момент твоей жизни.

Глубже и глубже, не зная страха, погружайся в центр, как стрела.

Это - исток твоей жизни, а также исток всей Вселенной.

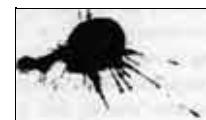
Этот центр зовется буддой, потому что, достигнув центра, ты обретешь сознание, ты проснешься.

Ведь будда - лишь символическое имя.

В этот момент каждый становится буддой. Теперь лишь тебе решать, оставаться ли буддой всегда или взять себе парочку выходных. Но, познав раз красоту, радость, величие и великолепие будды, ты больше никогда не захочешь возвращаться к тупикам жизни, возвращаться в потемки, где можно пробираться лишь ощупью. В это мгновение ты стал светом.

Чтобы было понятнее,

Ниведано...

Расслабься.

Наблюдай. Ты - не твой ум. Ты - не твоё тело.

Ты просто наблюдатель. Наблюдение - это ты.

Это единственная неизменная вещь во Вселенной.

Все изменяется - лишь вечный свидетель пребывает в здесь и сейчас, он остается неизменным.

Это - центр твоего существа.

Этот вечер великолепен, и твое безмолвие сделало его еще более великолепным, еще более прекрасным, твое наблюдение прибавило ему невероятной красоты.

Это место, где десять тысяч будд наблюдают, стало центром земли.

Запомни же это безмолвие, когда возвратишься.

Не оставляй его позади.

Принеси с собой как можно больше цветов, как можно больше аромата.

Не думай ни о чем, что стояло на твоем пути к центру.

Таким же путем ты вернешься назад.

Тебе, должно быть, стала знакомой эта дорога.

Она коротка.

Узнав ее, ты можешь входить в любую минуту, так же как входишь в дом или выходишь из дома - без всякого труда.

Это - твое пространство, твой дом.

Как благословенно это мгновение!

Как много цветов сыплется дождем на тебя.

Так пусть же вся твоя жизнь станет светом, пробуждением, буддой.

Ниведано...

Возвращайся, но возвращайся как будда, незнающий сомнения, без колебаний.

Присядь на несколько секунд, вспоминая пространство, в котором ты находился.

Вспоминая, каким ты там был, - таким тебе предстоит быть все двадцать четыре часа в сутки, вспоминая путь, по которому ты шел туда и обратно.

И привнеси эту тишину, это изящество во все свои дела и жесты, в свои слова и свое безмолвие.

Будда - это твое пустое сердце.

Хорошо, Маниша?

Да, любимый Учитель.

Можем ли мы отпраздновать праздник десяти тысяч будд?

Да, любимый Учитель.

Об авторе

Ошо Раджниш родился одиннадцатого декабря 1931 года в городе Кучвада, штат Мадхья-Прадеш, Индия. Еще в раннем детстве в нем проснулся бунтарский, независимый дух. Он бросил вызов всем признанным религиям, общественным и политическим обычаям, считая, что истину необходимо познавать самому, а не полагаться на сведения и веру, полученные от других.

В возрасте двадцати одного года, двадцать первого марта 1953 года Раджниш обрел просветление. Он так говорил о себе: "Больше я ничего не ищу. Вселенная открыла мне все свои двери; я не могу сказать, что принадлежу Вселенной, ибо я только часть ее... Когда расцветает цветок, я расцветаю вместе с ним. Когда восходит солнце, я восхожу вместе с ним. У меня больше нет этого, разлучающего людей. Мое тело - часть природы, моя сущность - часть единого целого. Я не являюсь отдельным существом".

Он окончил университет в Сагаре с отличием по философии. Будучи студентом, он стал чемпионом Индии по умению вести полемику, золотым медалистом. После девяти лет ничем не примечательной преподавательской работы в университете города Джабалпур он решил отправиться в путешествие по стране, проводить беседы, бросать вызов ортодоксальным религиозным лидерам в публичных дебатах, высмеивать традиционные верования людей, стараясь изменить положение дел в обществе.

В процессе своей деятельности Раджниш затронул практически все аспекты развития человеческого сознания. От Зигмунда Фрейда до Чжуан-цзы, от Георгия Гурджиева до Гаутамы Будды, от Иисуса Христа до Рабиндраната Тагора... Он выделил у каждого то, что имеет особое значение для духовного поиска современного человека. Он основывал свои выводы не на интеллектуальном понимании, а на опыте своих собственных ощущений.

Ошо не принадлежит к какой-либо религии. "Я являюсь началом совершенно нового религиозного сознания, - говорил он. - Прошу вас не связывать меня с прошлым, об этом даже говорить не стоит". Его беседы с учениками и искателями истины со всех уголков мира изданы более чем в шестистах пятидесяти томах и переведены более чем на тридцать языков мира.

Ошо говорил: "Мое послание - это не доктрина, не философия. Мое послание - это некая алхимия, наука преображения, поэтому лишь те, кто желают умереть такими, какие они есть, и появиться на свет совершенно иными - такими, какими даже в своих мечтах они себя не видели до сегодняшнего дня... только эти немногие смелые люди готовы выслушать меня, ибо это рискованное дело.

Слушая меня, ты делаешь первый шаг к новому рождению. Это не философия, которую можно надеть на себя, словно пальто, и бахвалиться. Это не доктрина, где можно найти утешительные ответы на волнующие вопросы... Нет, мое послание - это не какое-то словесное общение. Это намного более рискованное предприятие. Это - ни много, ни мало - смерть и новое рождение".